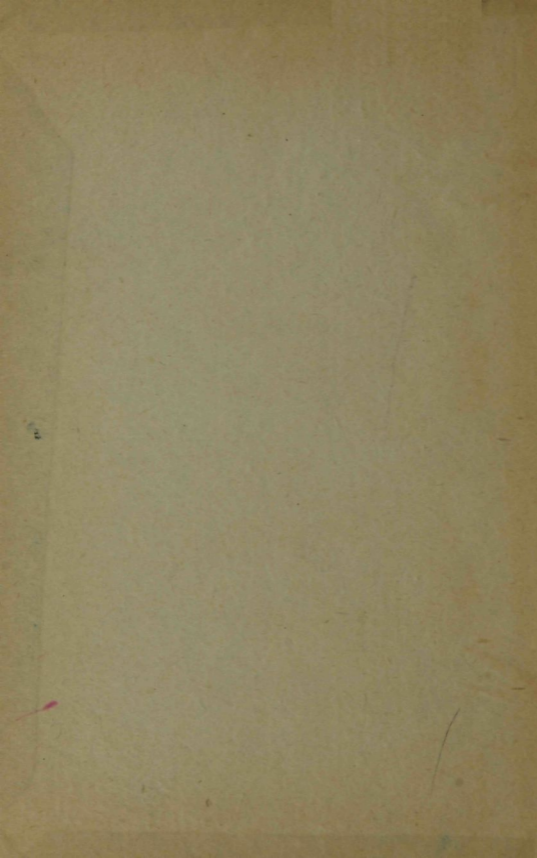

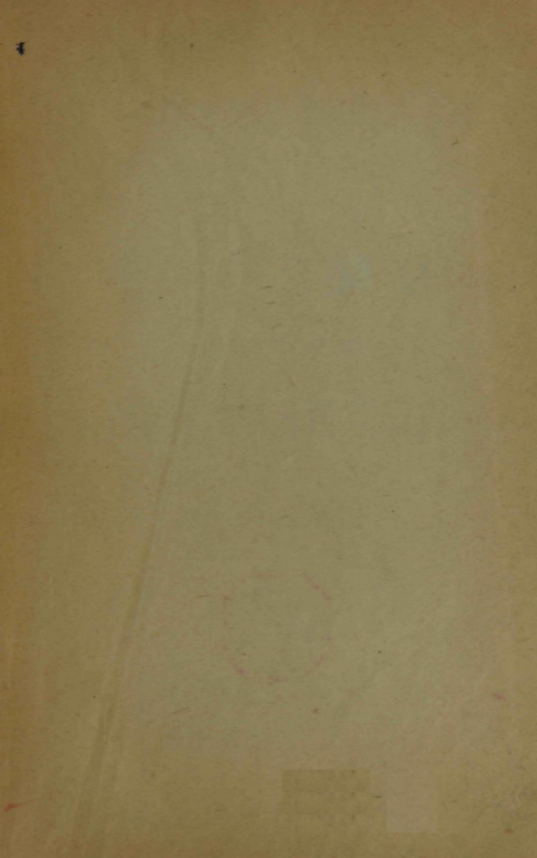
Ф 62

Фирсов М. Н.

Чтения по истории
Среднего и Нижнего
Поволжья.

Казань, 1920.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Проф. Н. Н. Фирсов.

ЧТЕНИЯ

ПО ИСТОРИИ

Среднего и Нижнего Поволжья.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
МИЛЛИ КИТАПХАНАӘСЕ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

КАЗАНЬ.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1920.

11588326

1065
1

99
16.

К 9/с
9/с
9/с

1689 (2)

Лито-Типография „Умид“. Казань. 1920 г.

Казань. 1920 г.

ЧТЕНИЯ

ПО ИСТОРИИ

Среднего и Нижнего Поволжья.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Едва ли надо много говорить о необходимости изучения областной истории в настоящее время, когда вопрос о самоопределении народностей и об автономии отдельных частей России из сферы государственной теории и политических программ перешел в действительность, в более трудную и полную всяких неожиданностей, противоречий и трений сферу практической жизни. В самом деле, истинное право на всякую областную автономию, тем более на автономию политическую, может дать лишь прошлое области, ее история.

Это—чисто практическое побуждение к изучению областной истории, как бы выдвигаемое на первый план текущим моментом. Но знать часть необходимо не только ради нее самой и тех политических целей, которые для нее ставятся, но и ради целого, к которому они принадлежат, в данном случае ради лучшего познания России, которая, при всем разнообразии своих частей, представляет исторически сложившееся единство.

В частности специальное изучение истории Поволжья тем более необходимо, что эта область имела исключительное значение в процессе создания и развития великорусского государства, что она сыграла и продолжает играть великую роль в экономической жизни России, что, в частности, Среднее и Нижнее Поволжье было и есть главнейшая житница России и что вообще Волга, как важнейшая ее водная дорога, представляя целый особый мир всевозможных промыслов, предприимчивости, навыков, обычаев и типов разноплеменного ее населения, была и есть кормилица всей России...

Великорусское государство, созданное великорусским народом под руководством Москвы и потому получившее в свое

время наименования Московского, есть преимущественно Волжское государство. Родилось оно не на Днепре, не на Волхове, а в бассейне Верхней Волги, и окрепло оно, распространившись на бассейн всей Волги до ее устья. Но еще гораздо раньше образования Московского государства на Средней и Нижней Волге и на ее самом большом притоке Каме кипела историческая жизнь, существовали общественные союзы, многочисленное население которых вошло впоследствии в состав Московского государства или, иначе, в состав России, развивалась культура в разных районах этой обширной территории. Поэтому история Среднего и Нижнего Поволжья имеет прежде всего то значение, что после Черноморского побережья, здесь в нашу эру раньше началась история Восточной Европы, чем в других ее местах, не считая эфемерного господства Готов и Гуннов в нынешней южной России. Сверх того, не забудем, что Среднее и Нижнее Поволжье—страна *многоплеменного* населения; поэтому, и войдя в состав России, она осталась оригинальной областью, не похожей во многих отношениях на центр государства, находившийся в между-речье Верхней Волги и Оки.

Если идти глубже в размышлениях о разнице между Верхним Поволжьем, с одной стороны, и Нижним и Средним Поволжьем с другой, то объяснение причин этой разницы мы найдем в геологии страны. Геология рассказывает нам о разной судьбе центральной и восточной Европейской России. В то время как большая часть Европейской России была занята скандинаво-русским ледником, двигавшимся с севера-запада на юго-восток, к западной части нынешней Саратовской губернии, другая, юго-восточная, была дном великого моря. Верхнее Поволжье входило в обширную область этого ледника, а Нижнее и Среднее Поволжье было под водой этого моря, два раза покрывавшего до начала четвертичной эпохи почти всю нынешнюю Европейскую Россию.

Существование ледника и моря в России, образуя равнинность страны, объясняет и появление в одних местах ее леса, а в других—степи. В верхнем Поволжье, по освобождении его от льда во вторую половину четвертичного периода, на сплошь и долго сырой почве выросли дремучие леса, породившие суглинок и супесок. В Среднем и Нижнем Поволжье после отлива моря отсюда, равно как и вообще с юга В. Европы, и сравнительно по более скорой осушке этих пространств, появились необозримые степи. Эти степи были неодинакового вида, ибо почва их была различного свойства. Разновидность же почвы обуславливалась тем обстоятельством, что море, в более древнюю геологическую эпоху покрывавшее все пространство от С.-Ледовитого океана до нынешних Аральского и Каспийского морей включительно, *постепенно* отступало к югу, обнажая землю и все более и более удаляясь от берегов С.-Ледовитого

океана, — так что между этим последним и морем, некогда составлявшим с ним одно целое, образовалась соответствующая по величине отошедшему морю полоса суши, а самое море, в конце концов, слилось в ту громадную котловину, которая принимает в себя родившуюся на месте ледника и моря Волгу и которая называется Каспием. Образование Каспия, повторяю, произошло с геологической постепенностью.

Весьма долго море занимало гораздо большее пространство, чем Каспий, долго оно составляло одно море с нынешним Аральским, было, следовательно, не Каспийским, а Арало-Каспийским, от которого раньше, еще в третичный период, отделилось Черное море. Западным своим берегом Арало-Каспийское море имело правый берег Волги, на севере же начиналось в Казанской губернии. После того, чрез известный, опять-таки, геологический период времени, это море еще долго продолжало занимать нынешнюю южную область Поволжья, доходя до Общего Сырта, который долго и был северным берегом значительно уменьшившегося Арало-Каспийского моря. Таким образом, дальнейшее уменьшение этого моря и образование из него двух морей — Каспийского и Аральского, разделенных большим пространством суши, произошло уже совсем в новейшую геологическую эпоху, почти пред самым началом исторической жизни. Вот *разновременное* превращение дна морского в сушу и объясняет нам разновидность поволжских степей. Пространство, в ближайшую к нам геологическую эпоху освободившееся из-под воды, еще представляет явные, в глаза бросающиеся, признаки недавнего морского дна. Это — солончаковые и песчаные равнины, лишь местами покрытые скудной растительностью, а на востоке прямо переходящие в безжизненные пустыни Средней Азии. Пространства на крайнем юге Поволжья, это — по-лдино-солончаковая степь. Далее, к северу, идут пространства, раньше освободившиеся от воды и потому, чрез травной перегной, приобрели уже слой чернозема, который сплошь покрыт травой. Это — русские прерии, ковыльная степь. Еще севернее, пространства, ранее указанных освободившиеся из-под воды, уже нажили себе, кроме густого травяного, местами и лесной покров; это — лесо-степь. Лишь в северной части нынешней Казанской губернии лесо-степь переходит в сплошной лес. Таково Нижнее и Среднее Поволжье.

Преобладание в нем степи над лесом (в отличие от лесистого Верхнего Поволжья) с незапамятных времен привлекало сюда, в неоглядные поволжские степи, кочевников, выходивших из Азии и подвигавшихся за своими стадами с худших юго-восточных степей в травные волжские места. Здесь, на Волге, переходя частью к оседлой жизни, они раньше образования не только великорусского — Московского государства, но и древнего Новгородского и Киевского государств, составляли обширные государственные союзы, на которые потом обрү-

шивались удары не только позднее пришедших на Волгу степняков, но и оседлого населения с Волхова, Днепра и Верхней Волги. Эти древнейшие Волжские государственные союзы оказались недолговечными, впрочем, так же, как и древнейшие славяно-русские государства, и причина этого — одна и та же: все эти государства были преимущественно военно-торговые соединения, интересам войны и торговли в них все дело приносились в жертву интересы народной массы, призванной лишь доставлять дань в города продуктами своего лесного хозяйства и потому мало заинтересованной в судьбе этих государств. Поэтому, когда слабела рука, держащая меч, и рушалась торговля, разрушалось и государство: народная масса не участвовала в его создании и потому пассивно отнеслась к его защите. Это были государства воинов и купцов, а не народа. То государство, которое возникло в бассейне Верхней Волги, было государством не только русского князя, боярина и купца, но и русского земледельца, почему этому государству и суждено было, передвигаясь вниз по Волге, овладеть всем течением великой реки. Хотя предмет моего изложения — история Среднего и Нижнего Поволжья, история степной, а не лесной полосы его, но я считаю не лишним предпослать несколько замечаний, необходимых для более точного уяснения нашей темы, и по древнейшей истории Верхнего Поволжья.

К тому времени, когда началась письменная, летописная история Москвы, народность, которая начала делать эту историю, великорусская народность, может считаться в значительной степени сформировавшейся. Эта народность была сложного состава и образовалась она путем ассимилирования коренного финского населения этого края с пришлым славянским. Страна, в которой формировалась великорусская народность, как известно, представляла лесную площадь между Верхней Волгой и Окой, сливающуюся с бесконечными лесистыми странами севера и северо-востока; за лесом, к югу начинались столь же, казалось, бесконечные, как и северные дремучие леса, — степи... Заокская северная страна была вообще суровой страной, как большая часть Восточной Европы. Пришельцы с юга не находили в Верхнем Поволжье ни плодородной почвы, ни мягкого климата. Южане, в лице, напр., Геродота, прямо приходили в ужас от стран, лежащих к северу от Скифов. Не видав никогда этих стран, они нервно тряслись от холода при одном представлении о дальнем севере и, предполагая, что там невозможно жить не только обыкновенным смертным, но даже богам, населяли эти страны существами не похожими ни на тех, ни на других, какими-то чудовищами лилифенными человеческого образа. Но там, в царстве холода и впоследствии сильно пугавшего не только южан, но и за

падно-европейцев, и вдохновлявшего их на преувеличенные его описания, жили финские племена. Наш древнейший летописец помнит их. Это—Мера в Ростове, Веси—в Белоозере и Муроме—в Муроме. Столь же сумрачные, как их леса, но стойкие, терпеливые и трудолюбивые финны положили начало земледельческой культуре в дремучих лесах, дали также означенные свойства новому народу, образовавшемуся чрез слияние с ними пришельцев. Пришельцами были славяне и явились они сюда—в лесной край междуречья Волги и Оки—в незапамятные времена. Эта древнейшая славянская колонизация, шедшая, надо думать, из Новгородской области, результатом которой явились самые старые города Великороссии—Ростов, Суздаль и Муром, и была той базой, на которой начался процесс захвата страны славянами и формирования здесь новой, великорусской народности. Новгородские славяне, проторив в глубочайшей древности пути в Поволжье, всегда сохраняли самую тесную связь с ним, называя этот край Низовой землею. Позднее, уже в исторические времена, под давлением внешней опасности и внутренней борьбы на юге, стали переселяться в Верхнее Поволжье из Поднепровья, о чем выразительно свидетельствуют многие местные названия на Ростовско Суздальском севере, названия, перенесенные с Киевского юга. Появляются новые города—Владимир на Клязьме, основание которого относится к эпохе Владимира Св., Ярославль на Волге, основанный Ярославом Мудрым, позднее—Рязань, два Переяславля, Москва и др. Затем русские славяне начали с Верхнего Поволжья подбираться к Среднему: основывается Городец, потом Нижний - Новгород... Но когда основывались эти новые города, мы уже не слышим ни о Мери, ни о Муроме, ни о Веси, а пред нами всюду в поредевших лесах Верхнего Поволжья, где раньше жили эти племена, теперь—великий своими духовными свойствами, как финскими, так и славянскими, русский народ. Как типичский финн, он вынослив, терпелив и сметлив, т.-е. обладает теми свойствами, которые вырабатывала в верхне-волжском населении упорная борьба с суровой северной природой, с лютыми зимами выюгами и не менее лютыми лесными зверями; как славянин, он крайне впечатлителен и глубок мыслью, широк чувством, вихлив и неустойчива волей; способен на порыв, он в отчаянную минуту постыгает, закрыв глаза и уши, „очертя голову“, лишавшуюся тогда его обычной сметки и огорченно вспоминающую о „правильном пути, когда уже поздно поправить содеянное и остается только „почесать в затылке“. Возможно, что и в волевой неустойчивости и непредусмотрительной размашистости великорусса отразилось влияние той же негостеприимной природы, поражавшей его разными роковыми неожиданностями, похожими на предательство. Но в высшем психологическом синтезе всех своих свойств, от каких бы народов они ни уна-

следовались, великорусский народ—народ богатырь со всеми его достоинствами и недостатками, народ с живой, светлой, широкой, терпкой и мощной душой, способной „премогать“ всякие невзгоды и бедствия, как природные физические, так и социальные. Однако, прежде чем образовался великорусский народ путем указанной ассимиляции верхне-волжских финнов со славянами—протекло немало времени, которое было наполнено кровавой борьбой абorigенов страны—финнов с пришельцами—славянами. Невозможно думать, что первая встреча тех и других была мирной в верхнем Поволжье только потому, что мы не имеем сведений о враждебных действиях в глубокой древности, ибо история не знает таких мирных встреч туземного населения с пришлым. Ни в других местностях Поволжья, ни в Сибири, уже на глазах, документальной истории, этого рода встречи не обошлись без самой упорной борьбы туземцев за свою землю и независимость с русскими, становившимися обладателями и господами края только после победы в этой борьбе,—и нет никакого основания утверждать, что дело происходило иначе в Верхнем Поволжье в те времена, от которых не имеем письменных памятников. Нет, и в Верхнем Поволжье финны оказали сильное сопротивление утверждению славян в их стране, но были ими побеждены. Частью, несомненно, финны были истреблены, а частью, вероятно, отступили в иные места: так, напр., значительная часть многочисленного народа Мери отодвинулась на восток и соединилась там с родными ему Черемисами (Мари). Но с другой стороны, едва ли можно сомневаться и в том, что часть верхне-волжского финского населения, уцелевшая от гибели, нигуда и не ушла, осталась на своих местах, примирившись с завоеванием: вот она-то с течением времени, начав жить по-соседски с пришельцами, и ассимилировалась с ними, сделавшись, таким образом, одним из главнейших составных этнических элементов великорусской народности.

С самых древних пор эта народность была земледельческой, хотя обширные лесные пространства, с их многочисленными болотами и суглинком по суходолам, пространства, где создалось великорусское гнездо, мало были пригодны для занятия земледелием. Нет, однако, нужды удивляться утверждению земледелия, как основной формы народного труда, на верхне-волжском суглинке, тогда как раньше тот же самый славянин, сидя на южном черноземе, занимался преимущественно торговлей; ибо земледельческая культура на Верхнем Волжском севере была начата не эмигрантами с черноземного юга, а финнами и поселенцами из Новгородского края, сравнительно отчасти с каменистой, отчасти с болотистой почвой которого верхне-волжский суглинок, особенно удобренный лесным перегноем и пеплом, мог pioneerу казаться плодородным. О древности земледельческой культуры в том районе, где по-

том зародилась Москва, свидетельствует, напр., железный серп, найденный в одном из древнейших подмосковных курганов X века. Вообще, северная Русь, терявшаяся среди своих лесов, удаленная от внешних рынков, была по преимуществу деревенской, сельской, а не городской, какой была южная и северо-западная Русь. Тем не менее мы допустили бы большой промах, если бы не заметили в жизни северной или, точнее, северо-восточной Руси значения торговли. Обширная и сложная сеть рек, больших и малых, представляла удобные дороги, для передвижения людей с целями добычи, торговли и отыскания новых земель для поселения *). Первая цель всюду была господствующей в древнее время, будучи однако тесно связана с остальными целями, особенно со второй. Так и среди земледельческого населения. Верхнего Поволжья торговля была серьезным фактором общественной и политической жизни. Она шла, главным образом, из Новгорода, а также из Киева и Смоленска и, оставляя завязи в разных пунктах Верхнего Поволжья, направлялась в Среднее и, чрез передачу товаров болгарским, арабским и хозарско-еврейским купцам,—далее, в закаспийские страны. Со времени же перемены в направлении генуэзской торговли, избравшей в Черноморье Азовско-Донской путь и вообще со времени падения днепровской торговли, вследствие заграждения великого пути „из Варяг в Греки“ кочевниками,—это северное и юго-восточное торговое движение из Поволжья стало переливаться и к устью Дона, а отсюда на Черноморские и Средиземные рынки. В Верхнем Поволжье это торговое движение отлагалось в виде основания и развития городов на скрещивающихся речных путях,—городов, которые долго были просто промежуточными товарными станциями. Сама Москва явилась таким именно пунктом, возникшим на одном из путевых узлов, нити которых тянулись из Смоленска и Новгорода чрез Волок-Ламский до Волги, с Волги по кратчайшему пути—по рекам Шоне и Ламе—на верховье реки Рузы, которая впадает в р. Москву, с этой же последней путь вел (Москворецкой Восточной и Клязьмой) в окские, средне-и ниже-вожжские и придонские места.

Сделалось общим местом в историографии то положение что верхне-вожжские русские князья, соответственно земледельческому складу жизни населения северных княжеств, были более или менее крупные землевладельцы, вотчинники, хозяева-государя, политическое значение которых зависело от величины богатства принадлежавших им земель-уделов и, таким

*) Волга была одним из самых больших трактов Восточной Европы, упоминаемых в „Повести временных лет“. Древний летописец говорит об этих путях так: Днепр бо потече из оковского леса и потечеть на польдье; а Двина из того же леса потечеть, а влет на полунощье и видеть в море Варяжское; из того же леса потече Волга на восток и втечет семьюдесять жерд в море Хвалиское.

образом, носило на себе признаки феодального характера. Но эти вотчинники, государи не довольствовались тем, что давало им одно владение земель. На одном сельском хозяйстве в те времена невозможно было нажить значительные богатства; поэтому выдающиеся князья-колонизаторы Северной Руси принимали деятельное участие в торговле с соседней средне-волжской и камской державой—Болгарией, а так как коммерческая деятельность тогда тесно связывалась с военной, то эти же князья не брезговали и прямыми нападениями на Волжско-Камскую Болгарию с целью добычи, взятой с бою. С течением времени добычники превращаются в колонизаторов, не переставая, конечно, интересоваться и движимой собственностью и самими владетелями ее в Среднем Поволжье и Покамье. Начинается борьба великорусского народа за Волгу с государственными союзами, раньше укрепившимися на ее среднем и нижнем течении; не успела еще закончиться вполне эта борьба, как началась борьба на Волге обездоленного трудового народа всех народностей Поволжья со слишком требовательным деспотическим великорусским государством и его высшими классами, борьба затянущаяся на целые века и в сущности не окончившаяся еще и по сие время. В старину эта борьба создала особую волжскую поэзию, полную и грусти, и мощи в одно и то же время. Народ в своих волжских песнях и былинах за одно и плачет об утраченной дома воле, и ликует, что он вновь обрел ее на волжских волнах; за последнее-то он полюбил Волгу—„великую реку“ и назвал ее в своих поэтических, как сама она, песнях,—„матушкой“.

Такое интимное отношение трудового народа к Волге тем более должно вдохновлять нас на внимательное изучение ее истории с древнейших времен. К сожалению только, начальная история Поволжья и тесно связанного с ним Покамья покрыта туманом баснословия, как, впрочем, и всякая начальная история. Это в особенности относится к Камскому бассейну, к громадной области Перми где жил народ того же имени—Пермь, соседя на севере с народом Печорой, а на северо-востоке с народом Югрой. Скандинавские мореходы, посещавшие в глубокой древности эти страны, называли их Биармией, вероятно, по созвучию со словом Пермь, Перемь, которое они слышали в области Пермской Чуди или просто Перми, Пермьяков; это—область ценных мехов: она привлекала к себе купцов не только с севера, но и с юга, ближайшим же образом из Среднего Поволжья, и потому становилась богатой и другого рода ценностями, занесенными сюда торговлей („закамское серебро“ и проч.) Эта область в доисторическое время достигла известной степени культуры. Последняя повидимому, слишком идеализирована некоторыми учеными, но эта культура несомненна, и ее нельзя отрицать только потому, что

о ней мы узнаем из скандинавских саг^{*)}; ибо в данном случае рассказы, украшенные легендой, в существенном подтверждаются археологическими данными.

При всем том, нам неизвестна древнейшая история Перми, и потому для начального периода жизни этой области мы ограничимся лишь общим указанием на факт доисторической пермской культуры, созданной населением угро-финской группы^{**}), и прямо перейдем к тому району громадной страны, о котором, хотя и глухо, говорят письменные памятники, т.-е. к нижнему Поволжью. Это, как раз, тот торный путь, именуемый „Каспийскими воротами“, которым народы из Азии двигались в Европу. Страна представляла здесь полынно-солончаковую степь в Приволжье и ковыльную степь, тянувшуюся к предгорьям Северного Кавказа и Черноморью — по равнинам, значительно раньше прикаспийской полосы освободившимся от морской воды. Здесь было где развернуться кочеванию... И каких только народов не видели эти милые кочевникам неоглядные равнины! Сначала явились сюда Гунны, которых известия, идущие от IV в., указывают в степях между Доном и Волгой. Гунны двинулись дальше на запад, а их в волжско-донских степях сменила орда Болгар, которых в свою очередь, сменили здесь Хозары. Со середины V века Хозары под названием Акациров были соседями Болгар в тех же волжско-донских степях. Затем Болгары (в конце VI в.) были захвачены тем народным эмиграционным потоком, первой великой волной которого были столь прославившиеся в Европе Гунны. Одна часть Болгар пошла на запад и перебралась впоследствии на Дунай, где среди южных славян и основала Болгарское государство, другая часть сначала осталась в Придони, а потом, отойдя в южном направлении, где-то затерялась среди Кавказских народов, получив, вероятно, иное название; третья часть Болгар, может быть, главная, не покинула Волги, но откочевала на север и, распространившись по Среднему Поволжью и Покамью, образовала в этой значительной по пространству области тоже болгарское государство среди Волжско-Камских угро-финских племен. В VII стол., в прикаспийском крае и в нижне-волжских степях, а также к западу и юго-западу от них утвердились Хозары,

^{*)} См. Сборник „Пермская Старина“ Александра Дмитриева. Вып. I, Пермь 1889 г.

^{**}) Разумеется, Пермская Чудь создала эту культуру; по моему мнению, это, иначе, Пермь, впоследствии — Пермь-Яки. Проф. И. Н. Смирнов полагал, что Пермская Чудь, — финская ветвь (угро-финской группы), потомки которой — Пермьки и Зыряне (см. его исследование „Пермьки“, Казань, 1891 г.); но существует мнение, что Пермская Чудь, с V-го столетия нашей эры жившая в Биармии, — угорская ветвь, потомки которой — Вогулы и Остяки (см. Сборник Д. Смышляева — „Пермский край, Пермь, 1893 г., статья Ф. А. Тендухова — „Древности Пермской Чудь“).

покорив своей власти тех Болгар, которые еще оставались тогда около Дона. Хозары создали государство, далеко раздвинувшее границы подвластной ему территории. Государство Хозар собственно и явилось первым наиболее *исторически известным* очагом культуры на Волге. На изучении этого древнейшего государства Поволжья мы прежде всего и остановимся, сколько позволяют дошедшие до нас, довольно скудные, известия о нем.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Хозарско-Болгарский период.

1. Хозария.

О далеком прошлом и происхождении Хозар и их государственного союза. Влияние евреев в этом союзе. Значение транзитной торговли. Веротерпимость и равноправность. Города и особенности экономического быта. Государственный строй и его материальная основа. Причины и краткая история упадка и гибели Хозарского государства.

Хозары для науки представляются еще загадкой. В точности происхождение их неизвестно. От Хозар не сохранилось письменных памятников, и наука не знает особого хозарского языка. То немногое, что наука знает о Хозарах, основано на арабских, персидских, византийских и русских источниках. Уже в VI ст. христианской эры Хозары, обитая между Черным и Каспийским морями, сильно беспокоили своими набегами Персию, а в VII ст. и Багдадский халифат, и тогда же с ними принуждена была считаться Византийская империя. В настоящее время ученые склонны усматривать в Хозарах тюрбов. Кажется, правильнее думать, что наименование Хозар не столько этнографическое, сколько политическое, покрывавшее собой целый ряд этнических групп, объединенных одной из них, называвшейся Хозарами, но тоже сложной, состоявшей из разных народов, главным образом, из финских и тюркских *). Возможно, конечно, что ядром этой группы были гюрки, хотя раньше такие авторитетные ориенталисты, как Френ, а за ним Григорьев, склонялись к признанию главным народом в Хозарии финнов. Как бы то ни было, весьма вероятно, именуем Хозар стали с течением времени называться и все те пришельцы, которые явились к хозарам для совместной жизни. Из таковых прежде всего прибыли к хозарам евреи, получившие здесь наибольшее значение. На нижнюю Волгу они прибыли в конце VII века и, поселившись вместе

*) Арабск. географ. XIII в. Абульфеда говорит, что среди Хозар было два совершенно различных типа: черный и русый.

с Хозарами, свили здесь себе хорошее гнездо. Под давлением арабов в 1-ой половине VIII века хозары приняли ислам; но вера Магомета в правящих слоях Хозарского союза не утвердилась, а утвердилось иудейство, принятое Хозарами, хотя, может быть, далеко не всеми, приблизительно тогда же (при Кагане Булане) и окончательно сделавшееся религией правительства и ближайших к нему слоев в IX веке. Очевидно, со времени внедрения в Хозарском каганате иудейства не тюркам и не финнам, а евреям стало принадлежать главное влияние в Хазарском союзе, и это влияние они все более и более закрепляли за собой, сделавшись обладателями торговых капиталов страны. Волга привлекла сюда евреев, как величайший из водных путей по Восточной европейской равнине. Этим путем заманчиво было воспользоваться для развития грандиозного транзитного торга между Европой и Азией, и еврейские, а потом и арабские фактории сделали это большое дело; на почве же развившегося обмена все более и более усиливался государственный союз из народов, населявших страну к западу от Каспийского моря и нижней Волги. В VIII в., когда этот союз достиг наибольшей степени процветания и могущества, и у хозарского правительства искали дружбы и помощи византийские императоры.—Хозарское царство простиралось от Каспия—Урала до Днепра, от Черного моря, включая и Крым,—до Оки и Камы. Это была та эпоха, когда славянское население Днепра и Оки (Поляне, Северяне, Радимичи, Вятичи) находилось под хозарскою властью и было втянуто в огромные торговые обороты этого союза. Что с конца VIII века евреи были руководителями в Хозарском царстве, на это указывает и то обстоятельство, что с этого времени носитель верховной власти в нем Каган всегда до конца государства исповедывал иудейскую веру; даже когда во второй половине IX века хозары снова приняли магометанство, Каган остался верен закону Моисееву. Оставляя в стороне вопрос, не были ли хозарские Каганы иудеями по происхождению в эпоху совместной жизни хозар с евреями, мы все-таки на основании известных фактов, должны подчеркнуть, что во всяком случае преобладающее влияние в Хозарии за означенную эпоху принадлежало евреям: они были властелинами общественной жизни союза.

Эта жизнь сводилась к материальному, торговому интересу, подчинявшему себе остальные отношения, даже религиозные, столь вообще живые в древних государствах; отсюда в Хозарии необыкновенная веротерпимость, признание равноправными всех религий. При таком свободном положении религии в стране было вполне естественно, что предстатель верховной власти принадлежал к одному культу, а его подданные к другому или к другим культурам. Каган был иудей, а правил

он не только иудеями, но и язычниками, и магометанами, и христианами, пошедшими от той проповеди среди хозар, которую в VIII в. начал в Крыму св. Кирилл, сделавшийся потом одним и славянских первоучителей Христовой веры. Та же равноправность признавалась в Хозарии и в сфере юридических обычаев разных народов, входивших в состав союза или имевших в нем деловые отношения. В Хозарии было „учреждено“, пишет араб Масуди, 7 судей: два для магометан, два для хозар, которые судят на основании закона Моисеева, два для живущих здесь христиан, которые судят на основании Евангелия и один для славян, руссов и других язычников, которые судят по законам языческим“. По сообщению другого арабского писателя, судей было 9. Из этой цитаты, сверх того, для чего она приведена, видно еще и то, что магометанство, принятое хозарами в VIII в. не помешало им быть в X ст. иудеями: значит, или не все хозары раньше приняли магометанство, а только часть их, может быть, только один из народов, называвшихся Хозарами, или, если все, то, следовательно, иудейство в X ст. сделало здесь новые завоевания; в том и другом случае усматривается одно явление—могущественное влияние в Хозарии евреев.

На основании имеющихся в распоряжении науки текстов из арабских писателей можно думать, что хозары, сделавшись оседлыми, сохранили, однако, некоторые привычки кочевых народов. Хозары имели города. Так столица царства—Итиль при устье Волги, вблизи позднейшей Астрахани*), представляла большой и богатый город, расположенный на обоих берегах Волги. В западной части его находился дворец супруги главы государства; в этом дворце она жила со своими приближенными. В этой же части обитали купцы—евреи, магометане, руссы, славяне. Евреев в Итиле было много: чуть ли не третья часть всего населения. Упомянутая сейчас сторона была торговой, в роде торговой стороны нашего Новгорода Великого, и на этой-то стороне и происходил оживленный торг тогдашних хозар, доставлявшимися из Византии, Крыма, стран Передней Азии (Персии), Волжско-Камской Болгарии и Руси. В Итиле,

) Недавно А. Н. Греном было высказано мнение, что город Итиль лежал не при известном всем устье Волги (название коей он получил, ибо Волга „сама носила название Итили или Иадгеля“, впрочем, она называлась также Ра), а при другом, старом русле ее, шедшем от Северного Кавказа, „лежал не около Астрахани и не около даже Ордынского Сарая, а просто на Куме“, „у современных развалин „загадочного“ „города Малжара“. (В докладе А. Н. Грена, прочитанном в Обществе Истории и географии в Киеве, под заглавием: „Где жил народ Буртасы и где находился центр хозарского каганата, Итиль?“, смотри сочин. В. Н. Семеновича: „Гезоны и Мордва“. Москва, 1913 г. Издание Московского Археологического Института, стран. 28 и 129). Но это мнение столь же органично, сколько и не убедительно.

как коммерческом центре, было несколько рынков и торговые обороты его были весьма обширны. В восточной части Итиля находился дворец Кагана, верховного главы государства, имевшего еще дворец на одном из волжских островов. Каган жил в восточной части Итиля вместе с придворною знатью под охраной расположенных здесь же войск. Итиль был настоящий город Востока с многочисленными мечетями и банями. Это—столица Хозарии в цветущий период государства; раньше столицами его были—сначала Баланджар, потом Семёндер,—оба у предгорьев Кавказа. Семёндер (близ Тарки) был тоже значительный город: в нем было много мечетей, церквей и синагог и до 4000 виноградников; сверх того, в Хозарии упоминаются города Колимедзе, Саксин и Саркел (Белая Вежа русских летописей, на Дону). Но в городах хозары жили только по зимам, а весной они выезжали в степь и оставались там до зимы. Впрочем, лишь царь, вельможи и их слуги занимались в степи кочеванием, а остальные хозары принимались за земледельческое хозяйство, и отъезд в степь рядового большинства отчасти напоминает нам обычную недавнюю перекочовку помещиков на летнее рабочее время из городов в поместья. „В месяце Нисане (Апрель)“, гласит одно из скудных показаний (арабск.) о хозарской жизни, „оставляют хозары город и каждый отправляется в свои поле и огород, который возделывает, ибо у каждого семейства своя вотчина, в которую они отправляются весело и радостно“. Сверх того хозары занимались рыболовством. Не этими все-таки занятиями определялось течение жизни царства: оно определялось, как сказано, торговлей, для которой хозары имели на Волге значительное количество судов. Но, будучи государством преимущественно коммерческим, Хозария, при ее этнической пестроте, представляла довольно пеструю и экономическую картину: на этой картине, чрезвычайно сильно выцветшей от громадного протекшего времени, с усилием можно рассмотреть, с одной стороны, купца-капиталиста еврея или араба рядом с полуномадом *)—тюрком, уже превратившимся в городского купца, но еще не позабывшего и о своей родной степи, а, с другой стороны, на этой же картине рядом со знатным тюрком и простой тюрк или финн—земледелец—вотчинник, торговец и ремесленник в городе, но работающий, однако, как и его знатный соплеменник, тоже на главные торговые дома и компании союза.

Теперь перейдем к рассмотрению государственного устройства союза Хозар. Во главе народа стоял каган, который был главным владыкой Хозарского царства; но кроме него существовало еще другое административное лицо—это хозарский царь. Ему принадлежала исполнительная власть—он был как-бы

*) Номады—кочевые народы, полуномад—полукочевник.

премьер-министром. Почет, конечно, принадлежал кагану; так, даже царь хозарский должен был входить к нему босой. Рассказывают, что этот босоногий царь, в присутствии кагана, зажигал лучину и садился лишь тогда, когда лучина догорала. Остальные вельможи и подданные должны были пред каганом падать ниц и лежать до тех пор, пока каган не прикажет им встать. По своему усмотрению каган мог казнить каждого гражданина. Жизнь кагана была обставлена комфортом, согласно восточному обычаю, у кагана было 25 жен и до 60 наложниц. Когда каган умирал, то место погребения его тщательно скрывалось. Для этого обыкновенно выстраивали особое здание в котором было до 20 комнат. В одной из них хоронили кагана и потом для того, чтобы никто из непосвященных не знал места могилы, убивали могильщиков. На первый взгляд власть кагана кажется неограниченной, самодержавной; можно думать, что каган был деспот, в руках которого находилось право жизни и смерти каждого подданного. Но на самом деле это было далеко не так. Каган был ответственен пред народом в своих делах. Народ даже мог потребовать смерти кагана. Это обыкновенно случалось тогда, когда Хозарию постигали бедствия, виновником которых народ считал кагана. „Когда землю Хозар. посещает голод или какое другое бедствие или теснят чужеземные войска“, свидетельствует Массуди, „то собираются знатные и незнатные к царю Хозар и говорят ему: это каган и его жизнь приносят нам несчастья, мы считаем это за дурное знамение; умертви его или выдай нам, чтобы мы его умертвили“. Такое воззрение на кагана и его жизнь вскрывает пред нами характер того руководящего влияния, которое имел каган в государстве. Видно, что по отношению к Хозарам иудейской веры власть кагана была не столько политической, сколько религиозной властью верховного жреца, который однако чрез то был и политическим владыкой. Словом, пред нами — государственный строй, созданный под сильным влиянием юдаизма. Хозарская монархия отразила в себе характерную черту еврейской теократии. От имени Иеговы и на пользу Хозар каган управлял государством, и если ниспосылались на страну невыносимые беды, то, значит, каган виноват: Бог отвернулся от него и не хочет его власти над своим народом.

Исполнительная власть принадлежала бегу, царю Хозар, который собственно и был фактическим монархом государства, но и он свою власть, вероятно, разделял с видными представителями капитала, с купеческой аристократией. Эта аристократия и была тем классом, который создал государственную организацию Хозарии. Хозарское государство стояло на страже этого командующего в стране класса, его психологии лежала в основе того своеобразного порядка, который сложился под действием преобладающего значения

хозарского царства. В самом деле, не торговые ли отношения, требующие мирной определенности в суде и безучастные к традициям происхождения и веры, могли породить столь поразительную равноправность народов в Хозарии и столь неограниченную веротерпимость—черты, которыми в особенности рельефно характеризуется государственный и общественный быт этого союза. Возникновение таких устоев хозарского порядка может быть схематически представлено так. Разноплеменные, разноверные торговцы, соединившиеся на нижней Волге в политический союз, ради удобства обмена, стремились устранить всякие помехи к правильным торговым сделкам и мало-по-малу выработали такой порядок, при котором каждому оперирующему на хозарском рынке, можно было, в случае надобности, прибегать к суду по своему закону, согласно со своей религией. Устранив таким образом самый существенный повод к враждебным столкновениям в торговой сфере из-за посторонних торговле мотивов, отделившись друг от друга судом, поставив интересы торговли на первый план, разноверные и разноплеменные купцы—евреи, арабы, тюрки, финны, славяне—соединились своими материальными интересами и быстро увеличили общий торговый капитал хозарского царства, сообщивши ему чрез то блеск и политическое значение и тем еще более утвердивши основные устои сложившегося порядка.

Но коммерческое направление хозарской жизни породило и одно вредное для прочности государства последствие, заключавшееся в той перемене, которая произошла в сфере народной психологии. Внешняя торговля поглощала все внимание, брала всю энергию и силы хозарского населения; Хозары от нее разбогатели, и вместе с тем, как это всегда бывает с коммерческими государствами, лишились мало-по-малу прежнего воинственного духа, когда Хозары были более воинами—кочевниками, чем торговцами. К концу IX ст. они уже были более торговцами, чем кочевниками, изнежились, ослабели в доблести и военном деле, а такая психологическая эволюция, всегда увлекающая к политическому кризису, в данном случае тем более была опасна, что Хозария раскинулась на торной большой дороге движения в Европу азиатских народов. Хозарии был бы так необходим старый боевой дух, когда в IX ст. из-за Урала появилась новая воинственная орда Печенегов, но прежнего военного закала в Хозарах уже не было, и эта орда нанесла первый тяжелый удар хозарскому владычеству в нынешней южной России. Но тем не менее без борьбы Хозары не могли уступить другим народам нажитые ими торговлей богатства и господство над народами, на них основанное. Хозары обладали техническими средствами обороны. Столица их и др. города были окружены крепкими стенами, войско их было превосходно как по вооружению, так и по дисциплине; при чем по-

следия поддерживалась беспощадными мерами: смертью казались войны, бежавшие с поля битвы. Особенно хороша была конная гвардия кагана, состоявшая из 1000 всадников в броне, с саблями и луками. Государственные финансы, при обширности территории, входившей в состав Хозарии, при богатстве ее и развитой торговле, надо думать, находились в блестящем состоянии, составляясь из дани с подвластных народов и торговых пошлин. А поэтому Хозары могли не только выставить против врага свое войско, но и пригласить за хорошую плату на помощь и чужое. Так и было. В оборонительной борьбе с Печенегами Хозары обратились за помощью к Византийцам. Те прислали инженера, под руководством которого была построена на Дону крепость Саркел (Белая Вежа). Сверх того, Хозары обращаются с тою же просьбою о помощи к Уцам или Узам, которые кочевали к востоку от Волги и не пропускались хозарским правительством за Волгу на запад; заключают союз с мадьярами, жившими на Дону. Но все это не помогло. Печенеги, воспользовавшись усобицей, возникшей среди Хозар около 899 г., прорвались в Черноморские степи чрез Хозарию и настолько расшатали хозарское царство, что в X ст. оно стало клониться к явному упадку. Прежде всего Хозары теряют своих данников—днепровских славян, которых захватывают северные варяжские дружины, а Хозары даже не делают попытки освободить их; одно это указывает, насколько ослабело хозарское царство. О том же свидетельствуют и уменьшившиеся его пределы. Сохраняя лишь отчасти свои владения в Крыму, Хозария на Запад простиралась всего до р. Дона, и только на востоке сохраняла свою прежнюю границу, соприкасаясь с кочевьями Башкир и других тюркских народов. Тем не менее и в X ст. Хозары все же представляли богатую страну, привлекавшую к себе алчные взоры соседних диких и полудиких народов. Из них Руссы, утвердившиеся на славянском Поднепровье, были самым воинственным и привычным к отдаленным походам за добычей народом; в тому же Руссы располагали большими силами подчинившихся их власти и руководительству славян. Славяно-русским дружинам и их князьям и выпало на долю разгромить хозарское царство и уничтожить его культуру не ради какой-либо цивилизаторской цели, а просто ради добычи, ради тех великих богатств, которые были собраны здесь посредством обширной внешней торговли. Эту торговлю создала еврейская и вообще восточная предприимчивость и Волга река; воинственная предприимчивость Руссов и Славян привлекала их на Волгу и на Каспий, прибрежные области которого их дружины сильно пограбили и опустошили в 880 и 909 г.г. Такая предприимчивость Руссов не была парализована гибелью на Волге и той большой дружины Руссов, которая пограбила Персидские берега в 913 г., когда она поделилась добычей с хозарским ка-

ганом за пропуск в Каспийское море через его владения и когда, вслед затем, была истреблена на Волге магометанской гвардией кагана, Волгарами и Буртасами *). Напротив, удача за Каспием и неудача на Волге еще более возбудила русскую „добычную“ предприимчивость, и Святослав Игоревич, типичный князь—добычник, в 968 году победоносно вторгся в Хозарию, разбил на голову кагана, взял и удержал за собой западный оплот Хозарии—укрепленный Саркел. Вторжение Руссов сопровождалось страшным разгромом страны. Араб Ибн-Хаукаль, сообщая о нашествии Руссов, говорит, что они перебили в то время жителей Итиля—Хозаров, Булгаров и Буртасов, разрушили Семендер и опустошили его окрестности.

Однако, и после этого разгрома Хозарии не пала окончательно. Она оправилась и как страна коммерческая и, сравнительно с окружающими народами, значительно более культурная, пришла, если верить арабским писателям, в относительно цветущее материальное состояние. Но политически после удара, нанесенного хозарскому государству Святославом, Хозария не могла оправиться, тем более, что дикие соседние народы и русские князья, привлекаемые по-прежнему богатствами хозарских городов, рвали ее со всех сторон и к началу XI ст. окончательно ее обессилили. Тогда уже не стоило особых усилий русским в союзе с Византийцами довершить разрушение Хозарского государства. Уже киевский князь Владимир Свят. отнял у него Тмутаракань, а сын Владимира Мстислав, князь Тмутараканский, опираясь на флот, посланный в Азовское море Византийским императором, довершил поражение Хозарского государства: его каган Георгий Тзума был разбит Мстиславом на голову и даже взят в плен. В XI ст. не стало Хозарии, как политического организма, и о ней молчат с этого времени русские и византийские летописи. Но торговые обороты на нижней Волге не исчезли. Они только перешли под политическое покровительство другого народа—Уцов или Узов,

*) В Буртасах ученые видели Мордву, но известный (безвременно умерший) русский историк-этнограф, проф. И. Н. Смирнов склонен считать их Чувашиами. На этом, однако, разногласие ученых по данному вопросу не кончается. Существуют и еще „мнения“. Так Гурий Комиссаров („Чуваши Казанского Заволжья“, Казань, 1912 г.) считает Буртасов финским народом, лишь растворившимся впоследствии в болгаро-тюркской массе Волжской Болгарии. За то этот исследователь видит Чуваши в Хозарах и даже в Печенегах, что еще нуждается в доказательствах. Упомянутый выше А. Н. Грен полагает, что Буртасы—Чеченцы и что р. Буртас—р. Кума. В виду такого разнообразия мнений о Буртасах, я нахожу возможным лишь кратко отметить эти мнения в примечании, оставив в тексте вопрос открытым. К сказанному прибавлю, что у Буртасов, входивших в состав Хозарской державы, был город того-же названия—Буртасы, в котором были 2 мечети, указывающие нам, что мусульманство между Буртасами в хозарскую эпоху было, повидимому, распространенным явлением. Живя в лесной местности, Буртасы были главным образом звероловы, но также обладали и скотом, и пашней.

бывших врагов, потом союзников Хозарии, которые со времени падения хозарского владычества в Прикаспийском крае и господствовали на нижней Волге вплоть до нашествия татар. Хозарское государство было оплотом той обширной транзитной торговли, которая велась между народами Востока и Запада, в том числе и нашими Славянами, старыми данниками Хозарии. Защищая долго эту торговлю от двигавшихся из глубин Азии кочевых орд, оно давало полную возможность богатеть и развиваться в умственном отношении городам Славянского Поднепровья; а когда хозарское государство пало под натиском, шедшим тоже, как и коммерция, с двух сторон, с Востока и Запада, не только от кочевых орд, но и от русско-славянских дружин, то начали материально и духовно оскудевать и днепровские города (Киев, Смоленск и др.), каковое обстоятельство подготовляло в дальнейшем политическое ослабление южно-русского общественного союза, а потом и окончательную его гибель под натиском еще более многочисленной, чем предшествовавшие (печенежская и половецкая орды), — монголо-татарской орды. Падение Хозарского общественного союза именно и означало, что на всем юге Восточной Европы, в пределах бывшей Хозарской державы, вместо городской, более или менее культурной жизни, развивавшейся на почве оживленной внешней торговли, восторжествовало дикое кочевье, постоянно угрожавшее внесением насилия, разгрома и истребления в пределы соседних оседлых народов.

2. Волжско-Камская Болгария.

Сложный состав Болгарского государства и происхождение народа, игравшего державную роль в этом общественном союзе. Болгары — Чуваши. Арабское влияние и принятие магометанства. Особенности быта Болгар, по сообщениям Ибн-Фоцлана. Города. Общий характер государственной организации. Высший класс и народные массы. Волжский транзит и его значение для Болгарского государства.

Другим древне-поволжским государством была Болгария, разделявшая свое господство над Волгой и торг на ней с Хозарским государством до его падения. Политический центр Болгарии находился в среднем Поволжье, в городе Болгаре или Вулгаре, „Великом городе“ русских летописей, лежавшем на левом берегу Волги, — верст на 30 ниже устья Камы. Занимая среднее Поволжье, владения этого государства тянулись далеко по Каме, на которой памятники отмечают целый ряд болгарских городов. Стало быть, по географическому положению, это — Волжская или, точнее, Волжско-Камская Болгария (Булгария), в отличие от Дунайской Болгарии. О Волжско-Камской Болгарии наука знает немного, ибо очень немного от нее сохранилось вещественных памятников и мало дошло о ней известий в письменных источниках. Свидетельства арабских путешественников и русские летописи, вот те главнейшие источники, при помощи которых, опираясь и на весьма важные в подобных случаях данные археологии, историческая наука пытается восстановить культуру, общественный и государственный быт давно угасшего политического организма. Однако, и здесь, в характеристике Болгарии, так же, как и Хозарии, много неопределенного, неясного, недосказанного, и строится она не столько на основании прочно установленных фактов, сколько на основании исторических гипотез. Так, надо думать что Болгария так же, как и Хозария, представляла государство сложного этнического состава. В него входили все финские народы Среднего Поволжья и Покамья (Черемисы, Мордва, Вотяки, Пермь*), и тюркской народ — Чуваши); главен-

* Если из этих народов или части их наиболее отдаленные от г. Болгара и не платили ему дачи, то все же они входили в сферу его влияния по связи их материальных интересов с Болгарским государством.

ствующим над ними народом были Болгары—народ тюркского происхождения. Сравнительное исследование угро-финских и тюркских языков выяснило, что „в языках мадырском и угорском, зырянском, вотяком, черемисском и мордовском сохранился ряд чуждых тюркских слов“; далее было найдено, что эти „тюркские слова фонетическими особенностями напоминают современный чувашский язык“. С другой стороны, подметила, что в арабский текст болгарских надписей XIII—XIV в.в. вторглись чувашизмы. Эти лингвистические наблюдения и позволили сделать два вывода: 1) что когда-то, очень давно, за пределами исторического наблюдения, финны находились под властью тюркского народа и 2) что по всей вероятности, то были Чуваши или родственный им народ. Надо думать, что тюркская орда Болгар, приди в Волжско-Камский край и образовав тут государство, дала свое наименование (полученное ею в предшествующую эпоху своего кочевания на нижней Волге) тому городу, который был ею основан в новых местах ее жительства, а от города Болгара и весь государственный союз, центром коего он сделался,—стал называться Болгарией. Пришлые тюрки-болгары нашли в новых местностях на Волге и Каме своих соплеменников или во всяком случае родственных им по происхождению—Чуваши, обитавших с незапамятных времен в Волжско-Камском крае; они-то, Волжско-Камские Чуваши, с приходом сюда Болгар, и разделили с ними власть над страной, по крайней мере, в лице своего высшего класса, старшин и князей, и получили то же наименование Болгар*). Это наименование относилось, главным образом, к правящему классу Волжской Болгарии. Таким образом, то обстоятельство, что памятники начинают говорить о Чувашах очень поздно, лишь с XVI в., не должно нас смущать; наименования народов меняются в зависимости от их политического положения. В эпоху Болгарского государства Чуваши жили приблизительно там же, где живут и в настоящее время, лишь более, чем теперь, распространяясь по Каме**): но тогда они играли державную роль в Волжско-Кам-

*) Известный знаток Чуваши и их истории Н. И. Ашмарин („Болгары и Чуваши“) доказывает тождественность Болгар и Чуваши. В том же смысле высказался и целый ряд других ученых—раньше и после Н. И. Ашмарина, начиная со старинной казанской писательницы и поэта Фуса, как-то: Ильминский, Радлов, Кулик, И. И. Смирнов, И. В. Николаевский, Г. Комиссаров. Объяснение, предложенное в нашем тексте, стремится соединить известие о приходе Болгарской орды в Волжско-Камский край с фактом существовавшей здесь Чуваши и да этого события, принесшего им государство и новое имя.

***) В отличие от Болгар, живших на Волге, камские Болгары назывались Серебряными или Пукратскими (пукрат—серебро); кроме этих Болгар, были еще Болгары—Тимтюзи, вероятно, соседи Серебряных, затем Болгары Черемшанские и Болгары Хвалыские или Выхине, жившие при Каспийском море (В. В. Григорьев, Россия и Азия, С.-Петерб. 1876 г., 80 и 91).

ском крае, занимали властное положение в его городах, аулах, и сохраняли то название, которое было именно названием их господства в крае. Завоевание того же края монголо-татарской ордой стерло с него прежнее название *) данное ему старыми его господами—Болгарами, ибо последние (т.-е. как пришлые, так и местные тюрки-Чуваши) принуждены были уступить первое место новому народу—господину, который и дал местному общественному союзу новое политическое название—по новому государственному центру края, городу Казани.

Далее заметно, что уже в начале X столетия в Болгарии внедряется арабское влияние, и что арабы здесь сыграли роль, аналогичную с тою, какую исполнили евреи в Хозарии. Принятие Болгарским правительством ислама в 922 году является, конечно, очевидным итогом арабского влияния и в то же время, хорошим проводником в страну арабской цивилизации. О введении в Болгарию ислама сообщает арабский путешественник Ибн-Фодлан или Фоцлан, посетивший Болгарию в качестве посла Халифа; сообщения Ибн-Фоцлана о том, что здесь он видел и слышал,—являются первыми письменными известиями о Волжско-Камской Болгарии. Принятие новой веры обыкновенно бывает окружено легендами: легендой же сопровождается и принятие в Болгарии ислама. Абу-Хамед рассказывает, что некоторый благочестивый муж пришел в город Булгар в такое время, когда царь и царица были больны и уже отчаявались в выздоровлении. „Примете ли вы веру мою, если вылечу вас“, сказал он им. „Примем“—отвечали больные. Благочестивый муж вылечил, и они приняли исламизм. Услышав об этом, государь Хозарский пошел на них войною с огромным войском, но благочестивый муж сказал: „Не бойтесь и нападайте на неприятеля с криком: „Аллах акбар, Аллах акбар!“ (Бог велик). Болгары исполнили это и обратили врагов в бегство. Скоро после этого государь Хозарский предложил мир, говоря: „Я видел в вашем войске гигантов на серых конях, которые побивали моих воинов“. „Это была рать Божия“, отвечал благочестивый муж. Такова легенда о принятии Болгарами магометанства. В действительности же дело было гораздо проще. Болгарский царь, по имени Алмас, послал багдадскому халифу Муктедиру посольство с просьбой прислать ему хороших знатоков ислама и других лиц, которые могли бы построить в Болгаре мечеть и крепость**). Во исполнение этой просьбы халиф и отправил в Болгарию посланниками Ахмеда-Ибн-Фоцлана и Соусена-Зль-Раси. Таким образом, начались дипломатические сношения, результатом которых и было принятие Болгарами ислама. Этим дипломатическим сношениям, надо думать, предшествовал длинный период сношений торговых. В этот длинный период Болгары

*) Хотя и не сразу и не вполне.

***) М. С. D'Ohsson, Des peuples du Caucase, Paris, 1827, p. 76

хорошо ознакомились с арабами, приезжавшими в их страну, и невольно, в силу того, что стояли на более низкой ступени развития, подчинились арабскому влиянию настолько, что высказали желание принять веру своих коммерческих гостей. Так как в это время Болгар, повидимому, вел борьбу с нежелавшими ему подчиниться местными владетелями, то принятие ислама было и выгодно, дабы иметь поддержку в этой борьбе со стороны Багдадского халифата. Недаром Болгарский царь просил у Халифа техников для постройки не только мечети, но и крепости, „где бы он мог быть безопасен от нападения враждебных царей“. Эта назревшая под давлением борьбы и при содействии арабского влияния потребность в лучших средствах обороны и была, по всей вероятности, важнейшим реальным импульсом к введению в Болгарию ее правительством ислама: болгарское правительство, принимая веру арабов, рассчитывало на получение от них не одной миссионерской проповеди, но и более вещественных, в интересах местной борьбы, услуг. Для миссионерской же проповеди и вообще для арабского цивилизаторского влияния Болгарии было много дела, так как обычаи Болгар были далеки от понятий просвещенных Арабов. Так Фоцдан был очень удивлен, когда Болгарский царь вышел встречать его за 8 верст, затем слуге халифа показалось, что подданные воздают мало почестей царю, кланяясь только в пояс и кладя шапку под мышку. Удивлялся Иби-Фоцдан и тому, что царь, угощая посольство „сам раздавал куски мяса“. „Таков“, говорит Фоцдан, „там обычай, что никто не может дотронуться до кушанья, пока царь не даст ему куска“. Это, конечно, объясняется тем, что Болгары в то время не вышли еще из патриархального быта. В эту пору и даже позднее Болгары не оставили еще кочевых привычек; так они, не исключая и цари, только зимой жили в городе, а летом переселялись в степь, в палатки. Первобытной же идиллией веет и от следующей картины, набросанной тем же очевидцем: „мужчины и женщины“, пишет Иби-Фоцдан, „ходят купаться в реку и моются нагие, ничем не закрываясь друг, от друга“. Последнее особенно возмущало просвещенного путешественника, и он пытался научить женщин приличию, но, как сам он выражается, „не успел в этом“. По отношению к мужчинам Иби-Фоцдан не предпринимал цивилизаторских попыток. Еще более поразило его то обстоятельство, что при такой непринужденности в Болгарии царил чистота нравов и, если случался грех, то за него тяжко карали. „Если“, пишет наш очевидец, „кто в этом (препоб.) виновен, того, кто бы он ни был, привязывают за руки и за ноги к четырем столбам, которые вколачиваются в землю, и топором рассекают ему тело от шеи до бедер. Таким же образом поступают и с женщиной“. Само собою понятно, что такие нравы должны были потерпеть крушение при столкновении с арабской цивилизацией и, действительно, высший

класс Болгарского общества воспринял многое от арабов. Архитекторы и техники, которые прибыли в Болгарию, построили целый ряд зданий. Г. Булгар быстро начал расти, что, конечно, вело к осложнению жизни, а это, в свою очередь, вызвало новые потребности, новые привычки, новые нравы. Некоторые из произведений арабской архитектуры сохранились до сих пор, другие представляют жалкие развалины, кучи мусора, который местами затянулся уже слоем земли. Но, если мы и ныне осмотрим остатки этого города и окинем взором ту площадь, которую он занимал, то не потребуется большого усилия воображения, чтобы явилось представление о богатстве древнего Булгара.

Арабские писатели, следовавшие за Ибн-Фоцланом, свидетельствуют, что в X ст. Болгары были сильным народом. Силен он был и политически, и экономически, материально. В Болгарии существовало немало городов. Кроме главного города Булгара (в нынешнем Спасском уезде Казанской губ., теперь село Болгары или Успенское), в Болгарии были еще значительные города—Сувар (в Чистопольском уезде, недалеко от села Кузнечихи) и Бюляр, называвшийся так же, как и г. Булгар, Великим городом (нынешний Билярск). Затем ряд меньших городов, как-то: Кошан, Жукотин и Керемечук—на Каме, Ошель на Волге.

Конечно, при остатках кочевого быта, эти „города“ не были тождественны с нашими городами и многим, вероятно, походили на вынешние киргизские или башкирские аулы; но все-таки и по величине, и по значению это были не аулы, а города, свидетельствующие уже о преобладании оседлого состояния над кочевым. А такое количество городов, в свою очередь, указывает на экономическое развитие Волжско-Камской Болгарии. В основе этого развития лежала обширная торговля, создававшаяся в Болгарии, как и в Хозарии, благодаря удобным водным путям, главным образом, благодаря, конечно, Волге и Каме. Наиболее предприимчивыми организаторами этой торговли здесь также явились пришельцы, именно—Арабы: арабские монеты, найденные, и находимые археологами при раскопках в местах болгарских поселений, служат тому очевидным доказательством. Но не одни Арабы были активными участниками в болгарской торговле; в ней принимали участие вообще наиболее энергичные представители всех народов, входивших в состав государства, в особенности, разумеется, державного народа—Булгар-Чуваши *), а также тех народов, которые своими экономическими интересами тянули в Болгарию; в числе последних были Славяне вместе с присосавшимися к ним Руссами, каковое обстоятельство, вероятно, и подало

*) Не даром, по сообщению Герберштейна, Чуваши отличались своим судоходством“ (Записки о Московии, С.-Петербург, 1866 г., стр. 139).

Ибн-Фозлану повод назвать болгарского царя „владателем Славян“. Кроме того, более, чем вероятно, что славянские и русские купцы иногда надолго поселялись в г. Болгаре, не говоря уже о пленниках—Славянах и Руссах, имевших здесь невольное местожительство... Какова была государственная организация Волжско-Камской Болгарии, во главе которой стоял не раз уже упоминавшийся царь, с уверенностью сказать очень трудно. Повидимому, это был союз отдельных владений со своими князьями (беками) и царями, во главе которого стоял царь города Болгара, сюзерен по отношению к остальным князьям и царям. Стало быть, пред нами своеобразная восточная феодальная монархия, в момент принятия Болгарам ислама еще сохранившая пережитки родового быта в управлении страной,—в царях и царьках черты родового старейшины, но, вероятно, не более, чем болгарский город сохранял черты степного аула. Иногда цари отдельных владений, своих уделов, бывали непокорными Болгарскому царю, и он с ними боролся, обращаясь даже к арабской технике; побежденные им могли переходить к нему на службу, сохраняя свой титул, подобно тому, как сохраняли свой титул переходившие на службу к московскому государю князья, прежде самостоятельные владельцы своих уделов. Иные болгарские царьки, особенно ближайших к Болгару мест, могли и добровольно, в силу общности материальных интересов, войти в согласие с царем Болгара и сесть в этом городе рядом с ним для управления страной. Ибн-Фозлан сообщает о 4-х таких царях, подвластных болгарскому царю и состоявших при его особе. Они были высланы болгарским царем вместе с его братьями и детьми встретить арабское посольство. Потом арабский посланник их видел за обедом сидевшими по правую сторону болгарского царя, рядом с которым сидела царица. О владетельных князьях, сидевших по городам Волжско-Камской Болгарии, мы имеем свидетельство русской летописи. Естественно, что, при такого рода государственной организации страны, власть главного „владатца“ не могла быть неограниченной. Действительно, мы видим, что болгарский царь далеко не приобрел себе возможности рассматривать имущество своих подданных, как свое собственное: это—довольно определенный признак умеренности фактической власти царя в государствах древности. Так Ибн-Фозлан сообщает о следующих пожертвованных Болгарскому царю его подданными: „Каждый“, говорит он, „кто сеет что-нибудь, берет это себе, царь же ничего не получает из этого, только ему дают по бычачьей коже с дома, а когда он приказывает отправиться в набег на какую-нибудь страну, то и он получает часть добычи“. Тот же автор сообщает, что подданные болгарского царя платили ему подать бычачьиими шкурами. Другой источник свидетельствует о более высоких доходах

болгарского царя, что брал он с подданных „лошадьми и другим“, получая с женитьбы каждого болгарина специальную пошлину, в виде „верховой лошади“. Таким образом, в Болгарии была группа лиц, которая господствовала над остальным населением. Эта группа, по всей вероятности, состояла из самостоятельных в занимаемых ими областях князьков, но вообще обязанных повиновением верховному властике Болгарии, и из князьков, не имевших во владении особых городов и живших при особе болгарского царя. По позднейшим татарским источникам значится, что в момент нашествия Тимура в Булгаре было 4 главных бека (князя)—всех царского рода, будто бы убитые тогда Тимуром вместе с царем Абдулю. Следовательно, можно думать, что болгарский царь управлял страню не один, а вместе с другими царями и князьями ее, как не имевшими своих городов, находившимися при его дворе, так и с имевшими таковые. К этим властным людям Болгарии также примыкали все экономически сильные люди ее, собиравшиеся в города ради торговли, в том числе и иностранцы, приезжавшие сюда для той же цели отовсюду, в особенности арабы из Багдадского халифата, оседавшие здесь и навсегда. Это собственно и был правящий класс Болгарии, он-то, разумеется, вместе с руководителями своими в торговле—арабскими кушцами, и держал крепко в своих руках остальную массу населения, не столько обременяя ее прямыми налогами, сколько широко эксплуатируя ее, как производительницу товаров. На счёт народной массы этот верхний слой болгарского общества, представлявший земельную и торговую аристократию болгарского царства, и богател, и развивался не только экономически, но и умственно. Что это действительно было так,—доказывается следующим соображением. Болгары приняли от Арабов ислам и завели обстановку жизни по арабским образцам; об этом согласно свидетельствуют и исторические и археологические памятники; между тем, когда болгарское государство пало, мы в народах, живших на болгарской территории и покоренных татарами, не замечаем никаких признаков арабской культуры, ибо финны и тюрки Поволжья и Покамья в татарскую эпоху оказываются даже не мусульманами, а по-прежнему язычниками. Ясно, что только господствующий класс принял в Болгарии ислам и перенял некоторые жизненные привычки от арабов, а народные массы, занятые черным трудом в своих степях, полях и лесных трупцах, остались в стороне от культурного движения, начавшегося в городах, и сохранили свои первобытные племенные нравы, верования и обряды.

3. Торговля на Волге.

Арабские наблюдатели, явившиеся в Болгарское царство с исламом, техниками и товарами, сообщают об обычае всякого хлеба в Камско-Волжской Болгарии, в особенности пшеницы, проса и ячменя; но не это давало преимущество болгарам, не богатство хлебом, а широко развитая коммерция. Г. Болгар сделался местом ярмарки, где происходил живой обмен товаров. Теперь мы подошли к вопросу о волжской торговле в древности. Торговля была главным базисом всех государственных союзов Восточной Европы, тем более древнейших поволжских государств, которые в сущности сыграли роль гигантских торговых контор, бывших, благодаря великой дороге—Волге, посредницами в оживленном торговом обмене между многими народами и племенами Европы и Азии. Весьма важны сношения Болгар с Русью. Осталась одна любопытная договорная грамота, относящаяся к самому началу X в. и дошедшая до нас только в истории Татищева. Она гласит следующее: „прислали Болгары послов с дары многими, дабы Владимир позволил им торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и дал им во все города печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгарии с торгом ездили без опасения, а Болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить, что потребно, а по селам не ездить туном, вирикам, огневине и смердине (крестьянству) продавать и от них не купить*). Если мы признаем этот договор достоверным, то можно сделать выводы. Мы видим, что этот договор определяет торговлю с Русью на исключительных для нее условиях. Между русским населением и болгарским купечеством встал русский купец, сделавшийся монополистом в русской торговле, которая раньше вероятно подавлялась болгарской конкуренцией. С упадком Хозарского царства, когда дикие кочевники, занявши южно-русские степи, преградили русской торговле прежние торговые пути на юг по Днепру и на юго-восток с Днепра до Дона, русская торговля начинает развиваться в северо-восточном направлении в Болгарию; с этой страной в начале XI ст. Русь определила торговые отношения на значительно более выгодных для себя основаниях, чем она торговала раньше.

*) С. М. Шпилевский: Древние города и другие Булгарско-Татарские памятники в Казанск. губернии. Казань. 1877, стр. 111.

Транзит, мы знаем, был главной формой волжской торговли в хозаро-болгарский период политического и торгового господства инородцев на Волге. Так, Болгары привозили на Русь (в верховые поволжские города—Ярославль и др.) преимущественно не свои, а заграничные товары, здесь они закупали туземные товары и везли их тем же путем в свою страну, но в Болгарии и вообще на Волге, конечно, расходилась лишь меньшая часть, в розницу, а главные оптовые партии шли дальше, за Каспий, в страны передней Азии и даже южной Европы. Русские привозили в Болгарию меха, которые здесь незалеживались. Кроме пути на среднюю Волгу, русские захватили и другие пути торговли: юго-западный и северо-западный,—с Волги в Подднепровье и в Озерный край, а отсюда в Скандинавию и другие европейские страны. В северо-западном направлении торговали новгородцы, удачливые конкуренты с болгарскими купцами в торговле мехами с Западной Европой. Новгородцы продавали меха торговым компаниям Ганзейского союза. На долю Болгар падал обширный меховой экспорт в юго-восточном направлении. По своему составу он был разнообразен: в него входили меха—собольи, горностаевые, куницы, лисьи, бобровые, белчиьи, козыи шкуры, юфть. Получался этот товар Болгарами, сверх своей страны и Руси,—из Перьми и с дальнего северо-востока, а из Болгарии он отправлялся в Дербент, Багдад, Берду. Так называемые нижние Болгары, т.е. болгарские купцы, поселившиеся около берегов Каспия, по всей вероятности, в бывшей столице Хозарии—Итиле, развили также торговые пути в Индию, Бухару и Хиву. Что действительно торговля была развита в этом направлении указывает следующее: Рычков в своей „Топографии Оренбургского края“ говорит, что в его время в этих ханствах юфтяные кожи назывались „булгарками“. т.е. „болгарским товаром“. Да и в настоящее время казанские татары, доказывая хорошее качество кожи, говорят: „настоящий болгарский товар“. Кроме мехов, преимущественно бобровых, и кож, Русь поставляла и другие товары—мед и воск, затем шли невольники и невольницы—все это переправлялось в Болгарию, затем в Хозарию, а оттуда в Азиатские страны. Болгарские невольницы особенно там ценились и во множестве попадали в восточные гаремы.

Пылкие арабские поэты воспели этих пленниц из Болгарии, в свою очередь бравших в плен своей красотой их чувствительные сердца. „Все мои несчастья,—жаловался один поэт,—происходят от Болгар, они постоянно привозят красавиц из Болгарии, чтоб искушать людей: они красивы как месяц; их губки и зубки не должны быть так красивы, ибо от увлечения их губками и зубками приходится кусать себе губы зубами“.

Сверх перечисленных, упоминаются еще и другие товары, шедшие в Азию из Болгарии, как-то: крупная рыба, бе-

лужий клей, „рыбьи зубы“ (моржевые клыки), янтарь, мамонтова кость, березовый лес, орехи, ремень, рогатый скот, овцы, мечи, кольчуги, стрелы. На Русь из Болгарии шли товары привозные, как-то: различные ткани, безделушки, как дорогие, так и дешевые, ценимые русскими женщинами еще во времена Иби-Фецлана, подметившего особый спрос русских женщин на зеленый бисер. Итак из Руси шел, главным образом, натуральный товар, а из Болгарии шли предметы разнообразных отраслей промышленности, но болгарский товар большею частью был не туземный, а иностранный, привозный и своим разнообразным составом он указывал лишь на обширность болгарского транзита. Из Болгарии на Русь шел также хлеб. Особенно это хлебное соседство было важно для северного русского населения в голодные годы. Тогда возникал усиленный спрос на болгарский хлеб. В летописи под 1024 г. читаем „бе мятеж велик и голод по всей стране, идоша по Волге все людие в Болгарию и привезоша жита и тако оживша“. Кроме хлеба, из Болгарии шел на Русь камень волжских гор для постройки храмов. Источники тех времен ничего не говорят о рыбной торговле. Это значит, что рыбной торговли не было, но можно думать, что немалая рыба была предметом, главным образом, местного потребления и обмена. И у Болгар, и у Руси рыбы в Волге и ее притоках было слишком много, чтобы нуждаться в привозной, а отпуск волжской крупной рыбы в иные отдаленные страны был, вероятно, очень невелик в те века.

Несомненным является один результат этого торгового движения для Волжско-Камской Болгарии: оно сильно обогащало тот класс ее, который им был захвачен, класс царьков, князей, *) местных и пришлых купцов; в города страны торговое движение выбрасывало много всякого рода ценностей и таким образом создавало здесь уже в древнейшую пору значительные капиталы которые заключались прежде всего в товаре, а потом и в деньгах, преимущественно арабских. Началась чеканка и местной болгарской монеты в Болгаре и Суваре, ибо несколько таких монет дошло до нас (монеты болгарских царей—Ахмеда и сыновей его Талиба и Мумина); но, повидимому, это дело далеко не пошло, и арабская монета вытеснила местную, что можно считать косвенным доказательством развития именно транзита, в котором главнейшее значение имели арабские купцы. Во всяком случае, в международном обмене Болгарии, надо думать, употреблялась только иностранная монета, вероятно, почти исключительно арабская, какковым обстоятельством и объясняется свидетельство Иби-Даска о том, что чеканной монеты своей нет у Болгар. Не спра-

*) Болгарское правительство получало хорошую пошлину со всех купеческих судов.

зу, разумеется, Болгары обратились к деньгам: сначала, как и всюду в древности, у них преобладала меновая торговля— в ту эпоху, когда они подати уплачивали бычачьими шкурами; с расширением коммерческих сношений, как с народами передней Азии, в особенности с Арабами, так и с Руссами, они перешли к денежному обращению, не оставив, впрочем, и-менового торгова.

Но богатства, составлявшиеся, при помощи развитой коммерческой деятельности в городах Болгарии, как и богатства хозарских городков, были приманкой для разного рода хищников— степняков тюрков и пришельцев-Руссов. *)

Мы знаем, какую роковую роль сыграли набеги последних на Хозарию. Столь же опасными хищниками оказались и для Болгарии.

Такова в общих чертах волжская торговля в XI, XII и XIII ст.

*) М. С. D'Ohsson, *op. cit* 79.

4. Борьба на Волге и Каме в эпоху Болгарского Государства.

Набеги на Болгарию древних киевских князей. Повольнические операции на Волге. Военные предприятия против Болгарии Ростовско-Суздальских князей—Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, его сына Мстислава и других северных князей. Всеволод Юрьевич Большое гнездо и его отношение к Болгарии. Общий характер княжеского и повольнического движения в Среднее Поволжье и Покамье и последствия этого движения для Болгарии. Продолжение княжеских набегов в 1-ой четверти XIII века. Взятие и сожжение болгарского города Ошеля русскими дружинами под общим предводительством князя Святослава Всеволодовича. Сборы и начало похода в Болгарию Владимирского князя Юрия Всеволодовича. Расшатанность Болгарского государства и основные князем Юрием Всеволодовичем Нижнего-Новгорода. Борьба Русских с Мордвой в Нижегородской области.

Существует известие, что уже древний князь Святослав Игоревич, повсюду искавший добычи и нанесший чувствительный удар Хозарскому царству, совершил успешный набег и на Волжско-Камскую Болгарию. Но особенно печальных последствий этого набега для В-Камской Болгарии не было. Следующему князю—Владимиру—тоже удалось добиться в Болгарии только мимолетного успеха. Летопись свидетельствует, что Владимир с Добрыней, хотя и „победи Болгар“, но не осмелился привести их в положение данников, ибо „рече Добрыня Владимиру: съглядах колодник, и суть вси в сапогах, сим даи нам не платити, пойдем искать лапотник“. В этом ответе ясно проявляется сознательное отношение к материальным силам Болгарии, на которую Русские князья и их дружинники смотрели как на предмет для набегов и добычи, но не как на страну, которую можно покорить. С другой стороны Болгары понимали, что столкновения будут постоянны. По свидетельству той же русской летописи, они говорили: „не буди мира меж нами, сн же камень наччет плавати, а хмель грызнути“. В этих словах фигурально и ярко была отмечена невозможность торговому союзу ужиться в мире с дружиною. Дружина уже успела приобрести навык,

споровку и опытность в боевых предприятиях. Этим то и объясняется, почему русские дружинники имели успех в набегах на Болгарское царство, которое имело преимущество в экономическом развитии, но не в военном деле. И вот на Волге появляются многочисленные ладьи с дружинами русских князей. Плывут и другие ладьи—это плывут вольные люди из разных мест Руси и в особенности из Великого-Новгорода. Это был прототип той волжской вольницы, которая доставляла впоследствии много забот как Московскому, так Петербургскому правительству. В самом деле, эта вольница в XI ст. причиняла не мало вреда Болгарскому союзу. В. Н. Татищев в своей „Истории Российской“ свидетельствует, что в то время „были на Волге и Оке разбои и что разбойники многих Болгар торгующих побили“. Болгары пробовали было обращаться к северо-восточным князьям, прося у них помощи, но толку никакого не добились. В ответ на вторжение русских вольных дружин болгарами и было сделано нападение на Муром, который был взят ими. Тем не менее надо отметить, что боевые движения Болгар на Русь были сравнительно редки. Совершая иногда походы на Русь, Болгары большею частью органичивались борьбой с усилившимся в XII ст. движением ушкуйников и княжеских дружин. Эти два движения идут параллельно, не поддерживая друг друга, но они причиняют такой вред Болгарскому царству, что политическая самостоятельность его иногда приходит в сильное колебание. Чтобы не быть беспочвенными, обратимся к фактам. Летопись приводит целый ряд известий о набегах русских князей, так, и под 1120 г. летописи читаем „Георгий (Юрий Долгорукий) ходил на Болгары и взя полон мног и полк их победи“. Эти набеги особенно усилились со времени Андрея Боголюбского. Под 1164 говорится о личном участии Андрея в набеге на Болгар вместе с братом Ярославом и сыном Изяславом, а также с Муромским князем Юрием. Летописец говорит: „поможе им Бог и Святая Богородица на Болгары“, и вот случилось, что „изсекоша множество“, так что князь болгарский „едва утече“ до Великого города. Сожжены были 4 города и между ними Бряхимов, принимаемый многими учеными за столицу Болгарии г. Болгар. „Се же бысть чудо новое Святое Богородицы Владимирския“, поясняет летописец: под 1172 г. летописец говорит о новом набеге. На этот раз князь Андрей послал сына своего Мстислава, муромский и рязанский князья тоже по сыну. Но „отцы“ неудачно выбрали время для похода, была „непогодь“, приближалась зима, и „детям“ не хотелось идти: „не люб был им путь“, говорит летописец, и они, отправившись, шли—не шли. И ничего не делали. Воевода „Жадислав“, по свидетельству летописца, в то время весь наряд держал“. В устье Оки князья простояли 2 недели, поджидая подкреплений, но так и не дождались,

пошли на Болгар с передовою дружиной. Не смотря на это, набег был удачен, главным образом потому, что болгары были застигнуты врасплох. „Въехали в поганья без вести“, — и это, разумеется, содействовало успеху предприятия, выполнившегося нехоти: „взяша селъ 6 и сѣмѣе городъ, мужи изсекоша, а жены и дети полониша“, рассказывает летописец. Однако дальние русские едва жестоко не полатились за свою жестокость. Когда князья, награбивши добычи, возвращались домой „с половою“, болгары, узнав о малочисленности дружины Мстислава, собрали 6000 человек и бросились за хищником... Погоня была уже близка, верстах в 20 от Мстислава... Но он всетаки ушел: вероятно, домой он шел быстрее, чем из дому; к тому же „Бог покрыл русских рукою своею“, говорит летописец — „возвратив поганых вспять“. После того и христианам с добычей ничего не оставалось, как поскорее вернуться на родину: „хрестьяне, — заключает летописец свой рассказ об этом походе, — „хвалище Бога, возвратишася во свояси“.

Всеволод III Юрьевич, Большое Гнездо, продолжал политику своего брата Андрея по отношению к Болгарии. Он пользовался каждым подходящим случаем, чтобы двинуть свои военные силы в эту богатую страну. Ограбление русской волыницей болгарских купцов на Волге и разорение ею же болгарских сел и городов заставили болгарское правительство два раза обращаться к Всеволоду с жалобами, но толку из этого никакого не вышло, ибо русский князь ограничился лишь словесным запрещением грабить и приказанием ловить разбойников, но действительных мер никаких не принял. Болгарам пришлось самим позаботиться о пресечении зла... Многочисленные болгарские отряды явились к Городцу, Мурому, Рязани, т. е. в те места, откуда, будто бы, происходили „неведомые люди“ разбойники, и разорили эти места. Русское войско, высланное против Болгар, не решалось напасть на них, видя их многочисленность, — и Болгары благополучно возвратились домой. Это удачное болгарское вторжение в русские области и послужило для Всеволода поводом к организации большого похода на Болгарию. Всеволод считался в то время самым могущественным князем на Руси. Об его волжском флоте и сухопутных войсках был очень высокого мнения автор „Слова о полку Игореве“: Ты можешь, — говорит он Всеволоду, — „Волгу разбрызгать веслами, Дон шеломами вычерпать“. Тем не менее Всеволод не решился идти один, лишь с северными князьями, выполнить задуманное военное предприятие по отношению к Болгарии. Он обратился за помощью к Киевскому князю Святославу и получил ее, как от него, так и от других южных князей. Войска союзников сошлись в устье Оки и отсюда двинулись по Волге „на Болгары“. Дойдя до острова Исавды (ниже устья

Камы) в лодях, войско Всеволода высадилось на берег. Здесь были оставлены лоды и часть войска (Белоозерский полк), и Всеволод двинулся с остальной дружиной на конях в землю, болгарскую, к Великому городу Серебряных Болгар (Бюляру). Во время похода к Всеволоду присоединились Половцы, приведенные в Болгарию одним болгарским князем или парьком, отложившимся от своего сюзерена. Но и Болгары не дремали. Они решили ударить в тыл русским, на их сообщения, и тем самым отрезать им прежний путь к возвращению домой. Собрав войско, они напали на оставленную для охраны судов часть дружины на Исадах, но были разбиты наголову: свыше 300 человек было побито и более 1000 потоплено. Между тем Всеволод стоял у Бюляра 10 дней. Болгары испугались и просили мира. Всеволод, потерявший под Бюлярем своего внука, молодого князя Изяслава Глебовича, согласился на мир, приняв от Болгар „дары многие“ и освободив многих русских пленных. После этого Всеволод вернулся во Владимир; но отправляясь домой от Исад водным путем, он послал конницу с воеводами воевать Мордву; „Кони пусти на Мордву“. Воеводы, рассказывает по своим источникам Татищев, много сел мордовских до реки Цны разорили и со многим полоном тоже возвратились домой. Это случилось в 1184 году. Но Всеволод на этом не успокоился. В 1186 году он снова отправляет дружину под начальством своих воевод. Они разорили много болгарских сел и возвратились „с полоном многим“. В 1205 году снова отправляется в Болгарию рать на судах, при чем Никоновская летопись сообщает, что русские многих болгар перебили, захватили много полона и товара. А Татищев прибавляет к перебитым многим болгарам перебитых черемис, мордву и каких-то „комон“. Изложенные факты позволяют нам обоснованно констатировать то явление, на которое мы указывали раньше: так же, как и в XI столетии, и в XII столетии и даже XIII предприятия русских князей относительно Камско-Волжской Болгарии имели характер наездничества. Попрежнему мы не замечаем стремления утвердиться в крае, не замечаем завоевательных попыток. Это именно набег за добычей, а не твердо организованная война для увеличения территории, на расширение которой русский князь XII века не имел претензии. Он нуждался в населении, очень редком в эту пору на северо-востоке русских поселений; почему неудивительно, что этот недостаток князь старался пополнять на счет Болгарии, на счет которой он вообще старался обогатиться. Что же касается ушкуйников, то они не были только добычниками. В XII-м столетии они явились уже колонизаторами. Они прибыли на Ротгу и Каму издалека не только для того, чтобы разорить страну, награбить и уйти „во свояси“, но и для того, чтобы основать где-нибудь в этом привольном краю свобод-

ную общину—государство. Этим первым колонизаторам удастся достигнуть своей цели.

Вятская летопись сообщает, что новгородцы, прильвшие в 1174 году к устью Камы, основали здесь „мал град во обитание себе“, отсюда они переселились на Вятку и создали там самостоятельный политический организм на тех же самых жизненных условиях, на которых зиждился Господин Великий Новгород. Таким образом первый русский город Хлынов, построенный в Волжско-Камском крае, является результатом новгородской колонизации. Колонизация в средней Поволжье из Ростовско-Суздальской земли началась не ранее XIII века. Ее первое серьезное выражение, это—основание Нижнего-Новгорода в 1221 году. Основание Нижнего-Новгорода было однако следствием такого рода военных операций, которые имели большой успех, но не имели широкой политической задачи:

И в XIII столетии походы русских князей на Болгарию не потеряли своего хищнического характера, от прежних походов они отличались разве только большою дерзостью. В это время Болгарское царство пришло в упадок, оно было расшатано набегами князей. А что упадок был, на это указывает то приведенное выше обстоятельство, что Болгария не противилась основанию русского города почти у самых ворот своей столицы. Эта слабость болгарского царства усалила дерзость нападавших, что особенно ясно сказалось в организованном натиске русских князей на Болгарию по инициативе Владимирского князя Юрия Всеволодовича. Этот князь, в качестве великого, мог руководить остальными князьями верхне-волжской Руси. И вот он, по сообщению летописи, послал на Болгар брата своего Святослава, к полкам которого присоединил и свои полки с воеводой Еремеем Глебовичем; сверх того, в предприятии приняли участие, по призыву князя Юрия, и другие северные князья. Образовалось таким образом целая флотилия русских дружин, которая в 1220 году взяла и сожгла Болгарский город, Ошель, находившийся верст на 5—7 ниже устья Камы, и, следовательно, верст на 23-25 выше города Болгара, на правом берегу Волги. *) Летопись сообщает интересные подробности всего этого предприятия и рисует яркую и трогательную картину болгарского горя. Один из отрядов был отправлен с Устья Оки на Верховья Камы, остальные же русские дружины под общим начальством Святослава Всеволодовича были двинуты от обычного сборного пункта для таких предприятий, от устья Оки вниз по Волге „на на-

*) Недавно умерший исследователь—археолог и историк местного края П. А. Поволжарев предполагает, что город Ошель находился на Мордовской земле („Данаше о городах Камско-Волжской Болгарии“, статья в „Известиях Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. Унив. 1892 г. Сравни: Гурий Коммиссаров, „Чуваши Казанского Заволжья“).

садах и лодях*. Доплыв до острова „Исады (и)“, лежавшего против города Ошеля, русские дружины вышли здесь на берег и начали операции против этого города; при чем у лодий была оставлена охрана в количестве одного полка. Между десантом и городом был лес. Русские полки тремя коловами с князем Святославом и Муромскими князьями в центре (Ростовский полк был на правом фланге, а Переяславский на левом) прошли лес и, выступив на поле, увидали здесь, пред городом, его защитников, ополчившихся против незваных гостей. Святослав немедленно их атаковал, но они, не допустив его близко, пустили в нападавших стрелы и бежали в город, где и затворились. Святослав стремительно подошел к городу, но должен был остановиться, ибо городские укрепления были не плохи: они состояли из дубового тына и двух деревянных, идущих параллельно, стен (вероятно, тоже дубовых) или, как они именуются в летописи,—„оплотов“, между которыми был насыпан земляной вал. На этот вал и вышли защитники города. Святослав сейчас же выслал вперед людей с секирами и огнем, дабы подрубить тын и зажечь оплоты, а за этим авангардом двинул стрельцов и копейников,—и „бысть“, говорит летописец, „брань меж има кренка зело“. Тын и оплоты упали под ударами секир и запылали. Вал был занят, но Болгары оборонялись отчаянно, осыпая штурмующих тучей стрел. Русские было дрогнули. Но нашелся смельчак Ермило Охотин; с мечем в одной руке и с огнем в другой он, бросив доску, по ней перескочил чрез оплот в город и увлек за собой своего брата Вавилу, а там оба они начали поражать болгар; за этими храбрецами бросились другие и, разметав оплот, зажгли город. Сильный дым потянул на русские полки. Ничего не видя в дыму, войско задышалось и от дыма, и от жара, и мучимое страшной жаждой, вследствие полного „безводия“, отступило от города. Пришлось отдохнуть „от многого труда“.

— „Зайдем с другой стороны города,—поветру“, сказал Святослав.

Войско, тотчас же поднялось и, обойдя город, остановилось пред другими его воротами. Начался новый штурм. Натиск был сокрушитель, и болгары его не выдержали. Русские дружины с князем Святославом во главе, ворвавшись в горевший уже город вслед за бегущими от них и поражаемыми Болгарами, зажгли его со всех сторон „отовсюду“, и город превратился в пылающий костер. „и бысть,—говорит летописец,—буря велия“, страшно было смотреть на это бедствие: „и бысть во граде вопль велик зело“. Князь болгарский успел ускакать с небольшой дружиной из города, а те болгары, которые выбежали из города пешими, были—мужчины перебиты, а женщины и дети взяты в плен, были и такие, которые погибли в огне, и такие, которые сначала убили

своих жен и детей, а потом и себя. Награбив добычи, княжеские дружины отправились на лодях к устью Камы. В то время, когда русские дружинники плыли с музыкой по Волге, на ее берег сбегалось болгарское население и проливал слезы. Очевидно взятие и сожжение русскими Ошеля произвело на Болгар потрясающее впечатление. „Болгары же,—говорит летописец—„идуше по берегу, видяще своих ведомых, овому отцы, иному сын и дщерь, другому же братиа и сестры и соплеменницы, в стаху поживающе главами своими, и стояще сердце их и смежающе очи их“. На устье Камы к княжеским дружинам присоединился отряд из Ростовцев и Устюжан с воеводой Воиславом Добрыничем—„со множеством полона и с корыстью великою“. На Каме отряд взял много сел и несколько городов „и пожгоша все, а люди изсекоша, а иных в плен поведоша“.

Святослав вывез много добра из Болгарии и на эти болгарские средства начал строить в своем городе Юрьеве каменную церковь святого Георгия. Успешный исход предприятия внушил его инициатору—великому князю—мысль повторить натиск на Болгарию, дабы получить от нее еще большие выгоды. Начались новые сборы в поход. На этот раз во главе предприятия встал сам Юрий Всеволодович. Услышав о его сборах, Болгары послали просительное посольство, но Юрий „не послушав молении их и отпусти их, сэм начал наряжати на них“. Новое посольство, посланное Болгарами „с мольбою и челобитьем о мире“, тоже не достигло цели; Юрий, бывший уже в походе, шел дальше. Тогда Болгары послали третье посольство „с мольбою великою и с дары многими и с челобитьем“. Юрий принял дары, принял и „мольбу“. С Болгарами было заключено перемирие, и Юрий возвратился домой. Богатое коммерческое государство на этот раз откупилось от разорения. Это обстоятельство и разъясняет нам, что в стремлении к обогащению и заключается главнейший смысл всех этих „болгарских“ походов, предпринимавшихся и в эту пору (XIII ст.); стоило только русскому князю увидеть „дары“, а не услышать лишь одну „мольбу“, как начатые военные манипуляции прекращаются; такой сговорчивости нельзя было ожидать, если бы „промысел“ над болгарской землей выполнял какую-либо иную программу общего политического характера. Однако набеги сделали свое дело. Результаты их оказались шире их причины—тех побуждений, которыми они руководились. Царство болгарское сильно было расшатано, и лишь только это было отмечено русскими, как они решили тверже шагнуть в Среднее Поволжье. Основание Юрьем Всеволодовичем Нижнего Новгорода при устье Оки является очевидным показателем этого поворотного момента в политике Ростовско-Суздальских князей относительно Болгарии.

В нижегородском летописце (изд. А. С. Галицкого, 1886 г).

под 6720 г. (от Р. X. 1221 г.) читаем: „Великий князь Юрий Всеволодович заложил град на устье Оки реки, и нарече имя Нов град Нижний, церковь поставил в нем соборную Архистратига Михаила деревянную, а владели тою землею погани Мордва“. Если же обратим внимание на то обстоятельство, что русские князья, при своих набегах на Болгарию, разоряли, грабили и брали в плен Мордву, то мы можем предполагать, что Мордва входила в состав Болгарского Союза, или же, по крайней мере, находилась под его протектатором. Это видно из летописи, сообщающей, что Мордва враждебно относилась к Русским, за что они ее избивали. *)

Теперь, когда в Мордовской земле был построен Нижний-Новгород, борьба с Мордвой становится напряженнее; ибо построение города определенно указывало уже на стремление колонизировать край. Нижегородский летописец нам сообщает, что князь Юрий, заложив в Нижнем-Новгороде новую церковь каменную Архистратига Михаила, „поганую Мордву отогнал от града и зимницы их разорил“. А сын Юрия Константин, получивший Нижний-Новгород в удел, „повеле Русским селиться на Оке, и по Волге и по Кудьме, где кому вздумается“. Так на Средней Волге образовалось русское княжество среди того инородческого населения, которое обыкновенно подвергалось разорению и полону во время походов русских князей в Болгарию. Это значило, что и ближайшей территории и политическому центру Болгарского государственного союза стала грозить еще более серьезная опасность со стороны русских князей. Сами Волгары уже сравнительно давно понимали эту опасность, — еще во второй половине XII столетия, при Андрее Боголюбском, который „много зла учинил Болгарам“, и, повидимому, желали умиротворить русского князя браком его на болгарке... Эта же последняя оказалась патриоткою, по крайней мере, по мнению нашего летописца: за то, что Андрей „много воева Болгарскую землю“, болгарка-супруга приняла главнейшее участие в заговоре против Владимирского князя, лишившем его жизни (сообщение тверской летописи). Но мы имеем показания и другого свойства: многие болгары, поселившиеся в Ростовско-Суздальской земле, плакали по убитом князе Андрее, в числе других инородцев русского северо-востока. В этом сообщении нет ничего удивительного и невероятного. Очень возможно, что в торговом государстве, каким была Волжско-Камская Болгария, создались извешек обездоленных людей, которые и искали себе зара-

*) Но бывало, что и русским князьям-наследникам доставалось от Мордвы еще в начале XII века. Так под 1103 годом летописи читаем: „Вся Ярослав (Святославович) с Мордвою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав“. Так издавна подготавливалась та вражда между Русскими и Мордвою, которая столь обострилась чрез сто и более лет после отмеченного сейчас основания в мордовской земле русского города.

ботки на Русь и с нею успели до известной степени сжиться. Мы имеем прямые показания в этом смысле. Болгария для Руси представляла не одних колонизаторов, но и свободных людей. На Русь приходили многие болгары по своей охоте и селились среди русских в качестве мастеров, особенно каменщиков. Этому обратному движению из Болгарии на Русь, вероятно, способствовало движение Руси в Болгарию в виде княжеских набегов, избежать которые можно было только переселившись на Русь. Если Болгары иногда и отличивали русским за разорение тем же самым, как например, взяв и разграбив Устюг в 1218 году, то все таки историческая справедливость требует сказать, что болгарская земля принесла Руси более пользы, чем вреда.

Но гнездо Владимирских князей захотело от Болгарии получить еще большую пользу: в исходе первой четверти XIII века русские северные князья выдвигают на среднюю Волгу первую свою колонию.

Это княжеское колонизационное движение было резко прервано страшной политической катастрофой, разразившейся и над Болгарией, и над Русью и обратившей всю Русскую Землю в улус азиатских степняков, а среднее и нижнее Поволжье в резиденцию этих новых завоевателей.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Монголо-Татарский период.

1. Золотая Орда.

Нашествие Монголо-татар и основание ими Золотой Орды. Их психология. Влияние на них новых условий в Поволжье. Их религия. Веротерпимость. Принятие ислама и хан Узбек. Отношение к русской церкви. Татарский город Сарай и его развитие. Характер верховной власти и державы. Причины разложения Золотой Орды.

Нашествие монгольского хана Бату или, по русским летописям, Батый обрушилось прежде всего на Волжскую Болгарию. „Приидоша из восточные страны в Болгарскую землю безбожные татары,—говорит летописец,—и взяша славный великий город Болгарский, и избиша оружием от старца до юного и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю полониша“. Это произошло в 1236 году, а затем в следующие годы татары, разгромив Русь и потерпевши неудачу в Западной Европе, возвратились назад и поселились в Нижнем и отчасти Среднем Поволжье, образовав обширную монголо-татарскую монархию—Золотую или Кипчакскую Орду, распространившуюся и на весь юг нынешней России. Волжско-Камская Болгария с народами, входившими в ее состав, вошла в состав этой новой восточной державы. Отдельные владетели Болгарии—князья и царьки, бывшие в вассальных отношениях к Болгарскому царю, сделались вассалами татарского хана и, как и русские князья, также обязаны были являться на поклон в Орду для получения права на управление в своих владениях. „Начаша ходити,—читаем мы в одном древнем памятнике,—русские князья и болгаре в Орду ко царю отчин своих просити у царя на столования своя“. Разрушенный монголо-татарами город Булгар восстанавливается и делается летней резиденцией золотоордынского хана. Но довольно скоро в этом городе утверждаются свои царь. — теперь уже татарского происхождения, и Болгария снова начинает стягивать к себе прежние свои составные элементы. Само собой понятно, что болгарские пра-

вители, находясь в зависимости от Золотой Орды, являлись только наместниками золото-ордынского хана в Болгарии. Отсюда ясно, что Болгария вступила в более тесную связь и зависимость от татар, чем Русская земля, ибо завоеватели поселились не только в более близком соседстве с Болгарией, но даже прямо в ее политическом центре; это в будущем повело за собою подчинение татар болгарской культуре, с одной стороны, а с другой—в более отдаленном будущем—к отатарению бывших правящих слоев Болгарии.

Образованием в Поволжье нового политического организма—Золотой Орды—начинается новый период в истории Поволжья—Монголо-татарский. Монголо-татары, из которых состояло ядро новой поволжской державы, в момент нашего вступления на европейские страны были народом, не вышедшим еще из кочевого состояния. Их психология—это психология степных хищников, прошедших много веков в необразимых степях Средней Азии. Проходили столетия, ничего не изменяя в их жизни, которая сводилась к непрерывному передвижению за стадами и разнообразилась лишь частыми войнами и схватками между отдельными племенными и родовыми группами. Наконец, в силу каких-то, мало еще известных народных переселений во внутренней Азии, отдельные роды и орды этих степняков объединились в одну гигантскую орду, организовались по военному и с выдвинувшимся из этой массы предводителем—монархом Темучином, получившим наименование Чингиз-Хана, ринулись, подобно смертоносной лаве из казавшегося потухшим вулкана, на более или менее цивилизованные страны, оставляя позади себя развалины, пепел и горы трунов, обращая пройденные страны в пустыни... Так Монголо-татары поступали в особенности с непокорными народами, полагая, что к полной покорности лучше всего ведет их истребление. Когда жители занитого сыном Чингиз-хана Тулиханом Герата взбунтовались против установленной над ними монгольской власти, то разгневанный верховный повелитель монголов упрекнул своего сына-помощника, сказав: „Если бы ты избил этот народ, то никакого бунта не было бы“, и затем, посылая против бунтовщиков одного из своих полководцев, напутствовал его следующим приказом: „Возьми Герат и не оставь в нем ни одного живого человека *)“. Это в значительной мере характеризует завоевательные предприятия монголов. В таких предприятиях их подвижная, тугучая монархия-армия провела несколько десятилетий, и таким образом те психологические особенности, которые были продуктом прежней степной жизни, жизни степных „батырей“, получили еще большее развитие, сделавшись еще более резкими

*) Родославная тюркского племени. Соч. Абуль-Гази. Перев. Г. Саблукова, Казань 1854 г., стр. 122.

у народа, или точнее у народов этой военной монархии. Какие же это были особенности? Это: необыкновенная боевая выносливость, безграничная алчность, неукротимая жестокость, про которую один арабский летописец (Ибнелъасир), сообщая о Монголо-татарах, говорит, что даже антихрист будет жалостливее их „Эти же (Монголо-татары) ни над кем не скалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши“. Указанными психологическими свойствами Монголо-татар объясняются те страшные опустошения, которые были произведены полчищами Бату (Батые) в Болгарии и на Руси.

Но, совершив эти опустошения и расположившись в Нижнем и Среднем Поволжье, эта дикая и жестокая, хотя и хорошо дисциплинированная по военному, кочевая орда невольно подчинилась той культурной среде, в сферу влияния которой она неизбежно должна была войти в Поволжье; это—культурная среда, создавшаяся в хозаро-болгарский период истории Поволжья. Самый климат новой страны, занятой Монголо-татарами, содействовал несомненно тому, что завоеватели подчинились до известной степени тому образу жизни, который вели здесь хозары и болгары. Влияние шло несомненно от болгар, которые в момент нашествия татар на Европу были господами на Волге, играя крупную коммерческую роль и на нижнем течении ее, где была прежняя столица хозарского царства—Итиль и где оставались и после падения его так называемые Нижние Болгары.

Правящие Волжские Болгары, сами еще не освободившиеся от кочевых привычек, однако по зимам жили в городах, которых у них было немало. Монголо-татары во время прихода их в Поволжье были кочевниками. Выносливости их удивлялись сторонние наблюдатели. Поволжская зима заставила Монголо-татар обратить внимание на городское общежитие и перейти к нему, не расставаясь однако и с кочевым образом жизни, особенно в теплое время года. Из кочевой Орды—завоевательница вскоре делается полукочевой. Разрушенные Монголо-татарами болгарские города восстанавливаются, хотя, конечно, далеко не сразу. Кроме того, Монголо-татары основывают в Среднем и Нижнем Поволжье целый ряд новых городов, между которыми, разумеется, первое место должен был занять тот, где была главная ставка хана, это Сарай, основанный ханом Бату там, где теперь Селитренный городок и так называемый Сарай-эль-Джедид т. е. Новый Сарай, по русским летописям Большие Сарай, у верховьев Ахтубы, вблизи теперешнего г. Царева. Этот Новый Сарай сделался столицей Золотой Орды с XIV века. Затем следовали Казань и Астрахань; в последней хан Узбек проводил самое холодное время года, когда Волга была покрыта льдом. Сверх того, на Волге называют татарские города: Бездеж, недалеко от Ено-

таевска, также—Орду, Услан, Берекзань, Укек, но где именно на Волге, строго говоря, неизвестно. Так, под действием новых климатических условий, татары переняли у болгар их городскую жизнь, но на этом влияние той культурной среды, которую кочевники Монголо-татары нашли в Поволжье, не остановилось. Оно пошло дальше и глубже и постепенно отразилось на многих сторонах Монголо-татарского быта. Проводником этого влияния явились уцелевшие при разгроме Волжской Болгарии представители высшего ее слоя, князей и царьков, турунов и тарханов, поземельной и торговой аристократии, но особенно, представители магометанского духовенства. Все эти именитые люди Болгарии, в силу их сравнительной малочисленности, в конце концов, сами отатарились, так сказать, растворились в высших слоях Монголо-татарского общества; но прежде чем это случилось, болгарское культурное влияние сделало то, что Монголо-татары сами успели обратиться в мусульман, а высший их класс, кроме того, усвоил технику и вообще образ жизни соответствующих слоев болгарского общества. Монголо-татары пришли в Поволжье шаманистами и отчасти буддистами, исповедуя буддизм в тех формах, которые утвердились в Монголии еще в XI веке, в формах религии так называемых ламантов. Об этих формах можно судить по следующему рассказу казаков Ивана Петрова и Бурнаша Ялчечева, побывавших в Монголии в 1567 году. Сообщение их о культе не лишне привести, так как те же формы религии, надо думать, имели место и в Золотой Орде. „Да в той же Мунгульской земле“, рассказывают казаки, „стоят мечети Лабинские каменные, как храмы делают клинчатые, а крестов на них нет; а на верху сделаны у мечети звери неведомо какие, каменные, а внутри их как идти прогив дверей, сидит три болвана женские велвки, сажени в полторы болван, и вызолочены с головы и до ног; а в руках у болванов по горшку с кашею, а пред ними стоят свечи неугасимые с салом говяжьим. А на правой стороне тех женских болванов стоят восемь болванов мужских; а на левой стороне стоят восемь болванов, все девки, вызолочены с головы до ног, да и руки протянули, как поклоняются мунгальские люди; а на стороне тех трех болванов, которые пред дверьми стоят, стоит два болвана наги, как быть, человек в теле, издали не распознати—как быть живы, а свечи пред ними тонки, что солома, а горят без огня углем, а поют в них две трубы великие, сажени в полторы; как затрубят в трубы, да станут бить в бубны, да припадут на колени, да ударятся о землю и лежат с полчаса, и в те поры к ним лезти нельзя, как поют: страх человека объят“.

Наблюдая внешние формы культа и богослужебные обряды Клинчакских татар, русские считали их язычниками, идолопоклонниками, а веру их поганою. Ничего нет неверо-

ятного в том, что народным массам Золотой Орды была чужда богословская сторона буддизма, и они относились к изображениям Будды, как к настоящим богам; такое отношение к предметам религиозного культа можно наблюдать всюду и всегда, раз на лицо есть невежество, умственная темнота народа, но жрец монгольский во время собеседования о вере с западным путешественником XIII в. Рубруквисом, высказал следующий возвышенный взгляд на религию: „мы, татары, веруем в единого Бога, которым живем и умираем; но как на руке Бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению“. Вот точки зрения древнего Монголо-татарского духовенства. Отсюда и вытекала та широкая веротерпимость Монголо-татар, которая была отмечена как этим путешественником, так и другим.—итальянцем Плаино—Карпини, посетившим Золотую Орду вскоре после ее утверждения в Поволжье. Эта веротерпимость рельефно проявилась в тех льготах, которые были даны золотоборынскими ханами Русской Церкви и духовенству. Но исподволь ислам стал вытеснять буддизм и религиозного сознания Кипчакских татар. Уже через 45 лет от начал Золотой Орды Берке сделал начин в этом направлении, его примеру последовали и некоторые другие ханы, царствовавшие после него и, наконец, через 90 лет от появления на Волге Золотой Орды знаменитый Узбек—хан принял магометанство и повелел распространить его во всех монгольских частях своей монархии. В арабской летописи Бедреддина Элайни сообщается, что золотоордынского престола Узбек достиг, обещав влиятельному в Орде эмиру, что „сделается мусульманином и будет придерживаться ислама“. По вступлении на престол, он исполнил это обещание: „принял ислам“, говорит арабский летописец,—„усердно вступил в веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал все 5 молитв в установленное для них время“. Это был один из самых замечательных ханов Золотой Орды. Красивый и статный, он был умен и храбр. Арабские летописцы очень хвалят этого хана, главным образом, за принятие им магометанства, одобряя и тот путь, которым пришел к новой вере этот „прекрасного нрава“ хан: „он“, говорит летописец Эльбирзали, „умертил несколько эмиров и вельмож, умертвил большое количество Уйгуров, т. е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама“ *).

Не смотря однако на принятие магометанства, кипчакские ханы не превратились в религиозных фанатиков. Веротерпимость осталась, на что указывает неизменившаяся ханская политика по отношению к Русской церкви. Хан Узбек

*) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена, том I, С.-Петербург., 1884 г., стр. 174, 175, 515 и 516.

утвердил все раньше данные привилегии Русской церкви и ее духовенству и в своем ярлыке говорит: „Соборная церковь Петра митрополита и весь его причт за нас Бога молят и нас блюдут и укрепляют наше воинство. Законов их да не хулять“. О той же татарской веротерпимости в эту эпоху свидетельствует и православная епископия, существовавшая в Сарае до разрушения его Тамерланом. Бок о бок с мусульманским духовенством в центре великой монгольской державы жили и служили по законам своей религии православные епископы в течение 130 лет: за этот период насчитывают в Сарае 9 епископов.

Также терпимо Монголо-татары относились ко всякой религии.

Их городская жизнь все более и более, с принятием ислама, развивалась, и услугам ханов и высших слоев общества явились разного рода техники, украсившие татарские города мечетями и другими зданиями, вначале несомненно по образцам арабской архитектуры. В селе Болгарях или Успенском, Спасского уезда, там, где раньше был город Болгар или Булгар, сохранились Малый Минарет, Черная палата и две палаты, впоследствии, в русскую эпоху обращенные в церковь и погреб, и несколько развалин *). Это — главные вещественные памятники Поволжья в истории зодчества нашего края памятники, оставшиеся от Болгаро-татарской эпохи. Болгарские города были разрушены завоевателями, но ими же и восстановились, при чем реставрировались и каменные здания, в стиле которых потом стали возникать собственно татарские постройки, как в старых городах Поволжья, так и в новых, основанных татарами. Но собственно татарский город, по крайней мере, довольно долго, если не до конца Золотой Орды, мало имел общего с городом в европейском смысле этого слова. Лишь часть татарского города стояла неподвижно, большая же часть его находилась в движении. Неподвижная часть, это, разумеется, — разные каменные здания, — мечети, ханские дворцы, палаты родственников хана и эмиров, где они жили по зимам, баян и пр. Все же остальное лишь временно группировалось около неподвижной части, прихотливо двигалось то туда, то сюда, даже в моменты таких стоянок, а в теплое время и совсем откочевывая вместе с ханом, покидавшим свой дворец, куда-нибудь в другое место, большую частью в привольную необозримую степь. И так город Золотой Орды это полуподвижной город, каким его и знают посещавшие эту державу иностранные путешественники. Таким характером татарского города объясняется, с одной стороны,

*). Еще не так давно существовали Большой Минарет и Белая палата с трех куполах. но теперь первый не существует, а вторая в развалинах без намека на куполы.

необыкновенная на взгляд наблюдателей обширность столицы золото-ордынских ханов, а с другой—и существующее в источниках указание, что Сарай был небольшим городком. Верно то и другое. Сарай мог казаться очень большим городом в момент пребывания в нем хана со своим народом, обращающимся в кибитках вокруг неподвижной части „города“ и, вероятно, сильно раздвигающим круг этого движения; и тот же сарай делался действительно ничтожным по размерам городком, когда хан выезжал из своей столицы, и вся подвижная, конечно, значительно большая часть Сарая откочевывала отсюда вслед за своим повелителем. Араб Ибн-Батута, посетивший Сарай при хане Узбеке, говорит: „мы увидели подвижной город с его улицами, мечетями, кухнями, дым от которых поднимался по мере их движения“. Этот путешественник сообщает о Сарае, как об одном из красивейших городов, чрезвычайной величины, переполненном людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. „Однажды“, рассказывает Ибн-Батута, „мы поехали с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили там молитву полуденную, поехали и добрались до (нашего) жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня“. Степь широка, широк был и золото-ордынский главный город. В нем было много мечетей, одних только соборных 13, жили в нем во время посещения его Ибн-Батутой монголы „настоящие жители страны и владыки“, затем Асы, Кипчаки, Черкесы, Русские и Византийцы. Это был военный и коммерческий центр Монголо-татарской державы, но в течение долгого времени, разумеется, преимущественно военный. Однако мало-помалу из военной ставки хана монголо-татары создали весьма для той эпохи культурный центр, озеленивший разведенными среди степи садами, на зеленом фоне которых красиво выделялись мечети и другие каменные здания: указываемые археологами в Новом Сарае разные значительные сооружения, как то: водоемы, каналы и др., конечно, усиливали впечатление от общего вида культурности этой столицы „владык страны“.

Владыкой этих „владык“ (монголов) был хан или хаган, носивший также титул „верховного правосудного султана“. Он сосредоточил в своей особе всю полноту власти. Он имел право жизни и смерти подданных: мог „предать смерти всякого“, кого он „наименует“. Далее он имел право войны и мира, законодательства и верховного суда, право чеканки монеты, право утверждать правителей подвластных народов, определять их права, налагать подати и, наконец, со времени принятия ислама—право на возглашение его имени в „Худбе“

(молитве). Словом, хан обладал неограниченной властью. Эта власть зиждилась на тех военных успехах, которые доставили монголам обладание многими странами. Это—власть победоносного полководца, стоявшего во главе своего народа—войска и гордого его боевой славой и могуществом,—результатом побед и завоеваний.

„Явись немедленно в шатре моем“, говорил хан Бату по адресу русских князей, „да познаешь славу и величие монголов“. Более миллиона войска, сосредоточенного, по сообщению Плано-Карпини, в стане Бату на Волге—вот тот реальный базис, на котором были основаны международное могущество новой поволжской державы и вытекавшая отсюда неограниченная власть ее верховного владыки. Значит, могущество и значение в международных отношениях этой державы, а, следовательно, величие и значение ханской власти могли держаться лишь до тех пор, пока Золотая Орда не утратила своего военного характера, пока она оставалась в сущности армией, вставшей громадным лагерем в нижнем Поволжье и выделившей из главной ее массы более или менее значительные шиветы в разные места Среднего и Нижнего Поволжья, равно как и вообще по южной окраине внешней России—таково именно первоначальное значение татарских городов. Военное устройство Монголо-татар образовалось еще в Азии в эпоху Чингизхана и носило явные следы более высокой культуры, китайского влияния.

Монголо-татарская армия представляла конницу, делившуюся по десятичной системе, на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч человек в военной части. Она была прекрасно вооружена, как наступительным, (копье, сабля, лук), так и оборонительным оружием, (шлемы, панцири, щиты); при чем особенно хорошо Монголо-татары владели луком, умея пред решительной атакой засыпать неприятеля тучей стрел. Славилась они и искусством осаждать и брать города и крепости, располагая громадным количеством стенобитных орудий и умея кидать в осажденный и отрезанный ими город особые зажигательные снаряды, в роде греческого огня. Словом, Монголо-татарская держава в Поволжье, организованная, как прекрасная армия—победительница, являлась весьма грозной все и вся устрашающей, силой. Но с военным характером Золотая Орда слишком долго оставаться не могла. И причины этому следующие. Во-первых, Золотая Орда, в лице хана и вообще высших слоев общества, подпала болгарскому влиянию и сделалась далеко равнодушной (и при склонности к кочеванию)—к приманкам и выгодам городской жизни, к занятиям торговлей, последствием чего несомненно была потеря прежнего неустрогомого боевого духа. Во-вторых, в самом центральном управлении Золотой Орды заключались условия, приведшие эту монархию к потере прежнего воен-

ного единства, а, следовательно, и могущества. Как всегда бывает, неограниченный повелитель, хан, был окружен толпой своих родственников и высших сановников, среди которых происходила постоянная борьба за влияние на хана и за власть, в случае, если хан почему-либо не сумел приобрести авторитета в этой придворной толпе. Придворная знать чувствовала себя довольно прочно, ибо по смерти хана обыкновенно она на особом сейме, называвшемся „курултай“, избирала ему преемника из лиц владетельного рода, имеющего наибольшее право на престол, и потому естественно, у этой знати, в случае недовольства ханом, нередко являлось искушение избавиться от него, дабы избрать иного, более для нее подходящего.

Значительно было также в Золотой Орде влияние ханских жен, главным образом, тех, которые считались ханшами. Жен у хана было много, до 200; но влиянием на него пользовались немногие, обыкновенно же та, которая была старшей „хатуней“, царицей. Любовь хана была тем непрочным фундаментом, на котором покоилось первенство той или другой „хатуни“. Разумеется, достигшая первенства все делала, чтобы удержать любовь к себе „владыки владык“. Так, напр., ханша Тайтугла, „самая любимая хатунь“ Узбека, как сообщали в Орде одному из арабских гостей, удерживала любовь к себе хана тем, что умела „каждую ночь“ казаться ему „девственницей“, не смотря на то, что она уже сумела подарить ему двух сыновей—Джанибека и Тинибека *).

Старшая жена пользовалась особым почетом сравнительно с другими, даже ближайшими, после нее, к хану „хатунями“. Это отчетливо проявлялось в торжественные минуты жизни Золото-Ордынского двора, ярко обрисованные арабским летописанием. Вот Узбек-хан в своем золотом и разукрашенном шатре сидит на престоле. Престол не менее „дикийный“ на взгляд наблюдателя-араба. Верх престола усыпан драгоценными камнями, ножки его обложены серебряными позолоченными листками. Сидит хан на таком престоле потому, что пятница, и он усвоил „привычку“ в этот день после молитвы устраивать прием эмиров, военных начальников и других подданных по разрядам, в торжественной обстановке своего двора. Ближайшие хатуни сидят около хана, с правой и левой стороны по две, сыновья стоят у подножия престола, а дочь сидит перед ханом. Пред тем хан встречал каждую из своих хатуней, как истинный рыцарь. „Когда“, рассказывает летописец Ибнбагута, „приходит одна из них, то султан встает пред нею и держит ее за руку, пока она всходит на престол. Что касается Тайтуглы, то она царица и самая любимая из

*) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, 263.

них у него. Он идет к ней навстречу до дверей шатра, приветствует ее и берет ее за руку, а когда она взойдет на престол и усядется, только тогда садится сам султан* *) Старшая хатунь, царица, так выделяемая ханом-дарем из остальных хатуней, имела некоторую власть над всеми ими сколько бы их ни было, и отсюда не удивительно, что именно она нередко и приобретала очень большое влияние в сфере дворцовых дел и управления. Но и другие жены хана и солидное количество потомства от них не были бесправны. И они имели свои претензии, шедшие и дальше их второстепенного положения; в результате такой сложной придворной жизни в Золотой Орде получалась в высшей степени запутанная сеть острых отношений, которую, при неисчезнувшей по характеру Монголо-татар степной решительности, привыкли здесь не распутывать, а рассекать; почему редкий золото-ордынский хан кончал своей собственной смертью.

Так довольно скоро военный деспотизм хана стал вырождаться в деспотизм той или другой придворной клики, в руках которой „неограниченные повелители“ становятся чешками. Ханские жены и эмиры нередко являлись вершителями судеб Золотой Орды. Вот каким образом говорила даже хану Узбеку, еще могущественному властелину, одна из его „хатуней“, не самая старшая, хотя и унаследованная им от отца (Байдунь): „я добыла тебе царство, да дала тебе деньги для того, кто требовал денег, коней для того, кто требовал коней, одежды для того, кто требовал одежд, улаживала эти дела того, кто требовал моих услуг“. Очевидно, „прекрасный нрав“, который приписывали этому хану, допускал близкой к нему женщине безнаказанно говорить такие вещи, не безобидные для его мужского и царского достоинства. Это, повидному, был не только могущественный хан, любивший торжественно восседать на своем роскошном троне, но и благодушный человек; кажется, любил он и вынуть: его подчас долготерпеливо-таки ожидали в мечети для соборной молитвы и, отчаявшись, полагали, что он не придет, ибо „его ододел хмель“, но он все-таки, хотя и „по простетвию долгого времени“, приходил—шел он тогда, „пошатываясь“, но тем не менее приветствовал высшее духовное лицо своей столицы—сейида-шерифа—и улыбался ему. Этот неограниченный властитель мог управлять своим царством, и положение его на престоле было не плохо, не смотря на гневную похвалюбу одной из его „хатуней“. И при сыновьях Узбека—Тинибеке и Джанибеке—могущество Золото-ордынской державы и власти хана поддерживалось; но по смерти Джанибека начались внутренние смятения, проявившиеся, между прочим, в частой смене

*) 1614, стр. 290 и 291.

ханов, что, в конце концов, совершенно обессилило ханскую власть. Арабские источники вполне определенно обрисовывают упадок ханского авторитета в Золотой Орде. „Умер“, читаем в арабской летописи Эддзехеби, „великий эмир в Раште Идики, распорядившийся управлением Сарая и Дешт Кипчака; султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения“.

Такое положение вещей создано в отмеченных выше условиях центрального управления при „неограниченной власти“ хана, в условиях, на почве которых постоянно закипала кровавая борьба в Поволжье среди самой Золотой Орды. Это была борьба династического характера за престол, разбиравшая Монголо-татар на части, приводившая к анархии. В арабской летописи Элайни под 1424 и 1425 годами помещено следующее сообщение: „В землях Дештских, столица которых Сарай, была неурядица, вследствие отсутствия старшего, который взялся бы за дела, одержало там верх несколько лиц из рода ханского и др. Каждый из них правил своим краем и ни у одного дело не шло на лад, как бы следовало“. Это сообщение—лучшая характеристика политической жизни в Кипчаке при существовании там номинального ханского самодержавия. Из нее мы воочию видим, что военное единство, которым сильна была Золотая Орда, было разбито; разбито было и военное могущество. А в результате то и дело возникавшей в Золотой Орде анархии, в силу борьбы за власть между отдельными претендентами, военачальниками, последовало окончательное разложение и падение этой Монголо-татарской державы. *).

*). Приведем, для удобства справок, список Золото-ордынских ханов.

Дом Бату или Батыя.

<i>Годы Хиджри (мусульманского летосчисления).</i>		<i>Годы по Р. Хр.</i>
621	Батый	1224
654	Сартак	1256
654	Беркай (Берке)	1256
664	Менгу-Тимур	1266
679	Тула-Менгу	1280
686	Тула-Буга	1287
689	Тохта	1290
712	Узбек	1312
741	Тивибек	1340
741	Джавибек-Махмуд	1340
758	Бердибек-Мухаммед	1357
760	Кульна	1359
760	Нуруз-бек	1359

Но политически погибнув, Золотая Орда оставила Велгу и наследство своим соплеменникам в Казани и Астрахани, сделавшихся неравномерными по своему политическому значению центрами двух (вместо одного) татарских государств в Поволжье.

Далее последовал 20-ти летний период борьбы между ханами Шейбани, Орды и Тугл-Тимура, при чем в конце концов восторжествовал хан Орды.

Дом Орды.

623	Орда	1216
679	Кучи	1280
701	Баян	1301
709	Сасибук	1309
ок. 715	Ибисая	1315
720	Мубарек-ходжа	1320
745	Чынтай	1344
762	Урус	1361
777	Толтакыя	1375
777	Тимур-Мелик	1375
778—783	Толтамыш Гияс-ад-дин	1376—1391

(Подробности см. Статьи Лян-Пуль: Мусульманские династии. Через В. Баргольда. С. Петерб. 1899 г., стран. 191—193).

2. Казанское царство и его отношение к предшествовавшим Волжским общественным союзам.

Итоги Золото-ордынской истории. Обстоятельства, содействовавшие политической гибели Золотой Орды. Падение г. Болгара и возвышение Казани. Казань—наследница Болгара. Ассимиляция высших классов болгарского общества. Сравнение Казанского царства с Золотой Ордой, Болгарией и Астраханским царством. Религия в Казанском царстве. Организация верховной власти и управления. Общая оценка связи Казанского царства с Болгарией и Золотой Ордой.

Важнейшая причина падения Золотой Орды, как мы видели, заключалась в ее внутреннем состоянии, в той беспощадной борьбе, которая велась здесь за власть, за ханский престол. Обстоятельства в Золотой Орде нередко складывались так, что некоторые князья не подчинялись власти хана, полагая, что сами могут занять это место, или независимо от золото-ордынского властителя управлять той частью татар, во главе которой они стояли. Такие честолюбцы иногда прямо отделились от главной орды и становились основателями особых самостоятельных орд, распадавшихся, в свою очередь, на новые орды. Так внутренняя борьба в Золотой Орде вела ее прежде всего к распаденню, а затем уже к окончательному падению. Результатом этого давнего процесса и было образование Казанского царства—еще до полного падения его метрополии—Кипчака.

Заживо разлагаясь и умирая от внутренней болезни, Золотая Орда напоследок испытала серьезную внешнюю катастрофу, которая, несомненно, ускорила ее политическую смерть. То было нашествие Аксака Тимура или Тамерлана. В это время в Золотой Орде царствовал один из наиболее выдающихся Кипчацких ханов—Тохтамыш. Он ревниво относился к первенству Тимура среди монгольских владетелей и считал его, как не потомка Чингиз-хана, недостойным занимать такое положение. Это настроение и погубило Тохтамыша. Он раздражил нового великого завоевателя тем, что напал на области, которые Тимур считал в составе своей среднеазиатской державы. Результат этого был потрясающий: По-

волжье подверглось опустошительному вторжению Тимура. В степи, на левом берегу Волги, произошло решительное столкновение полчищ Тимура с ратью Тохтамыша. Бой был жестокий: „взвивалась на воздух пыль от копыт, и лилась кровь от мечей“, сверкавших „в тучах праха“; „кони смертей не переставали носиться и крутиться“ и „погрузились в моря крови все—и знатные и простые“... Такими чертами обрисовывает арабский летописец эту ожесточенную схватку конницы рассорившихся степняков, и прибавляет, что „длился этот бой и погром около 3 дней“. Клубившаяся пыль и изобильно лившаяся кровь застилала очи бившихся и им казалось (как выражается арабский летописец), „что земля стало шесть, а небес как морей восемь“. Тохтамыш был разбит на голову, —и „явилась“, говорит арабский летописец, „пыль от бегства войска Тохтамышева“^{*)}. Победители преследовали и беспощадно избивали бежавших, покрыв их трупами степь на протяжении 200 верст. Разгромив затем Золотую Орду, Тимур ушел домой, в свою столицу Самарканд. Через 3 года после столь значительного успеха в борьбе с непокорным Золотоордынским ханом Тимур нанес Тохтамышу еще более тяжкое поражение на берегах р. Терек, последствием чего было повторено опустошительное Тимурово нашествие на Золотую Орду, разграбление и разорение Сарая и передача Кипчакского царства другому хану, сопернику сверженного Тохтамыша. Эти события произошли в конце XIV столетия и имели они то значение, что, сильно расшатав авторитет Золотой Орды, как главного политического центра в Поволжье, дали толчок к развитию более самостоятельной жизни в Среднем Поволжье, на территории бывшего Болгарского царства. Город Болгар был разрушен Золото-ордынским князем Булат-Тимуром (в 1361 г.), но зато, вскоре после того, на историческую сцену выдвигается г. Казань. Город с этим названием существовал уже давно, будучи основан еще в конце XIII в. (1290—1298 гг.), но он не играл выдающейся роли в жизни Поволжья, будучи заслоняем г. Болгаром, этим древним политическим и коммерческим центром Поволжья. После же разрушения Болгара Булат-Тимуром старая столица Болгарии потеряла свое прежнее значение, и оно переходит к Казани, только не к прежней, а к новой, которая возникает в конце XIV столетия или в самом начале XV в. (1394—1402 гг.), недалеко (в 47 верстах) от старой Казани (Иски—Казань).

„Великий“ же „город“, —т.е. Болгар, повидимому, еле дышал после разрушения его Булат-Тимуром и окончательно замер, когда его постиг новый тяжкий удар от московского князя Василия Дмитриевича, войска которого взяли и разорили Болгар (в 1399 году). Во всяком случае в первой поло-

*) Цитированный выше Сборник материалов Тизенгаузена 466.

вине XV века заметным городом в болгарской земле делается новая Казань, которая вскоре затем становится главным политическим и культурным средоточием Волжско-Камского края. Еще Золотая Орда существовала, все более и более впадая во внутреннюю борьбу из-за власти между отдельными лицами, как Казань, несколько более, чем за три десятилетия до окончательного падения Золотой Орды, выступает на историческую сцену, в значении столицы нового ханства—Казанского. В состав этого ханства вошли те земли, которые раньше тянули к „Великому городу“—Болгару.

Сказание о „зачатии царства Казанского“ помнит ту генетическую связь, которая существовала между древней Волжской Болгарией и Казанским ханством. „Придожил ко Казани, — читаем мы в Сказании, — царь Саин болгарские грады со всеми людьми их, в них и в уздах их живяху, да царем Казанским обладают“. Царь Саин, о котором здесь упоминается—это завоеватель Болгарии и Руси, хан Батый, бывший, по преданию, и основателем старой Казани. Его имя связывается с первым „зачалом“ или „зачатием“, как говорится в Сказании, царства Казанского.

Приведенное место „Сказания“ для нас важно в том отношении, что здесь вскрывается один из основных фактов в истории Поволжья—факт преемственности между Волжской Болгарией и Казанским ханством, которое явилось наследником Болгарии в обладании населением и городами обширного края, входившего в его состав.

Переход этого наследия от Болгар к Татарам, поселившимся на болгарской территории, относится к той поре, когда название Болгарии еще не сошло со страниц русской летописи, и г. Болгар оставался еще главным торговым, административным и культурным центром края, и надо думать, что переход начался в период более ранний, чем основание новой Казани; ибо едва ли можно сомневаться в том, что процесс ассимиляции высшего болгарского слоя с высшим татарским слоем закончился еще до разрушения Болгара Булат-Тимуром, значит,—до так называемого „второго-зачатия“ Казанского царства. В самом деле, достаточно указать, что уже в конце XIII в. мусульманство прочно внедрилось в татарском обществе г. Болгара, как о том, напр., свидетельствует арабская надпись на камне, открытом в селе Болгарах-Успенском (Спасо-Жокого уезда, Казанской губ.) и находящемся теперь в вестибюле Главной библиотеки Казанского Университета. Эта надпись, в переводе проф. Н. Ф. Катанова, гласит: „Бог Единый — Он бессмертный, который не умирает, тогда как все живущее умрет. Это—место успокоения госпожи непорочной, благочестивой, соблюдавшей посты, заботливой, щедрой, целомудренной, благонравной, совершавшей омовения и поклоны поясные и земные, начала добрых дел, производительницы дел

счастливых, источника милостей, венца жизни в обоих мирах, Сабар-Ильчи, дочери князя Бураша. Да соделает Бог Единый душу ее святою и да освежит могилу ее! Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримою. Она отдалась в милость Бога Единого Всевышнего в четвертое число месяца Джумада второго, в году девяноста и шестисот*. Госпожа Сабар Ильчи была монголо-татарского происхождения и умерла она в 1291 году (4 июня)*). Она была, вероятно, одна из многих правоверных татарок-мусульманок Болгара второй половины XIII века. Таким образом, надо полагать, что в период —от покорения Болгарии ханом Бату и до окончательного падения г. Болгара (т. е. до конца XIV ст.)—монголо-татарский правящий слой успел воспринять все то, что могла ему дать болгарская культура:—религию, технику, образ жизни, дух и приемы коммерции, а также сумел, в силу своей позиции победителей и многочисленности, вобрать в себя городские элементы побежденных Болгар: Болгары отатарились. Но, войдя в состав татарского общества, они внесли в него и ту психологию, которая создавалась на почве исторических условий прежнего Болгарского царства. Этим последним обстоятельством объясняется все то, чем казанское царство существенно отличается от Золотой Орды. Чтобы лучше уяснить себе этот вопрос, разберемся в фактах. В Золотой Орде, как мы уже видели из предыдущего, была одна характерная особенность—веротерпимость. На первый взгляд кажется довольно удивительным то обстоятельство, что татары Золотой Орды, приняв магометанство, не сделались фанатиками; но это явление, надо думать, находит объяснение, во-первых, в том, что шамано-буддистское мировоззрение и настроение не могли исчезнуть из народной психики так быстро и были еще живы в Орде и, во-вторых, в том, что территория, которую по преимуществу заняла собою Золотая Орда на Волге, это—территория бывшего Хозарского царства, веротерпимость в котором была одной из самых главных его особенностей, и следы этой веротерпимости могли существовать в настроении того населения, которое татары нашли на нижней Волге; таким образом, будучи веротерпимы, вследствие начал прежних своих довольно сложных верований—начал, переживших в психике соответствующей части народа буддизм, монголо-татары Золотой Орды могли воспринять аналогичные впечатления и от местного нижне-волжского населения, и потому тем более понятно, что они остались веротерпимы до конца своей золото-ордынской истории.

Совсем другое встретили татары в Болгарии. Там магометанство, хотя и не укрепилось в глубине широких народ-

*) Эпиграфический памятник Волжской Болгарии. Отд. 2, отд. 2, доклад проф. Н. Ф. Катанова XXI т. вми. 3-ий. Известия Общ. Арх. Истор. и Этнограф. при Каз. Унив., за 1885 г.

ных масс, в том разнообразном инородческом населении, которое входило в состав болгарского царства, однако, свило прочное гнездо в высших, преимущественно городских слоях *) и к приходу татар на болгарскую территорию насчитывало три столетия своей истории: такого времени было более чем достаточно, чтобы высшие классы Болгарии провиклись исключительною приверженностью к исламу, и чтобы мусульманское духовенство заняло здесь в высшей степени видное и влиятельное положение. Татары, подчинившись в бывшем болгарском царстве его культуре, невольно подчинились и тому религиозному настроению, которым обладали ее представители, и тому общественному слою, который был самым ярким выразителем и пропагандистом этого настроения, далеко не чуждого воинствующей ревности, фанатизма; а с отатарением болгарских именитых людей и мулл это настроение и влиятельное положение духовенства сделались еще более прочным достоянием татарского общества в Казанском царстве.

Сильным влиянием устоев Болгарского царства на татар, занявших его территорию, должно также объяснить и разницу в характере верховной власти и организации правительства в Золотой Орде и Казанском царстве. В Золотой Орде мы видели военный деспотизм и полную неорганизованность верхов общества, представители которых дробились на столько партий, сколько было желающих разыгрывать роль Чингиза, или по крайней мере, чингизика, а таковых было не мало, особенно в последнее столетие существования Золотой Орды. Результаты известны: господство многих произволов, полная степная анархия и разложение Золотой Орды на несколько орд. Все это было унаследовано так называемым Астраханским царством, которое тоже выделилось из Золотой Орды, будучи основано Эстером Ханом (в XIV стол.). В общем характере власти и управления в Астраханском царстве наблюдатель мало подметит чего-либо нового сравнительно с Золотой Ордой, и потому здесь свирепствовала во все время истории этого низового татарского царства та же степная борьба отдельных орд, на которые распалась и эта татарская монархия... Эта последняя была в сущности тою же полукочевой Золотой Ордой, но в значительно меньшем масштабе, Золотой Ордой, потерявшей свое значение и пышный титул и передвинувшейся из зимней резиденции прежних золотоордынских ханов к бывшему центру прежнего хозарского общественного союза. В Астраханском царстве, как и в Золотой Орде, тоже было слишком много желающих сделаться един-

*) Но и в селе, среди высших представителей чувашского населения ислам, вероятно, „имел сторонников“, на что указывают „имена некоторых“ чувашских старшин (Магомет), которые от всей горной стороны били челом Грозному (Н. В. Никольский: Краткий конспект по этнографии чуваш. стран. 74).

ственным и слишком мало у отдельных вождей стремления организовать более или менее прочное целое из отдельных кочевых и полукочевых групп населения: это—дальнейшее вырождение монархии—войска ханов завоевателей. Не так устроились татары, поселившиеся на болгарской территории и создавшие здесь Казанское царство. Они тоже выделились из Золотой Орды и упомянутое выше „Сказание“, говорит о „втором зачатии царства Казанского“, подчеркивает тот факт, что Казань произошла от Золотой Орды, ее „царская слава, и честь, и величество“, говорит сказание, перешли к Казани, которая, таким образом, была, по выражению сказания, „младой дочерью“ от „престарелой матери всем ордам“. „И паки“, говорит сказание, „возрасте царство...и от злого дерева рекуще, от Золотые Орды произыде Казань“ *). Устроителем Казанского Юрта во второй раз был ордынский изгнанник Улу-Махмет. С большим успехом повоював русские пределы, обремененный всяким добром, гордый победой и к тому же не желая идти „ни в какую орду далече“ от русских границ. Улу-Махмет, перешел Волгу и засел в Самновом-Юрте—Казани. Казань была почти пуста: „мало во граде людей обрете живущих“. К нему начало собираться население: „срацини, черемисы, худые болгары, уделевшие от плена“, причем сказание отмечает, что болгары рады были Улу-Махмету и молили его быть заступником „бедам их от насилия и воевания русского“, помощником и строителем „царства их“, дабы оно до конца не запустело. Далее указывается, что Улу-Махмет внял просьбе болгарского населения, поселился в пределах Болгарии и поставил себе острог на новом месте крепче старого и недалеко от старого. Рассказанное событие произошло в 30-х годах XV в., когда уже существовала новая Казань, основанная, как мы видели, после разорения старой Казани Булат-Тимуром, и таким образом „воевание русское“, повидимому, должно быть отнесено к новой Казани, которую оно разорило, и ее-то, эту новую Казань, хану Улу-Махмету и пришлось не основывать, а восстанавливать, организуя разнородное население Волжско-Камского края вокруг этого города, сделавшегося его новым торговым и политическим, а для мусульман и религиозным центром.

Приведенное летописное сообщение о появлении в Казани Улу-Махмета важно в том отношении, что в нем тоже подчеркивается преемственность между Болгарией и Казанским царством. „Сказание“ указывает на ту местную

В смысле этого летописного указания решался вопрос об отношении Казани к Золотой Орде и исследователями (Перетяткович, Новолжский в XV и XVI веках“, стр. 117; автор указывает на своих предшественников); но данный вопрос более сложен, и в тексте вновь предлагается иное решение его, не отвергающее, разумеется, и самоочевидного прихода татар в болгарско-казанскую область из Золотой Орды и, стало быть, и некоторых влияний от того на жизнь Казанского царства.

этнографическую и политическую почву, на которой строилось Казанское государство *). Здесь отмечается инородческое население Среднего Поволжья, тянувшее сначала в Болгарию, потом к Сайнову Юрту, и в числе этого населения указываются и сами болгары, просившие Уду-Махмета помочь им устроить их царство. Итак, ясно, что Казанское царство со стороны состава населения было ничем иным, как восстановленным болгарским царством, но только с новой столицей и с новым правительственным слоем, который, будучи татарского происхождения, задолго еще до этого воспринял болгарскую культуру.

Естественно, что государственное устройство в Казани не могло игнорировать местные, болгарские политические навыки. А эти последние были далеко не такие, как в Золотой Орде. Мы знаем, что в Болгарии, представлявшей примитивную феодальную монархию, с развитою транзитною торговлею в главных городах ее и следовательно с накопленными в них богатствами, царь „Великого города“—Болгара управлял страной вместе с подвластными ему царями и поземельной и торговой аристократией края; сильно развитый торговый интерес, лежавший в основе этого политического союза был, говоря фигурально, тем цементом, который довольно прочно сплачивал отдельные части союза в одно целое, делая этот, как бы, федеративный союз именно государством, но государством, основанным не на военном произволе и деспотизме, а на безмолвном коммерческом договоре, крепко утвердившемся в сознании разноплеменного населения и его правителей. Подобным же образом были организованы верховная власть и высшее управление и в Казанском царстве. И здесь мы видим хорошо сплоченную в одно целое аристократию мурз и беков. В Казанском царстве аристократия мурз и беков была именно „постоянным учреждением“, как выразился один исследователь, „с постоянным, непреходящим устройством, с особенными, ей только присвоенными правами, с непреходящим участием ее в управлении страной и в выгодах, от того проистекавших, чего не было в Сарайском государстве“. Мурзы и беки (беки) были и в Золотой Орде, но там они не сумели из отдельных военачальников или придворных превратиться в членов высшего привилегированного сословия—касты, гордой своими правами и преимуществами и твердо опиравшейся на них в своих отношениях к хану. Итак, в Казанском царстве в основе государственного порядка лежали интересы целого высшего сословия, а не одного лица или двора с его чады и домочадцы, почему и управление фактически находилось в руках этого сословия, а сам хан, носитель верховной власти, хотя бы и

*) В состав Казанского царства кроме болгар, чуваш и татар, входили также Воляки, Мордва и Башкиры; но в памятниках незаметно, чтобы эти последние три народа принимала участие в борьбе за Казанское царство.

воинственно неограниченный, был лишь представителем аристократической касты. Эта каста была сложного состава, как видно из того, что в ней были мурзы и беки, т.-е. вообще благородные дворяне и князья, и тем не менее обе части касты были объединены тем, что их звания были одинаково наследственны, и с этой точки зрения мурзы и князья занимали положение одинаково недоступное для людей „черной кости“, т.-е. для всего остального населения, как оно аттестовалось аристократией в татарских ордах. Впрочем, некоторые из княжеских родов имели наибольшее значение в управлении, но это не мешало высшему классу быть высшим сословием: это только выдвигало из его среды людей, совсем близких к трону, таким путем и для остальных членов касты сокращая к нему расстояние: рядом с ханом сидела их, мурз и беков, братья, — и сам хан, в конце концов, мог считаться старшим среди равных. В русских летописях представители немногих княжеских (княжеских) родов называются не только „слугами“, но и „князьями Казанских князей“. Эти „князья князей“ были постоянными членами Казанского правительства и составляли Казанскую княжескую думу, председателем которой был сам хан, царь Казанский. Таких княжеских родов обыкновенно было 4 *). Если мы теперь припомним, что еще Фоппа видел четырех подвластных болгарскому царю царей, сидевших во его правую сторону, если припомним далее, что при взятии Булгара Тимуром, вместе с царем этого города, были убиты четыре брата или князя (по свидетельству татарской летописи), то мы с большим основанием можем сделать заключение, что корни государственного строя Казанского царства окрывались не в Золотой Орде, а в древней Волжской Болгарии. Следуя за образным изложением русской летописи, можно сказать: в Казанское царство из Золотой Орды были принесены лишь новые дикие лозы, но привились они к старому, еще не загнившему пню, остатку роскошного дерева. — и выросло новое дерево с характером татарского дичка, но вместе с тем и с заметными следами прежней, болгарской культуры, культуры старого дерева. И вот по скольку из жизни нового дерева — Казанского царства — отразилось влияние татарского дичка, по стольку можно согласиться с летописным автором „Сказания“, что от „дерева“ произошла ветвь „злая“ и „горький плод изнесет“, — разумеется, для Руси, а по скольку на той же жизни сказались влияние жизненных соков, шедших от старых корней, то ветви произошли разные, в том числе и из-злые, напр., новое, под действием болгарского коммерческого духа, оживление на Волге торговли, впоследствии давшей толчок к развитию производительных сил обширного, богатого дарами природы, новолжского края.

*) „О четырех мужах“, с которыми „татарские цари“ преимущественно советуется в важнейших делах“, сообщает и Герберштейн. Славян и Московии, перев. Н. Анисимова, С.-Петербург, 1866 г., стр. 171.

3. Торговля в татарскую эпоху на Волге.

Само собой понятно, что на некоторое время, по завоевания татарами Поволжья и Руси, когда болгарские и русские города лежали в развалинах, торговли на Волге замерла. Но потом она опять началась, когда были восстановлены разрушенные города, когда татары принялись основывать новые. На сколько позволяют судить отрывочные показания источников, можно, кажется, утверждать, что татары оказались склонными к торговле и довольно быстро усвоили от Болгар опыт в торговле, их знание путей и рынков. В города Золотой Орды стали стекаться купцы со всех сторон. Так в Сарая, Астрахани, Булгаре жили, кроме татар и болгар, армяне, евреи, генуезцы, византийцы, русские. Из разного рода товаров, привозимых и на Русь, нужно прежде всего отметить оружие, особенно дамасские клинки. Ввоз оружия во всяком случае был расширен татарами, и это обстоятельство доказывается тем, что татарское оружие очень ценилось на Руси, и названия этого оружия татарские, напр., сабля, кинжал, шинак, байданы. В Азиатские страны от татар вывозились пленники. В туземной торговле татары главное внимание обратили на сбыт овец и лошадей, но зато мало интересовались и, вероятно, мало понимали в хлебной торговле, как будто упавшей в Поволжье в период татарского владычества. Русские ездили на нижнюю Волгу за солью. Что касается торговых пунктов, то сначала центром торговли был город Болгар, затем Сарай и Астрахань, а потом Казань, которая в скором времени заняла первенствующее положение. Ярмарка устраивалась обыкновенно, под Казанью, на одном из вожских островов, именно на Гостином. Тут происходил торговый обмен между европейскими и азиатскими купцами. На эту ярмарку доставлялись товары из Персии, Армении и др. юго-восточных стран.

Много препятствий встретила в это время торговля в Поволжье. Кроме прежней вольницы, здесь появляется еще вольница татарская, тоже из класса обездоленных, называвшаяся у татар Кайсаками (отсюда слово казак), но в разбоях участвовали также и именитые представители татарского общества, не исключая и ханов. Так, по сообщению летописи,

однажды татарский царевич Арапча перебил многих русских купцов, пограбив их товары; в другой раз Тохтамыш „посла татар своих в Болгары и ту поведе торговцы русские избити, а гостей грабити, а суды их и с товарами отнимати и попроводити к себе, на перевоз. Все гости русские пойманы быша и пограблены и удержаны, дабы не было вести“. Или вот еще один из потерпевших в поволжском путешествии, сам поведавший о себе потомству—тверской купец Афанасий Никитин: он с товаром плыл к Каспию, намереваясь пробраться в Индию; но в устье Волги его ограбили татары; тем не менее Никитин отправился дальше, всю надежду возлагая на оставшегося у него жеребца; этого жеребца Никитин предполагал продать в Индии и на вырученные деньги купить индийских товаров. Наш безвестный, но предприимчивый тверитянин побывал в Индии раньше знаменитого Васко-де-Гама, но коммерческая его надежда не оправдалась... Таковы были торговля и условия, в которых она находилась, как в золотоордынскую эпоху, так и во времена последующего владычества в Поволжье Казанского и Астраханского царств. Но эти условия были еще тяжелее, чем отмечено: на великой водной дороге шла кровавая борьба, сильно вредившая экономическому развитию всего Поволжья и особенно русскому населению, приотквившемуся около своего государственного центра в Верхнем Поволжье и частью немного вступившему в Среднее... Торгово-промышленные элементы русского народа начинают чувствовать себя слишком запертыми в том тесном треугольнике, между Окой и верхней Волгой, где содалось Московское государство, и потому теперь эти элементы сами уже по своему почину начинают стремиться с верховьев вниз по Волге. Сюда идут прежде всего именно промышленники-рыболовы—и в значительном количестве. Так Казанская летопись свидетельствует, что ежегодно русские рыболовы пробирались вниз по Волге верст на 1000 ниже Казани и ловили рыбу „под горами Девичьими“ „от Змева Камня до Увека“: от этого промысла они „весьма обогатились“ (см. выше). Это торгово-промышленное стремление русских вниз по реке и делает борьбу за Волгу, за лучшие, наиболее благодатные места ее, за волжское „жито“, за свободный выход из нее в „Хвалисское синее море“ и в заманчивые для русских коммерческих людей азиатские страны борьбой решительной, потребовавшей великое множество жертв с обеих сторон, словом-борьбой не на живот, а на смерть.

4. Борьба за Волгу

Походы русских в Волжско-Камский край и под Казань до половины XVI века. Раздоры среди ханской семьи и Казанской аристократии и общий характер московской политики по отношению к Казани. Походы царя Ивана Васильевича Грозного и покорение Казанского царства. Астраханские отношения и подчинение Астрахани Москве. Влияние завоевания Волги Москвой на дальнейший ход обще-русской и поволжской истории. Попытки покоренных народов Среднего и Нижнего Поволжья отбиться от Москвы.

Золотая Орда даже в период своего упадка по временам наносила жестокие удары Московской Руси внезапными налетами своих конных полчищ на ее пределы, даже на столицу государства. Эти вторжения были опустошительны. Иногда Русь невольно вспоминала ужасы Батыева нашествия: так велика бывали разрушения, которые оставляли в русской жизни некоторые из татарских налетов. Сожженные села и города, перебитые во множестве мужчины и изнасилованные женщины—вот общий материальный и моральный итог этих повторных массовых посещений Руси татарами, откуда они, обыкновенно, увозили громадную добычу имуществом и полоном.

В ответ на эти татарские удары Русские уже тогда, еще в эпоху Золотой Орды, начали снова прорываться в Среднее Поволжье и в Покамье, тоже заставляя население этих местностей вспоминать о прежних княжеских и повольнических набегах на Волжско-Камскую Болгарию. Так, за ограбление татарами Нижнего Новгорода в 1399 году Московский князь Василий Дмитриевич в том же году двинул значительный отряд в Среднее Поволжье. Услыхав об этом, татары бежали из Нижнего в Золотую Орду. Отряд князя Василия Дмитриевича туда за ними не последовал, ибо, не смотря на победу над татарами его отца на Куликовом поле, Золото-ордынцы были еще страшны, что при хане Тохтамыше они и доказали их победителю—Дмитрию Донскому; но зато отряд этот опустошил Болгарию, взяв и разорив ее города—Болгар, Жукотин, Керменчуг, Казань. Три месяца русские хозяйничали в этой стране и обремененные огромной добычей вернулись на Русь.

Не всегда эта борьба шла так удачно для Русских: сын Василия Дмитриевича, Василий Васильевич во время своего столкновения с казанскими татарами попал даже в плен к их царю Улу-Махмету, основателю новой Казани.

В XV вѣдѣ Казанское царство, какъ ближайшей къ Московскимъ границамъ татарскій улусъ, принимаетъ на себя большую часть ответныхъ ударовъ Русскихъ, видѣвшихъ, что, вследствие разложившагося Кипчака, можно смелѣе насадить на бывшія болгарскія земли. Отъ ударовъ плохо приходилось татарамъ, если они въ минуту опасности не успѣвали скрыться за стѣнами своего казанскаго гнѣзда, но еще болѣе отъ русскихъ набеговъ страдало подвластное Казани население—Черемисы, Чуваши, Вотяки и проч. Такъ в 1468 году Русскіе напали на Черемисскую землю и подвергли ее сильнейшему опустошенію. Много было перебито Черемисъ, некоторые сгорѣли въ западенныхъ Русскими селеніяхъ. Немало черемисскаго народа было взято въ плен. Не все можно было захватить съ собою: то уничтожалось, скот избивался. Нападеніе было стремительно; немного въ этотъ разъ Русскіе не добрались до Казани, но это былъ просто набегъ, а не завоевательная операція, почему отрядъ ограничился опустошеніемъ черемисской земли, и съ пленными и съ награбленнымъ имуществомъ вернулся домой. Это было зимой. Когда пришла весна, опустошеніе и ограбленіе земель, входившихъ въ составъ казанскаго царства, продолжалось. Натискъ начался съ севера, съ реки Вятки, гдѣ сошлись московскіе воеводы со своими отрядами. Сначала были „примучены“ Черемисы, жившіе по Вяткѣ, а потомъ воеводы, разбивъ двухсотенный татарскій отрядъ, двинулись на Каму, гдѣ начали промышлять надъ купцами, которые избивались и ограблялись. Источники свидѣтельствуютъ, что у купцовъ было побрано много товара, съ которымъ русскіе и вернулись въ Москву чрезъ Пермь и Устюгъ, т. е. севернымъ обходнымъ путемъ, ибо Камско-Волжскій путь, очевидно, былъ опасенъ: русская рать могла быть окружена на немъ и сверху, и снизу Волги, и во всякомъ случаѣ казанскіе татары, впустивъ русскихъ съ Камы на Волгу, имели полную возможность загородить имъ большую ратью дальнѣйшій путь вверхъ по Волгѣ. Последнее и случилось въ слѣдующемъ 1469 году, когда Иванъ III организовалъ болѣе обширное предпріятіе противъ Казани. Решено было войти въ Казанское царство съ двухъ сторонъ,— и русскіе отряды пошли двумя дорогами: одинъ изъ Москвы чрезъ Нижній, а другой изъ Вологды и Устюга на Вятку и далѣе, на Каму и Волгу. Не въ первый разъ подобнымъ образомъ организовывалось военное предпріятіе на Волгу: мы знаемъ, что еще въ болгарскую эпоху движеніе отъ устья Оки подкрѣпляли движеніемъ на верховья Камы, и вообще послѣдній путь былъ уже достаточно привыченъ *)

Первый изъ посланныхъ Иваномъ III отрядовъ долженъ былъ подойти къ Казани съ Севера, второй съ Юга. Хотѣли стиснуть Казань и раздавить, но это не удалось.

*) Во время экспедиціи противъ Болгаріи Святослава Всеволодовича одинъ изъ отрядовъ съ устья Оки былъ отправленъ на верховья Камы.

Первый отряд, 21-мая, на судах подождая к Казани, стал татар врасплох. Посады казанские были заняты, и русские, затрубив внезапно в трубы, принялись резать спавших татар и грабить их имущество, а затем достаточно набрав его и пленных, преимущественно женщин и детей, подожгли посады. Немало татар погибло в огне, ибо они, не желая сдаваться, сносили свое имущество в мечети, где затем запылали вместе со своими женами и детьми, делаясь добычей пламени. После этого неожиданного для татар налета Русские отступили от города, а потом, обороняясь от наседавших значительными силами татар, пробившись к Нижнему. Северного отряда, который был должен подойти к Казани с Юга, Нижегородский отряд так и не дождался. Тот отряд, выйдя из Камы на Волгу, намеревался пробраться к Нижнему мимо Казани, но был остановлен под Казанью татарскими судами, преградившими русским дальнейший путь. Силы у татар было много больше, но отступления русским не было, или оно могло быть еще более рискованным, и потому начальник отряда кн. Ухтомский решил пробиться вперед. Началась лютая сеча. Дрались в рукопашную. Несколько воевод русских пало. Сам князь Ухтомский, перескакивая с лодки на лодку, ослоном поражал татар направо и налево; потеряв 430 чел. убитыми и взятыми в плен, перебив и положив много и татар, этот русский отряд, попавший совсем в критическое положение, все-таки пробился к Нижнему. Экспедиция, таким образом, не удалась. Чтобы поправить дело, Иван Васильевич тогда же, летом (1469 г.), послал под Казань большую рать под предводительством двоих братьев—князей Юрия и Андрея,—и им через отвод воды, которою пользовались Казанцы, удалось добиться обещания покорности от казанского хана Ибрагима, при чем этот хан возвратил Москве всех русских пленных, набранных Казанцами за последние 40 лет. Но в общем все эти предприятия, не смотря на временный их успех, показывали, что Московское государство еще не в силах покорить Казанский юрт и обратить его в свою волжскую колонию или, по крайней мере утвердить в нем свое более или менее прочное влияние.

Предстояло ждать, не помогут ли в этом деле сами казанские татары, как помогли сами Золото-ордынцы освободиться от их ига. Однако, мы знаем, Казань, сравнительно с Золотой Ордой, была значительно более организованным общественным союзом, и высший класс ее (мурзы и беки), не находился в таком хаотическом состоянии, как высший класс Золотой орды, в котором кипела постоянная борьба очень многих честолюбив, совершенно не считавшихся с интересами целого. Как известно, Казань была возродившейся Болгарией с довольно старой мусульманской культурой, с устойчивой психологией высших классов—князей и мурд, которые

и трудную минуту были способны возбудить к отпору не только татар, но вообще все население, входившее в состав Казанского царства. Словом, легкой победы над этим царством Москве ожидать было нельзя. Тем не менее и Казань сама пошла навстречу этой победе. Как и всякий общественный союз, представляющий организованное господство сравнительно небольшой группы населения над его громадным большинством, Казань не избежала внутренних раздоров в среде этой меньшей группы, прежде всего в дворцовой сфере, а потом и вообще в аристократии, разделившейся на борющиеся между собой партии, при всей своей сравнительной организованности. Казанская аристократия была организована по отношению к народной массе, но в своей среде не могла спеться на столько, чтобы поставить интересы целого выше партийных, выше интересов той или другой фамилии или даже лица.

Такое положение вещей в Казани и открыло Московскому государю широкую дорогу для вооруженного вмешательства в ее дела и для влечения над нею верха. Внутренние раздоры в Казани особенно усилились после смерти хана Ибрагима, начавшиеся в ханской семье. Два оставшихся после него сына Али и Муггамедаминь, дети разных матерей, вступили между собой в борьбу из-за Казанского престола, и Казань разделилась на две партии: одна встала за старшего Али, другая за младшего—Муггамедаминя. Победила первая, и Али сделался ханом, но младший брат не помирился с этим и решил свергнуть Али-хана или, как его называли в Москве, Алегана, при помощи московского государя, которому он, прибыв в Москву, и был челом в этом смысле, при чем называл Ивана Васильевича даже своим отцом. Новоявленному отцу претендента на Казанский престол более улыбалась кандидатура своего неожиданного сына в Казани, и он решил ему помочь и помог. В апреле 1487 г. Иван Васильевич двинул под Казань значительное войско, с несколькими предводителями—князьями, и также с присоединенным к нему же и главным виновником похода Муггамедаминем. Али-хан было выступил против этого войска в поле, но потерпев неудачу, заперся в городе. Русскому войску пришлось начать правильную осаду Казани. Оборона ее была организована не плохо. Она отремилась поставить Русских между двух огней. С этой целью Али-хан лишь с частью своих сил остался в городе, а другая часть скрылась в окрестных лесах и должна была, как прерывать сообщения врага, так и неожиданно бросаться на него с тылу, в то время, когда Али-хан, сделав вылазку, атакует его в лоб. Осада с ежедневными вылазками Али-хана и постоянными нападениями лесных татар продолжалась в течение трех недель; наконец, тридцать действовавший из лесов и нанесший русским боль-

шой урон, был отбит ими далеко от Казани,—за Каму. В Али-хан сдался (9 июля). На казанском престоле был посажен его младший брат Муггамедаминь, добившийся, таким образом, своего при помощи Москвы, но сделавшийся через то в сущности вассалом московского государя, в сыновья, которому он навязался. Старший его брат Али-хан вместе с семейством был сослан, и его наиболее видные сторонники, князья и уланы, казнены по приказанию московского государя. Так установилась политическая зависимость Казани от Москвы. В дальнейшем Иван Васильевич распоряжается казанским престолом согласно с московскими интересами. Он сажает в Казани на трон угодных ему ханов и саживает с него неугодных, отправляя их в пределы своего государства.

Иногда от сделавшегося неугодным московскому государю казанского хана московские агенты отделялись при помощи весьма простого, патриархального приема. Они на нарочно устроенном пиру поднаивали хана (Али-хан) до беспомытства и затем клали в повозку, как бы намереваясь везти его домой, а вместо того, увозили в Москву, оттуда доверчивый хан попадал в место, более отдаленное, напр. в Вологду.

Когда же сами казанские князья выгоняли угодного московскому государю хана, то последний находил почетный прием в Москве и получал в кормление русские города. Все это являлось возможным при вмешательстве московского правительства во внутренние казанские смуты, которые продолжались почти безостановочно. Так московскому ставленнику Муггамедаминю пришлось бежать из Казани, будучи прогнанным отсюда другим претендентом на казанский престол ханом Мамуком при содействии 4-х казанских князей (Калимета, Урака, Садыря и Агыша), тех несомненно, которые имели наибольшее значение в высшем управлении казанским царством. Принятый с честью в Москве, Муггамедаминь впоследствии снова был водворен на казанский престол; но в промежуток, образовавшийся между первым и вторым его воцарением в Казани, оба раза по воле московского государя,—здесь успели поцарствовать Мамук и младший брат Муггамедаминя, но тоже от другой матери—Абдул-Латиф, служивший Москве из-за корма в Звенигороде, посаженный в Казани московским государем, им же смещенный, поговору его казанским князем Калиметом и сосланный на Белозеро уже в качестве провинившегося против Москвы хана. Этого опального хана и сменил вновь данный Казани Москвой Муггамедаминь, начавший свое новое царствование с того, что убил своего давнего недруга князя Калимета, а продолживший тем, что отложился от своего „благодетеля“ и „отца“—московского государя и учинил ему за честь бесчестья: приказал схватить московского посла вместе с московскими же купцами, приехавшими в Казань на ярмарку

(24 июня) и нашедшими здесь плен и даже смерть. Нападением, вслед за тем на Нижний-Новгород, он как бы хотел подтвердить свое отложение от Москвы; нападение было отбито, но Иван Васильевич в это время скончался и восстанавливать покорность Казани Москве пришлось уже его сыну Василию Ивановичу.

Силою оружия это сделать не удалось. Посланное весной 1506 года русское войско потерпело полное поражение под Казанью. Татары употребили обычный свой маневр: нападение с двух сторон на высадившуюся с судов и подошедшую к городу рать—спереди и сзади. Татарская конница, ударившая в тыл русским во время боя под стенами города,—решила дело. Русские потери убитыми и пленными были страшные. Сверх того, спасаясь от преследования, многие попали в так называемое Поганое озеро и перетонули. Другая рать, отправленная Василием под Казань немедленно после этого поражения, была тоже на голову разбита казанцами. Дело было проиграно совсем,—и в этом году поправить его было уже нельзя. Поневоле промысел под Казанью был отложен до следующей весны; новый поход, однако, не состоялся и тогда, потому что Муггамедаминь, узнав о приготовлениях к нему, просил мира и дружбы, на какое предложение московское правительство, наученное горьким опытом предшествовавшего года, поспешило согласиться, тем более, что Муггамедаминь отпускал арестованного раньше посла—князя Яропкина и всех русских военнопленных.

Дальше московско-казанское отношение развивалось по той же колеблющейся линии вмешательства московского правительства в Казанские дела. После смерти Муггамедаминя (1518 г.), Василий III посадил на Казанский престол одного из своих служивых царевичей Шейх-Али (по-русски—Шигалея), выехавшего в Москву из Астрахани вместе со своим отцом.

Но этот хан, внук Золото-ордынского хана Ахмата, не ужился с Казанской аристократией, ибо слишком определенно тянул в Московскую сторону в то время, когда влияние Крымского хана все более и более крепло в Казани. Да и как личность, Шейх-Али не мог внушать к себе симпатии. Это был тучный, с огромным, сильно выступавшим вперед животом, но физически слабый человек, почти безбородый, с меноподобным лицом, не свидетельствовавшим о ценящихся тогда военных свойствах. Современник, сообщающий нам о внешности Шейх-Али, подчеркивая „безобразие и слабость его тела“, на основании чисто внешних его данных, заключает, что он „нисколько не способен к войне“ *). Зато этот

* Герберштейн, Записки о Московии. (Первое московское издание) С.-Петербург, 1866 г., стр. 141.

хан был очень способен к интригам и ко всякому предательству. Наружное безобразие вполне гармонировало и с его внутренним безобразием. Блудливый, как кот, хитрый, преувеличиваемый и жестокий, но трусливый, он для достижения личных, своекорыстных целей не разбирал средств и готов был на все, кроме честного и смелого выступления против своих врагов; ибо коварство его необычайно выделялось даже в той, выдавшей виды всякого предательства, среде, в которой ему приходилось жить и действовать. Такой хан, к тому же пришлый со стороны, хотя и царского рода, но отнюдь не Казанский патриот, естественно, не мог быть популярен в Казани, и действительно, здесь его прямо возненавидели. Поэтому, когда кандидат Крыма, сын крымского хана Саип пришел под Казань с крымскою ратью, то казанские вельможи тотчас же сдали ему город, и Саип воцарился в Казани, отпустив Шейх-Али и состоявшего при нем московского воеводу в Москву, но не преминув также ограбить и задержать московского посла и купцов. Поддержка Крыма, грозно ополчившегося на Москву, дала возможность хану Саипу усидеть на казанском престоле до крупных военных операций, предпринятых Василием III против Казани. Первый поход был организован в 1523 году летом, когда великий князь Василий сам двинул русское войско Волгой: пешая рать отправилась на судах, а конница берегом. Войско находилось под общим начальством Шейх-Али. Результатом этого похода было то, что русское войско захватило много полоню, да был срублен город на высокой волжской горе, при устье Суры, — Василь, сделавшийся сторожевым и опорным военным пунктом Московского государства в „казанских“ местах. Важность этого продвижения русских в пределы Казанского царства хорошо тогда сознавалась, и потому неудивительно, что митрополит Даниил очень хвалил великого князя за его восточную политику и говорил, что он новым городом „всю казанскую землю возьмет“. Пророчество, впрочем, оказалось преждевременным, потому что летний же поход следующего 1524 г. лишь спугнул из Казани хана Саипа-Гирея, убежавшего в Крым, с оставлением на Казанском престоле, вместо себя, 13-ти летнего своего племянника Сафа-Гирея, но успеха не имел, не смотря на многочисленность, до 180 тыс. московской рати под главным начальством князя Ивана Бельского. Важнейшею причиною неудачи похода были энергичные действия против Русских черемисского населения, очевидно, мстившего им за опустошение его земли и за взятый у него полон в предшествовавшем году. Как и раньше главная пешая рать двигалась под Казань водным путем на судах, и она пришла раньше конницы, шедшей берегом, и раньше „варяда“, т. е. артиллерии, и провианта, отправленных вслед за пешею ратью тоже на судах. Стоя под

Казанью, эта передовая и главная рать была поставлена черемисами в очень тяжелое положение. Черемисы, угрожая ее тылу, заняли все дороги и отрезали ее от ее военного и продовольственного подрепления, а, опустошив все окрестности, отняли возможность найти корм и продовольствие на месте; вследствие всего этого, в русском войске начался голод, и оно пало духом в слишком продолжительном ожидании съестных припасов, „наряда“ и конницы. Конница, в конце концов, пробившись не без потерь, все-таки пришла; но судовой рати с нарядом и съестными припасами черемисы так загородили кодыями и деревьями волжский путь, что лишь немногим судам удалось миновать эти заграждения и доплыть до Казани. Большая же часть их сделалась жертвой черемис, засевших по берегам и действовавших против Русских всевозможными способами. Они с крутого берега выдали в них бревна и пускали тучи стрел; с детства приучаемые к стрельбе из лука, черемисы были превосходными стрелками, и разумеется, стрельба их была убийственна.

Но, не взвзрав на почти полную гибель судовой рати с нарядом и съестными припасами, кн. Бельский и другие воеводы, когда пришла конница, начали осаду Казани. Недолго однако она продолжалась. Во время взаимной пушечной стрельбы у казанцев был убит единственный пушкарь, и они просили мира, обещая отправить в Москву к государю посольство и бить предним челом о милости к ним и об утверждении на престоле казанском Сафа Гирея. Хотя пришедшая конница и могла сдерживать тыловые ватиски, тем не менее, вследствие голода, от которого сильно страдало русское войско, князь Бельский был не в блестящем положении, почему и поспешил согласиться на казанское предложение и отступил от Казани. Таким образом большое предприятие Василия III в сущности кончилось неудачей: целью похода такого громадного по тому времени войска было несомненно покорение казанского юрта, а пришлось ограничиться прощением казанской вины и утверждением в Казани нежелательного для Москвы хана, крымского ставленника. Но Москве по-прежнему помогали сами казанцы своей внутренней борьбой. Крымская партия, выставившая Сафа-Гирея, не удержалась, и этот хан был изгнан противной партией, державшейся московского покровительства, при чем ближайшние помощники Сафа-Гирея, Крымцы и Ногайцы были перебиты. Однако и Шигадея победители получить в ханя не желали, как человека дурного, от которого можно было ждать всякого зла. Они просили его младшего брата Евлален или Джемален, тоже служившего Москве—с города Мешиерского. Василей Иванович исполнил их желание: послал в Казань ханом этого своего служилого татарского царевича, а его старшего брата, не приемлемого казанцами Шигадея, обиженого таким предпочтением, не смотря на то, что московский госу-

дарь, дал ему в кормление два города (Кашгару и Серпухов), сослал на Белоозеро в тюрьму за то, что он самостоятельно, не уведомив Василия Ивановича, завел переговоры с казанцами, видимо, не сняв своей кандидатуры на казанский престол. За-то Еналей был верным подручником Москвы: он даже жениться не решился без позволения на то Василия Ивановича, милостиво давшего ему согласие на брак. Это разумеется, не значило, что престол Еналея был прочен: нет, он начался и под ним, при всем одобрении его поведения в Москве, и жизнь его была в опасности в Казани. Действительно, как только начались для последней внешние политические затруднения, Еналей тотчас-же пал жертвой заговора, устроенного Крымской партией, был убит, и на казанский престол снова был возведен Сафа-Гирей. Это было уже во время регентства вдовы Василия III—Елены. Правительство ее, осведомившись, что Сафа-Гирей далеко не пользовался общим признанием, решило принять меры к изменению положения в Казани в пользу Москвы: ради чего снова была выставлена кандидатура в казанские ханы все еще находившегося в белоозерском заточении Шигалея, который теперь, по просьбе его казанских сторонников, был вызван в Москву и принят здесь с честью. Это было в 1536. Прошло несколько лет, а Шигалей все еще оставался на положении хана на запасе для Казани. Между тем число противников Сафа-Гирея в Казани росло, ибо он действовал исключительно в интересах окружавших его Крымцев, которые одни только при нем и обоготались; интересы казанских сторонников крымской партии были забыты, и эти князья и мурзы от нее отшатнулись, перейдя в московскую партию. Московское правительство однако в малолетство великого князя Ивана Васильевича ничего не могло предпринять решительного против Казани, ибо Москва находилась под сильной опасностью, шедшей со стороны крымского хана. Приходилось ограничиваться посылкой в Казанские пределы воевод—также, как и раньше, разными дорогами—и от Нижнего, и обходным путем—от Вятки и от Перми. Эти налеты частью были удачны, частью неудачны, но они обостряли внутреннюю борьбу партий в Казани (Московской, Крымской и Ногайской), последствием чего, наконец, явилось свержение здесь Сафа-Гирея (1546 г.) и посажение запасного хана Шигалея, при содействии московского воеводы. Но лишь только последний оставил в Казани этого московско-служилого хана одного, как тотчас-же он принужден был бежать отсюда, уступив новому натиску крымской партии. Сафа-Гирей снова воцарился в Казани. Значит, снова открылась перспектива постоянных вторжений казанцев в русские пределы и постоянных опустошений ими окраинных областей, что особенно часто повторяли казанцы в период боярского правления в Москве. Это обстоятельство и понуждало правящую Москву ре-

ром поставить вопрос о существовании особого татарского государства в Воляско-Камском крае. С другой стороны, внутреннее положение в Казанском юрте подавало к этому многочисленные поводы. Это положение давно уже свидетельствовало о все глубже и глубже внедрявшейся в казанском обществе психологии предательства. Здесь давно уже интересы государства, его независимость и честь, подчинялись интересам той или другой партии князей и мурз, и те из них, которые стремились овладеть правлением при помощи Москвы, готовы были считать и своего хана, и себя состоящими на службе московского государя. Так, еще при Иване III, когда в Казани воцарился Али-хан, а его брат Муггамедамин бежал в Москву, некоторые казанские князья и мурзы сами объявили последнего запасным ханом для Казани, на случай, если Али-хан „станет поступать“ с ними дурно: тогда „ты“, велели сказать, они великому князю, опять отпустишь к нам „Муггамедамина“. Али-хан, по их сообщению, узнав об этом, хотел на пиру их перерезать, но сторонники московской руки убежали в степь. Им на помощь тогда (в 1487 г.) Иван III и послал большую рать, которая, заняв Казань и посадив там запасного хана, тем самым еще более обострила борьбу среди казанских вельмож. В дальнейшем эта борьба вела к еще сильнейшему моральному падению борющихся за власть партий, и московские сторонники прямо уже называли себя холопами московского государя, готовы были считать казанскую землю его землей, жить на полной его воле, лишь бы он дал им волю в Казани. Послы Сафа-Гирей спрашивали великого князя Василия III: „Сафа-Гирею ли быть царем в Казани или другого пришлет государь?“. И затем, излив свое недовольство Сафа-Гиреем, завидли совершенно во вкусе московских служилых людей: „А теперь ведает Бог да Государь, как землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя, какого нам государь пожелает, тот нам и люб“. Эти холопы московского государя обещали ему помощь свою и своих родных и друзей, в случае, если он предпримет против ставшего неудобным их царя решительные меры. Точно также этого же сорта люди предлагали свое содействие и правительству великой княгини Елены, когда хлопотали о Шигалее: „когда Шигалей“, говорили князья и мурзы, „будет у великого князя в Москве, то мы соединимся со своими советниками, и крымскому царю в Казани не быть“. Шигалей не любили, даже несправедливо в Казани, как не казанского уроженца и насильника, но московские сторонники из казанцев цеплялись за него, лишь бы не дать торжествовать крымской партии, и когда Сафа-Гирей в 1546 г. был изгнан ими, они у Ивана IV опять просили в ханы все того же Астраханского, выходца, ставшего запасным казанским ханом, — Шигалей. Когда же он во второй раз был прогнан крымцами, воцарившийся снова Сафа-Гирей начал рас-

праву с вождями московской партии. Несколько человек из них было убито (Чура, Кадыш и др.), но за-то большинство этой партии (до 70 челов.) спаслось бегством в Москву и там засвидетельствовало свои верно-подданныческие чувства. Ясно было, что в Казани, не смотря на насилье крымской партии, во многочисленной группе мурз и князей создалась привычка взирать на московского государя, или на своего верховного повелителя, как на сюзерена; сверх того, начало выясняться, что и рядовое не татарское население (Черемисы, Чуваши и Мордва) Казанского царства, видимо, под влиянием той же кипевшей в нем, внутренней борьбы, деморализировалось и, по примеру московской партии в татарской Казани, готово было тоже на измену наличному казанскому правительству и на службу Москве. Так, в том же 1546 г., когда из Казани выгнали Шигалея, горные Черемисы просили великого князя Московского о присылке рати под Казань, а они, де, черемисы, „хотят служить государю“. Эта постепенно создававшаяся готовность подчиниться и стала укреплять в московском правительстве все большую и большую готовность подчинить, покорить. Это было сделать теперь вполне возможно, ибо камско-вятские места, Пермь и Вятка, были уже давно покорены Москвой; последний племенной князь, один из многих местных князей, был сведен из Великой Перми Московскою властью в 1505 году. Вследствие этого Казанское царство, отрезанное Русью от Сибири, оказалось стиснуто ею с двух сторон, а потому неминуемо и должно было пасть. При той внутренней борьбе, которая его раздирала, это падение было не за горами. Однако Московской Руси еще предстояло сделать немало усилий для полной победы над Казанью, для ее покорения в точном смысле этого слова. Первые два похода царя Ивана Васильевича на Казань (1547 и 1550 г.г.) не удалась. В первый раз царя принудила вернуться от Работок ранняя оттепель, наступившая в феврале; но, вернувшись со слезами досады сам, царь все же послал к Казани отряды под начальством кн. Бельского и хана Шигалея, не в первый раз участников в казанских походах, и они, заставив Сафа-Гирея запереться в городе, в течении 7 дней занимались опустошением прилегающих к нему местностей. Второй поход был предпринят в 1550 году, уже после смерти Сафа-Гирея (в марте 1540 г.); оставившего казанский престол своему 2-х-летнему сыну—Утемиш-Гирею. Казанский климат, столь же неустойчивый, как и казанское население в покорности Москве, и на этот раз изменил юному московскому царю. Иван Васильевич, правда, добрался с войсками до Казани, но здесь, после неудачного приступа, сопровождавшегося громадными потерями с обеих сторон, как во время первого похода, наступила оттепель, при сильнейших ветрах и дожде; вследствие чего даже начало лопать-малые реки, и все это грозило страшным бед-

дорожьем. Пришлось снять осаду Казани и двинуться во-свое-
 ей; но на этот раз 11-ти дневное стояние под Казанью все-
 таки не осталось совсем безрезультатным: при устье Свияги
 царь велел срубить город, получивший название Свяжеска.
 А дабы отход от Казани главной русской рати не слишком
 возгордил казанцев, князю Петру Серебряному было приказано
 сделать набег на Казанский посад из Нязнего; при чем
 Казань была оцеплена со стороны Вятки, Камы и Волги ка-
 зацкими отрядами; казаки завяли все перевозы, чтоб воин-
 ские люди из Казани и в Казань не ездили". Кн. Серебряный
 ударил на Казанский посад стремительно, и потому набег
 его, подкрепленной упомянутой казацкой заставой, окончился
 удачно: неожиданные нападения татары во множестве были
 частью перебиты, частью пленены, а многие русские пленни-
 ки освобождены.

Все это было как бы подготовкой к последней решитель-
 ной борьбе Москвы с Казанью за господство на Волге.

Но, не смотря на внутреннее разложение в Казани, по-
 корить ее Москве было не легко главным образом по двум
 причинам: во-первых, по недостатку технических средств для
 такого предприятия, при отдаленности театра военных дей-
 ствий, во-вторых, по тому влиянию, какое приобрело в Казани
 мусульманское духовенство, смотревшее на борьбу с религи-
 озной точки зрения и своею проповедью сообщавшее населе-
 нию воодушевление во время борьбы. Московское правитель-
 ство сознавало, что для такого предприятия, как покорение
 Казани, надо поучиться у западных соседей, но в своих стре-
 млениях на пути к улучшению военной техники встретило
 препятствия, как раз, со стороны ближайших из них. В 1547 г.
 Московское правительство послало за границу одного из своих
 служивых ввоземцев с тем, чтобы он набрал там разного рода
 техников, желающих ехать в Россию. Сначала дело шло хо-
 рошо. С разрешения Карла V, германского императора, была
 сформирована партия техников в 123 человека, но Ливонское
 правительство, видя в этом опасность для себя, повлиало на
 Карла V так, что он предоставил магистру ордена полное
 право закрыть доступ западным художникам и ремесленни-
 кам в Московию. Вербовщик был арестован, а партия его раз-
 сеялась, кроме одного провинувшегося особенным желанием
 пробраться в Московию: этот своего рода руссофил XVI ст.,
 некто мастер Ганс, желавший во что бы то ни стало попасть
 в Россию, не захотел подчиниться распоряжению императора,
 и вместо России попал в тюрьму. Однако оттуда скоро бежал
 и, будучи схвачен вторично, был казнен. Делая по отноше-
 нию к русским секрет из того, чего достигло культурное раз-
 витие Западной Европы в XVI ст., ливонские немцы и дру-

две соседи московского государства стремились этим самым задержать его политический рост. Ливонцы, Шведы и Поляки понимали, что народ, сумевший без посторонней помощи и своими домашними средствами отстоять свою политическую независимость, не остановится на этом, если познакомится с западно-европейскими приемами и средствами ведения войны. Мы таким образом пред покорением Москвой Казанского царства, можем наблюдать признание в международных отношениях Восточной Европы силы, именуемой наукой и просвещением. Эту силу признают обе стороны, причем одна делает первые робкие шаги к приобретению ее для себя, пока в виде намеренных иноземных мастеров строительного и военного дела, а другая стремится не допустить первую к этому, чувствуя, что знание противника самый опасный враг в международной борьбе при других внушительных условиях. Эти препятствия не позволили Москве подготовиться к борьбе с Казанью так, как было бы нужно, и потому ее затянули, но все-таки кое-чего Московское правительство успело добиться, особенно в искусстве брать города, как это мы видим при взятии Казани, когда подкопом под казанские стены руководил иностранный инженер, „розмысл“. Что касается фанатичности магOMETанского духовенства, то оно-то в последний момент, как увидим, и выставило Москве серьезное сопротивление, да и потом являлось возбудителем борьбы за возвращение Казани независимости от Москвы.

Правобережные инородцы, т. е. горной стороны Волги, — черемисы, чуваша и мордва, входившие в состав Казанского царства и раньше рука об руку с татарским ядром отстаивавшие этот улус от Русских, в последний момент политического бытия Казани пришли в сильное колебание. Они с необычайною нервною подчинялись силе. Чувствуя грядущий перевес Москвы, они изменяли Казани; когда же Казань встряхнулась и решила обороняться до конца, они изменили Москве, а потом снова изменили Казани. Повидимому это колебание зависело не столько от народных масс инородческого населения, сколько от его руководителей, местных князьков и старшин, охотно шедших на московские приманки, а затем в моменты неуспеха Москвы, под давлением большинства населения возвращавшихся под Казанское подданство, не столь обременительное для инородческой массы, как московское. События укладываются именно в эту схему. Лишь только в Казанской земле, почти у самых ворот столицы Казанского царства, возникла русская крепость с довольно сильным гарнизоном, как в нее стали являться данники хана с правой стороны Волги, горные черемисы, чуваша и мордва, и заявлять, что они желают быть данниками великого государя московского, прося, чтобы их он „пожаловал, обещал бы их в ясаке“. Московское правительство их задо-

брило, особенно после того, как „горные люди“ доказали, что государю „служат прямо“. Доказали же это они тем, что бились с Казанцами, убили из них 100 чел., 50 живыми взяли и под конец были обращены в бегство от Казани „огненным боем“. После этого приключения „горные люди“ целыми партиями повадился в Москву, прельстись щедрыми подарками великого государя и его обильными обедами. По переходе „горных“ иноземцев (черемис, чуваш и мордвы) в московское подданство начались перебежки на русскую сторону многих казанских мурз и беков. В Казани в это время правила Крымская партия, и на Казанском престоле сидел ее ставленник. Боясь быть выданным Московскому правительству, крымцы вместе со своим малолетним ханом Утемиш-Гиреем и его матерью царичей Сумбекой (Сююньбекой) побежали вверх по Каме, но, войдя в Ятэу, были настигнуты русским воеводой и почти все перебиты или потоплены; только 46 чел. из 300 были взяты, в плен и затем казнены в Москве. В этот момент подняла голову Московская партия. На престоле утвердился Шигалей—на выжельях для Казанцев условных: кроме того, что Московский государь удержал за собой нагорную сторону, он заставил Шигалея возвратит Московскому государству 60,000 русских пленных, томившихся в Казани. Шигалей отлично понимал, что если он удовлетворит требование Московского правительства, то этим самым восстановит против себя Казанцев—с другой стороны, если он не исполнит требование Москвы, то этим навлечет гнев Московского царя, вызовет новый русский поход на Казань и возможную его, Шигалея, выдачу Казанцами царю. Последнее было более чем вероятно, ибо, мы знаем, как был ненавистен казанцам этот московский подручный, обязанный быть верным царю под страхом ссылки. Таким образом Шигалей очутился между двух огней и, находясь в таком безвыходном положении, медлил исполнением обещанного им Мусиве. Видя это, боярин Хабаров и дьяк Выродков, находившиеся при Шигалее, донесли в Москву, и оттуда были присланы князь Дмитрий Палецкий и дьяк Клобуков с подарками и с требованием, чтобы условия посажения Шигалея на казанский престол были выполнены им немедленно. Когда таким образом Шигалей был приперт к стене, то он решил, что всего лучше для него держаться московской службы и заранее обезопасить себя со стороны тех лиц из казанской аристократии, которых он считал самыми заклятыми врагами. Как человеку, заботившемуся лишь о своих собственно интересах, Шигалею не было особого дела до интересов Казани, где сам он был только гостем. Такому человеку не трудно было, будучи на Казанском престоле, в то же время состоять на службе московского царя.

По отношению к своим врагам поступил он очень просто,—совсем по восточному: пригласил неблагонадежных елигаль-

ных татар к себе на пир и велел их перерезать, причем погубило 70 человек. После этой расправы Шигалей и князь Палецкий написали царю, что на пиру были истреблены заговорщики, злоумышлявшие на их жизнь. Тогда царь прислал в Казань близкого ему человека Алексея Адашева, которому было поручено передать царское желание „укрепить“ Казань „рускими людьми“, так как Казанцы, де, изолгались и он, хан, судя по предшествующим их деяниям, не может ждать от них для себя ничего хорошего. Шигалей прекрасно понимал свое положение; но он думал, что оно может улучшиться, если он выпросит обратно у московского государя казанскому царству „горную сторону“. „Прожить мне в Казани нельзя“, ответил Шигалей московским дипломатам, „сильно я раздосадовал казанцев: обещал я им у царя и великого князя горную сторону выпросить. Если меня государь пожалует, горную сторону даст, то мне в Казани жить можно и, пока я жив, до тех пор Казань государю крепка будет. Если же у меня горной стороны не будет, то мне бежать к государю“. Князь Палецкий и Адашев возразили ему на это: „если тебе к государю бежать, так укрепи город русскими людьми“. Тогда Шигалей высказался вполне определенно: „я басурман“, заявил он, „не хочу на свою веру стать и государю изменять не хочу, ехать мне некуда, кроме государя: дай мне, князь Дмитрий клятву, что великий князь меня не убьет и придаст в Касимову, что пригоже, так я здесь лихих людей еще изведу, пушки, пищали и порох перепорчу: государь приходи сам, да промышляй“. Московский служилый хан из Касимова в этих словах высказался весь. Хитрый и злобный, он был готов на все, лишь бы получить верную для себя выгоду. Чуждый всякого татарского патриотизма, он хорошо был понят казанцами. После устроенного кровавого пира, ненависть к нему казанцев дошла до того, что они решили предложить царю полное подданство, лишь бы он свел от них Шигалея, который по словам казанских посланцев к царю, „грабит“ казанцев, „дочерей и жен берет силою“. Алексей Адашев снова был отправлен в Казань уже с поручением свести хана, против чего и сам Шигалей ничего не имел. Несомненно, этот хан смотрел на свое ханство, как на службу „великому государю“, пославшему его в Казань промышлять о государственном деле и за это „покорчиться“. Прежде чем объявить казанцам, что он сведен с казанского престола, этот, получивший уже отставку хан, испортил несколько казанских пушек, а порох и пищали переслал в Свияжск. Совершив последнюю вассальную службу московскому царю, Шигалей отправился из Казани на озеро якобы для рыбной ловли, причем взял с собой мурз, князей, горожан и 500 человек московских стрельцов, составлявших его охранительную гвардию, но „пойман-ными“ оказались только 84 человека. Они были арестованы

Тогда же, как только все „охота“ выехала за город, и им Шигалей сказал следующее: „хотели вы меня убить и бияли делом на меня царю и великому князю, чтобы меня свел, что я над вами лихо делаю, и дал бы вам заместника: царь и великий князь велел мне из Казани выехать и я к нему еду, а вас с собой к нему веду, там управимся“. Эти немногие подробности московско-казанских отношений говорят нам о внутреннем разложении и Казанского царства, не избежавшего участи Золотой Орды, несмотря на большую сложность его государственного строения. Дни его были сочтены. Царство, в котором явились элементы, надеявшиеся на московскую „управу“, было уже не в состоянии сохранить свою политическую независимость при столкновении с молодым и крепким своим национальным сознанием московским государством. В „Сказании“ о Казанском царстве занесена легенда, говорящая о том, что неизбежность падения татарской Казани предчувствовалась ей патриотами. В одном из казанских улусов был каменный „градцац мал“, стоял он на высоком берегу Камы, и Русь называла его „Чертово городище“; этот город был когда то местом „мольбища“, молений „еще старых болгар“, и в нем много лет жил „бес дукав“, „мечты многия творяще человеком“, сюда сходилось много народа со всей Казанской земли на поклонение „бесу“ и с целью услышать его пророчество „через жрецов“. „Он же им“, говорит летописец, „все прорицание, иногда жалаше“. И вот казанская патрица Сунбека послала своего „пола Сейта“ в этот „градцац“ узнать „от беса того“, на чьей стороне будет победа, на казанской или на московской. Сейт и жрецы долго, 10 дней, молились и постились так, чтобы только не умереть с голоду, и в десятый день, в полдень, в мечети послышался голос „беса“ и гласил он о том, что помощи и надежды никакой от него ждать нельзя, что он сам отовсюду гоним Христовою силою, что Христос хочет со славою своею воцариться здесь и что Казанью будет обладать русский „самодержец“. Слышавшие это пророчество испугались; в тот же миг из мечети вышел черный дым и вместе с ним явился из воздух огненный змей и полетел на запад. „Он же“, заключает летописец, „видевше сие и разумеша, яко исчезе живот их“. Эта легенда, переданная в освещении православного русского летописца, прежде всего, разумеется, свидетельствует о том, как понимали борьбу с Казанью сами русские люди, думавшие о великих событиях своего времени, но также едва ли можно сомневаться, что татарское общество Казанского царства было не чуждо предчувствия близкой для него политической катастрофы; ибо, при внутренней неурядице и анархии, ничего другого и нельзя было ожидать. Легенда, надо думать, создавалась *post factum*, после падения Казани, но навевана она была настроением, существовавшим и до этого события — как среди русских, так и среди татар. Но при

всем тем чадавшая Казань еще поддерживалась и энергично поддерживалась магометанством, самую живую силою этого государства. Магометанское духовенство сумело вызвать благоговение к исламу даже в таком политическом индифферентисте, каким был Шигалей; если этот пришлец для Казани, портивший казанские пушки, ссылался на то, что он не может стать против своей веры, когда московское правительство потребовало от него сдачи города русским войскам, то ясно, как к этому должны были отнестись истые казанцы, даже после того, как они в минуту отчаяния согласились перейти в подданство „великого государя“.

Они, возбужденные к борьбе муллами, захлопнули ворота Казани пред самым носом московских воевод, шедших с войском принять подданство Москве столицу Казанского царства.

Лишь только казанцы решили обороняться и нашли себе хана в лице Ногайского принца Едигера-Магмета, как горные инородцы (Черемисы, Чуваши, Мордва) отложились от Москвы и опять соединились с Казанью; ибо, очевидно, они уже достаточно познакомились с управлением московских служилых людей. Словом, в конце концов, Московскому правительству пришлось двинуть на Казань 150,000 войска, с 150 пушками, и осаждать город в течение 7 недель, прежде чем он был взят решительным общим штурмом, после подкопа и взрывов, устроенных немецким „розыслом“.

В самом начале последнего казанского похода встретилось было серьезное препятствие к его продолжению. Крымский хан Девлет-Гирей напал на московские укрепы, рассчитывая, что найдет их беззащитными и свободно доберется до Москвы. Он предполагал, что русское войско уже далеко от Москвы на пути в Казань, и своим стремительным набегом хотел сорвать казанский поход. Но он ошибся в своих расчетах: русское войско было близко. Оно только-что выступило из Коломны. Пришлось, разумеется, немедленно вернуться назад в Коломну и принять меры к отбитию крымского нападения. Когда это было удачно исполнено, казанский поход продолжался. Московское войско было разделено на две части и двинуто на Казань двумя дорогами: одна часть с царем Иваном направилась во Владимир и Муром, а другая, долженствовавшая прикрывать эту часть от возможных нападений с юга, направилась чрез Рязань на Мещеру, при чем за Алатырем обе части должны были соединиться и уже общей массой идти к Свияжску. Тем временем Окой и Волгой сюда же, в Свияжск, на судах должны были быть доставлены „наряд“ (артиллерия) и разного рода припасы.

Слухи о столь значительном военном предприятии Москвы, конечно, дошли до изменивших ей горных инородцев, опять потянувших к Казанскому царству, и они уже готовы были снова изменить этому последнему; тем более, что еще до приближения к Свиязску московского войска свияжские воеводы все делали со своей стороны, чтобы возвратить „горных людей“, чуваш, черемис и мордву, в московское подданство. Свияжские отряды расселились по всему инородческому краю правого берега Волги и карательными способами укрепляли пошатнувшийся было здесь авторитет московского царя. Когда же царское войско достигло р. Суры, где соединились левая и правая его колонны, то к Ивану Васильевичу прибыли посланцы от раньше поднявшихся против него „горных людей“, теперь усмирённых карательными свияжскими отрядами и явившихся с повинной к московскому царю, который шел в их землю со столь большими силами. Просьба о помиловании за восстание против московской власти была принесена царю другими представителями „горных людей“ и позднее, когда царское войско подошло еще ближе к Свиязску. Как первые, так и вторые представители народов нагорного берега Волги были приняты Иваном Васильевичем милостиво, прощение им было дано, но приводимые к новой присяге они обязывались помогать царю действовать вооруженной рукой против Казани сообща с московскими войсками. Действительно, в том отряде, который вышел из Свиязска навстречу царю и шедшей с ним многочисленной рати, находились, сверх татарских перебежчиков из Казани—князей и мурз,—и инородцы—черемисы, чуваш и мордва, из коих было составлено целое ополчение. Если мы примем во внимание, что еще раньше, на берегах р. Алатыря к московскому войску присоединился отряд татарского князя Еникея, состоявший из татар и мордвы, то будет ясно, что из среды самого населения казанского царства вышла поддержка решительному предприятю против него со стороны Московского Государства. Не говорим уже о том, что бывший казанский хан Шигалей находился в русском войске и участвовал в царском военном совете и в самых военных действиях под Казанью; при подходе к ней именно ему, бывшему казанскому хану, было приказано плыть на судах и занять „Гостинный остров“ на Волге, против Казани. Но помимо тех инородцев, которые активно помогали московскому правительству в его военных операциях, имевших целью покорение столь непокорного татарского улуса, все население „горной стороны“ пассивно содействовало успеху похода. Оно не только не препятствовало движению русских ратей, но уstraшенное громадною двинутых московским царем сил кормило эти многочисленные рати, доставляя им хлеб и другие съестные припасы, когда они двигались по мордовским, чу-

вашским и черемисским землям. Доставляемое было питательной, но непривычной русским людям пищей, особенно людям высших степеней, начальствующим; это пища сильно надоела им во время продолжительного похода, равно как и та дичина, которою приходилось питаться русскому войску в дремучих лесах на пути в Казани, изобильвавших лосями и другою дичью... И по свидетельству кн. Курбского, участники похода были радешеньки, когда наконец добрались до Свияжска, где стало возможно с „черемисского хлеба“ перейти на привычную русскую пищу.

Свияжск был приготовлен для приема такого огромного войска. Здесь оно нашло всего в изобилии. Множество всяких запасов оказалось уже привезенными сюда из дому на судах Окой и Волгой. Торговля в Свияжске прямо закипела, ибо, по свидетельству Курбского, там было в то время „купцов бесчисленное множество с различными живностями и со многими товарами, идеже бяше всего же достаток чего бы душа восхотела,—точно нечистоты тамо купить не обрящешь“. Поэтому не удивительно, что радостно расположилось войско в Свияжске на отдых после „того долгого и зело нужного пути“. „Мы пришли туда“, вспоминал потом Курбский, „яко в свой дом“. Отсюда ясно, что если русское войско на пути к Казани и не испытывало особенных бедствий и не страдало от голода, то все-таки этот путь к Казани был очень тяжел для войска, ибо шел дремучими лесами, где часто приходилось бросать меч и брать топор для прохода чрез лесную чащу и для устройства мостов и гатей для переправы чрез реки, речки и лесные топи. Московское правительственное предусматривало все эти трудности, поэтому многое сделало, чтобы после такого пути приготовить в Свияжске все необходимое войску для отдыха и подкрепления. Действительно, в течение нескольких дней московское войско оставалось в этом хорошо снабженном и укрепленном городе, который таким образом и явился прекрасной военной базой для дальнейшего наступления и военных операций под самой Казанью. Если бы Свияжск не был в столь короткое время создан и так хорошо оборудован, то, вероятно, и этот новый натиск Москвы на Казань постигла бы судьба предъидущих.

Военные действия под Казанью, штурм и взятие ее так часто описывались, что в настоящем изложении можно ограничиться лишь некоторыми, наиболее важными и характерными чертами этой казанской эпопеи. Прежде всего отметим, что оборона Казани была организована по-прежнему—действовать из города всеми возможными средствами против обложения и штурмов и одновременно с этими действиями делать налет с тыла из прилежавших к Казани лесов. Защитников Казанского улуса было достаточно. О количестве их сообщил опять таки казанский перебежчик мурза Камай; по его показанию, в Ка-

зани засело 33.000 хорошо вооруженных воинов (казанских 30000 чел. и 3000 чел. ногайских), да в окрестных лесах, в Арской засеке, ждал сигнала к нанесению русским удара в спину сильный конный отряд под предводительством князя Япанчи; сверх того, все жители, старые и малые, руководимые муллами, вооружились и готовы были биться за свой город и лечь востями за него, а такое настроение обыкновенно удешевляет силы обороняющихся. Следовательно, нападающим, не смотря на их большую численность, предстояло очень трудное дело. Это было ясно уже по ответу, который был дан ханом Едигером на предложение царя Ивана подчиниться ему. Предложение было сделано, как чрез бывшего казанского хана Шигалея, которому Иван Васильевич приказал в этом смысле написать письмо Едигеру, так и прямо в грамотах от московского государя, адресованных главному мулле и всему казанскому населению. Ответ был исполнен энергии и страстного патриотизма: Едигер вызывал наступавшего врага на решительный, смертный бой. Это было в тот момент, когда русское войско, переправившись в течении нескольких дней (начиная с 16-го августа) чрез Волгу, находилось уже около устья р. Казанки (21 и 22 августа). С утра 23 августа началось правильное обложение многочисленными силами Русских Казани. В городе было тихо: никакого движения не доносилось оттуда, точно он вымер. Но тишина была зловещая, и она поразила современника—участника этой борьбы. Защитники притаились, чтобы неожиданно нанести удар. И действительно, внезапно сделанная казанцами вылазка сначала было расстроила ряды одного из русских отрядов, но когда к нему подошла подмога, вылазка была с большими потерями для татар обита, и обложение города закончилось благополучно в тот же день, к вечеру. Началась семинедельная тяжелая осада Казани с постоянными боями под ее стенами и с князем Япанчей в тылу. Борьба на два фронта тем более была трудна для русских, что против них поднялась луговая Черемиса, подкреплявшая натиски татарского князя. Не мало бед русским причинял и самый казанский климат с его внезапными сильными ветрами и длительными ливнями льющими дождями, с его омрачающим душу осенним ненастьем; ибо и на этот раз в войске начались болезни, увеличивавшие упадок его духа от всех трудностей осады. Но наибольший вред русским наносили нападения тыловые, как татар, так и луговых черемис, из лесов, по сигналу, подававшемуся с казанской башни. И потому лишь с того момента, когда русскими нововодами разбит был Япанча, и татарские, а также и черемисские отряды были отогнаны далеко от Казани, дела осады пошли успешнее, ибо русским стало возможно сосредоточить все свое внимание на казанском гарнизоне и на подготовке общего штурма казанских укреплений. Кроме технической

подготовки, производилась подготовка и моральная—всякими подходящими способами царь Иван и его советники поднимали дух русского войска. Еще прежде, чем разместить войско на позиции вокруг Казани, царь Иван, как свидетельствует летопись, обратился к нему с речью; он будто бы сказал: „пришло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестие за святые церкви, за православную веру христианскую, за единородную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен, страдающих от безбожных казанцев; вспомним слово Христово, что нет ничего больше, как полагать души за други свои... Я с вами сам пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных Казанцев“.

Если даже и не говорил царь Иван этой речи, то все же ясно, что такое именно освещение делалось в Москве ее казанскому предприятую, что на него смотрели как на борьбу христианства с магометанством, как на крестовый поход.

Затем, по сообщению Курбского, на „вятских, zelo скоро плавающих, кораблецах“, было привезено под Казань „древо спасенное“, дабы, очевидно, тоже воодушевить христоролюбивое воинство верой и надеждой, что „древо“ устранил все чары и волхования казанских колдуний, выходивших, по свидетельству того же очевидца, на городские стены и своими срамными кривляниями вызывавших бури и невастье.

Самая обстановка царской ставки подчеркивала религиозное значение борьбы с Казанью. В ставке Ивана Васильевича, расположенной недалеко от нынешней Сенной площади по направлению к Бакалде, кроме шатров для царя, его двоюродного брата Владимира Андреевича и ближних бояр, были сооружены 3 церкви. Известно, что молодой царь очень усердно молился в одной из них и в те драматические минуты, когда от подземных взрывов начали взлетать на воздух вместе с людьми казанские стены, а русские войска, приготовленные к бою и только ждавшие действия подкопов, стремительно бросились на приступ. Царя не раз приглашали выехать к войску, получившему приказ не щадить ни одного защитника Казани, следовательно двинутому на смертный бой; но он медлил, находя более полезным оставаться в церкви, и отсюда и из своей ставки, охранявшейся сильным резервом царской дружины и многими пушками, двинулся лишь тогда, когда русское знамя уже развевалось на стенах Казани. Но и тут, когда Иван Васильевич был уже под ее стенами, случилось нечто, на миг совсем испортившее его настроение... Надо заметить, что не один царь Иван не торопился к городским стенам. „Много пошло нас к штурму“, рассказывал впоследствии участник его кн. Курбский, „а мало под стены градныя приидоша“; некоторые возвращались на-

вад, многие падали и притворялись убитыми и ранеными. Но, при первом известии о занятии штурмующими колонами города эти павшие вскакивали, мертвые „воскресали“ и спешили в город для грабежа, к которому немедленно приступила и значительная часть войска, ворвавшегося в Казань. Русским хорошо было известно, что это—очень богатый город, что в нем было „полно дрожайших корыстей, золота и серебра, и камня драгоценного и соборей и других великих богатств“. Город отдавался на разграбление войску, но слишком рано многие приступили к этой операции, служившей для них, вероятно, главным побуждением к захвату города. Иные ратники не раз уносили из города награбленное и опять возвращались туда за новой добычей. Торопливые мародеры, как известно, ослабили наступавшие колонны и дали возможность оправиться защитникам Казани, начавшим теснить русских. Мародеры, как и подобало им, первые пустились на утек и в панике, не попадая ни в ворота, ни в пролом, прямо прыгали со стен с криком: „секут, секут!“ Паника охватывала ряды войска, они совсем было поколебались. Молодой царь, увидав это замешательство, смутился и изменился в лице, видимо, сразу поддав под влияние распространявшего панического страха, но это был только один миг; ибо Иван Васильевич был не один: при нем находились „состарившиеся в искусствах ратных“ „синклиты“; они взяли царского коня за „бразды“ и „хотяща и не хотяща“ поставили около царской же хоругви. Введенный после этого в бой резерв из царской дружины довершил победу, сопровождавшуюся страшной резней мужского вооруженного населения.*

Кн. Курбский, один из героев казанской осады и штурма, а также кровавой сечи под Казанью, после взятия города, с оставшейся трехтысячной толпой казанских бойцов, — высказывает в своих записках о царствовании Ивана Грозного твердое убеждение, что взятие Казани было для Москвы государственною необходимостью, ибо оно было, во-первых, местию за „безчисленное и многолетнее разливание крови христианския“, а во-вторых, избавлением „оставшихся тамо живых“ „от многолетия работы“, избавлением русских полонников от татарского рабства **).

На русский народ покорение Казани***) произвело глуп-

*) Подробности см. в соч. Трофимова: „Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 году“, 1890 г.

***) Сказание кн. Курбского, 34 и 35.

****) В истории города Казани К. Фукса помещен список ханов, царствовавших в Казани, правописание имен которых частью несколько отличается от правописания упоминаемых в нашем тексте.

Махмуд Хан 1446 г.
 Мамтик Хан 1446 г.
 Халил хан —

боевое впечатление и ярко отразилось в его эпическом сознании. Запомнилась народом самая трудность решительного предприятия против казанского царства, значение которого народ тоже хорошо понимал, запомнилась и продолжительность подготовки к этому предприятию, и та помощь, которую царь Иван получил от новой военной техники, много (благодаря иноземному „розыслу“) содействовавшей успеху дела. И народ долго хотел слушать, „кто бы сказал“ ему „про парев поход, про Грозного царя Ивана Васильевича“:

Как он, Грозный царь Иван Васильевич
Скоплял силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще 3 года:
Скоплекши свою силушку, воевать пошел,
Он под славное царство Казанское

Как он, Грозный царь, под Казань подступил,
Под речку под Казаночку подкоп подводил
Под другую сторону под Булат реку
и т. д.

Взятие Казани дорого обошлось русскому народу: не даром осталась память о том, что Казань город „на костях стоит“. В своих песнях русский народ влагает это воспоминание в уста русской женщины, испытывавшей много горя в во времена татарской Казани, и в знаменательный момент борьбы под ее стенами:

„Молодец девицу подговаривал:
Поедем, девица, во Казань город:
Казань город на красе стоит,
На красе стоит, на крутой горе,
Казаночка речка медова течет,
Мелки ключики—зелено вино.
По лугам лугам трава шелкова,
По горам—горам цветы алые,
Цветы алые, все лазоревые.

Ибрагим Хан	1467—78 г.г.
Али Хан	1478—87 г.г.
Махмедамин Хан	1487—1496 г.г.
Мамук Хан	1496 г.
Абдуллатыф Хан	1497—1502 г.г.
Махмедамин Хан	1502—1518 г.г.
Шейхали (Шигалей) Хан	1519—1521 г.г.
Сахибгирей Хан	1521—1524 г.г.
Сафагирей Хан	1525—1530 г.г.
Джанали Хан	1531—1535 г.г.
Сафагирей Хан	1535—1546 г.г.
Шейхали Хан	1551—1552 г.г.
Ядигер Хан	1552 г.

Не обманывай, добрый молодец:
 Я сама давно про то ведаю,
 Что Казань город на костях стоит,
 Казаночка—речка кровова течет,
 Мелки ключики—горючи слезы,
 По дугам—дугам все волосы,
 По крутым горам все головы,
 Молодецкия, все стрелецкия.

Трудно было московскому правительству завоевать Среднее Поволжье... Когда же это было сделано, остался небольшой шаг для захвата всей реки. Покорение астраханского царства является естественным и скорым следствием завоевания Казанского края. Астраханское царство могло существовать только при существовании Казанского, которое служило военным прикрытием для Астрахани. Дело в том, что если в Казани возникла внутренняя борьба, поведшая к разложению и падению царства, то в Астрахани с самого начала существования этого низового татарского государства происходила постоянная распря, осложнившаяся еще соседством ногайских орд, на кои распалась орда мурзы Ногая. Среди них кипела борьба, в основе которой обыкновенно лежали материальные интересы. Ногайцы, как и все остальные татары, были торговым народом; но разные ногайские орды торговали на разных путях и потому неизбежно тянули к разным внешним союзникам и друзьям. В числе последних оказался у некоторых ногайских орд и московский царь, всюду высматривавший добычу и ради нее вмешивавшийся во внутренние распри бывших господ Руси. Этот союзник и друг настойчиво склонил к полной зависимости от себя, даже к подданству; но тем ордам, которые торговали не с Москвой, а в другом направлении, наприм., с Бухарой, связь с Московским государем была в экономическом отношении не нужна, а в политическом, как ведшая в конечном счете к потере самостоятельности, была погубна, не уравнивавшая материальными выгодами; почему эти орды невольно вставали во враждебное отношение к ордам, дружившим с Москвой, которая, в качестве союзной стороны, и спешила на помощь своим друзьям среди Ногаев. Главные руководители борющихся между собой Ногайских орд сами хорошо понимали разницу своих интересов, побуждавших их держаться разных союзов. Так один Ногайский князь Измаил в пояснение своего союзничества с московским царем высказал другому ногайскому князю, своему брату кн. Юсуфу, следующее: „Твои люди ходит торговать в Бухару, а мои ходят к Москве, и только мне завоеваться с Москвой, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить.“

Между этими Ногайскими князьями, родными братьями, происходила лютая борьба, которая и оказалась рбковой для Астраханского царства.

Князь Измаил, стоя во главе союзных с ним ногайских мурз, начал с того, что бил челом московскому царю на Астраханского хана Ямгурчей, предлагая его, с русской помощью, сместить и посадить в Астрахани иного хана—Дербыша Алей, который, как когда-то и другой, нам известный Алей (Шиг), тоже астраханский выходец, числился у Москвы на запасе и проживал в Звенигороде. Помощь Москвой была дана, Ямгурчей со своими сторонниками бежал из Астрахани, и здесь был посажен Дербыш, для которого московские воеводы должны были в опустевший город сгонять население. Хан Дербыш со своей стороны обязался платить ежегодно московскому царю 40,000 алтын и 3000 рыб, а царским рыболовам дал право ловить рыбу от Казани до Астрахани без платежа каких-либо пошлин. Сверх всего этого, русскими воеводами было выговорено, что по смерти Дербыша астраханцы должны получить себе хана из руки московского государя. Все эти условия, скрепленные шертной грамотой, ставили Астраханское царство в вассальное положение по отношению к Москве, и Ногайский князь Измаил в этом деле, результатами которого было и освобождение русских пленных из астраханского плена, сыграл в высшей степени видную роль. Его собственные руки были развязаны, и он направил их на своего ближайшего врага—родного брата. В 1555 году в Москве было получено известие, что князь Измаил убил брата своего Юсуфа и, опираясь на русскую помощь, достиг власти.

Гордый и своей услугой Москве, и своей победой, кн. Измаил счел себя не сыном, а отцом „великого государя“. Тому это не понравилось, и он, поспешил выяснить занесшемуся слишком высоко своему подручнику его настоящее положение. „Мы для тебя велели“, написал царь Иван Васильевич князю Измаилу, „свое астраханское дело делать наврепку. И если астраханское дело сделается и понадобится тебе самому или жене и детям твоим жить в Астрахани, то мы велели держать вас здесь с немногими людьми, как можно вас прокормить, и беречь вас велели от ваших недругов. А если Астраханское дело не сделается, то вам и в Казань приезд и отъезд вольный с немногими людьми 50-тью или 60-тью, как бы можно было их в Казани прокормить“. „Астраханское дело“, нужное и для князя Измаила, и для московского царя, это—фактическое подчинение Астрахани Москве с подручным ей ханом, и с его сторонниками, поставленными под надзор московского военного отряда, который, оберегая их от недругов, должен был охранять Астрахань и от этих „доброхотов“; а дабы главный из них был менее опасен—не для своих „недругов“, разумеется, а для Москвы—он обязан был иметь при себе лишь

„немногих людей“. В случае же неудачи столь обычной для Московского правительства комбинации и здесь должно было повториться то, что практиковалось в Казани—отъезд московского „доброхота“ из Астраханского царства в пределы московского государя—теперь уже в завоеванный им татарский улус—Казань и опять-таки лишь с „немногими людьми“—конечно, не только для более легкого их прокорма, но и ради меньшей опасности для Москвы от всей этой авантюры.... Так определяя положение ногайского „доброхота“ по отношению к своему политическому авторитету, царь Иван естественно не мог признать правильной претензию кн. Измаила называться отцом его, великого государя; наоборот, эти слова грамоты Измаила царь Иван счел „невежливыми“ и прогневался на него, „потому что“, писал он, „тебе наше государство и прежняя дела ведомы, как прежние князья ногайские и мурзы к отцу нашему писали...“ Царь запрещал „впредь“ писать „бездельныя слова“ и в заключение перелагал гнев на милость только потому, что на него, кн. Измаила, „от недругов“ „многие кучины пришли“, и он, царь, за „прежнюю дружбу“ Измаила решил ему „помогать“. После такого внушения Измаил более уже не называл царя Ивана своим отцом, а писал так „всего христианства белому царю много, много поклон“. И просил, просил без конца. „Пришли мне“, кланялся он у московского самодержца, „трех птиц—сокола, кречета и истреба,—и олова много, да красок много, да бумаги много, да 500,000 гвоздей“. Словом, за „много поклон“—всего „много“. Убийца родного брата и победитель племянников, это был московский маклер по ликвидации независимости Астраханского царства. Московская военная помощь, к которой он постоянно обращался, потребовалась и против его ставленника на астраханском престоле хана Дербыша. Тот изменил московской стороне, а, следовательно, и кн. Измаилу. Дело в том, что положение Дербыша в Астрахани было шатко; его соперник хан Ямгурчей не думал отказываться от своих прав, а кн. Измаил, занятый борьбой с племянниками, не имел возможности укрепить Дербыша на астраханском престоле, и вот, Дербыш, желая поскорее освободиться от претендента—хана Ямгурчей, вошел в соглашение с противниками Москвы, с сыновьями Юсуфа, которым помогали крымцы и янычары,—и Ямгурчей со своими родственниками и сторонниками погиб. За эту услугу хан Дербыш помог сыновьям Юсуфа против Измаила, одно время изгнанного ими из его владений, но потом опять оправившегося, изгнавшего племянников и сделавшегося снова первым властителем среди ногайских мурз и князей. Разумеется, хан Дербыш не мог ожидать для себя ничего хорошего от такого оборота дела. Он уже покидал Астрахань вместе с жителями ее, испугавшись царских воевод, назвавших город пустым, и вернулся сюда со своими подданными лишь

после успокоительных увещаний и обещаний от имени великого государя; дальше же обстоятельства складывались для него еще хуже. Кн. Измаил, негодуя на Дербыша, сообщил в Москву об его измене, при этом указывал на то, как много зла причинил Дербыш им, Ногаям, и, прося великого государя „оборонять“ их от изменника, предлагал Астрахань, подобно Казани, в подданство Москве. В этот-то момент, Измаил, упоенный новым успехом, и осмелился назвать себя отцом царя Ивана. После того, как выяснилось, к'чему клонит московский государь и его честный маклер из ногайских князей, Дербыш более уже не колебался, а немедленно соединил с противниками Москвы, с сыновьями Юсуфа и крымцами. Сначала Дербыш имел некоторый успех—Московского посла Мансурова прогнал из Астрахани, побил тех ногайских князей, „которые служили прямо царю и великому князю“; но потом под натиском стелецких и казацких отрядов бежал из Астрахани со всеми своими людьми, оставив, как и раньше, город пустым. В астраханских степях он еще некоторое время бился с русскими отрядами, даже начавшими отходить к Волге, но затем завел переговоры с московским воеводой Черемисиновым; уверяя, что изменял неволею, он поклялся, что будет служить московскому государю. Это все оказалось фальшивым. Дербыш снова изменил. Влияние крымцев и сыновей Юсуфа превозмогло. Но тут среди Ногаев началась новая борьба.

Резня в степи велась долгая и всеобщая. Особенно энергично боролись друг с другом два рода: дети Юсуфа и дети другого мурзы Шиг-Мамай. Наконец, резня наскучила даже таким ее любителям, каковыми были Ногаи, и дети Юсуфа закончили тем, что помирились с убийцею их отца Измаилом и отдались под власть Московского государя.

Так „сделалось астраханское дело“. Оно именно само „сделалось“, а не было сделано, вполне зависит от хода и исхода степной борьбы Ногайских орд. Борьба эта в конце обезсилила Ногаев: Астрахань некому стало „оборонять“, и ей пришел естественный конец, конец ее политическому существованию. Покорение Москвой Астраханского царства стоило много крови, но в отличие от покорения Казанского—не русской, а татарской.

Эти два события—покорение Казани и Астрахани были великими событиями в истории Восточной Европы XVI века. Это и тогда поняли и прочувствовали очень хорошо. Доказательство на лицо: народные песни-былины, вспоминающие об этих событиях. Олеарий, посетивший Московскую в царствование Михаила Феодоровича, слышал сохранявшееся еще тогда воспоминание о том, что царь Иван Васильевич, бывало, развеселившись на пиру, сам пел песни о завоевании Казани и Астрахани *). Исно, что завоеватель был горд завоеванием и

*) Описание путешествия в Московскую и чрез Московскую в Персию. Изд. Суворина, 1905 г., стр. 378.

прекрасно сознавал— крупное значение этого факта для Московского государства,— прежде всего для его экономического роста. С завоеванием Казани и Астрахани весь великий водный путь, наконец сделался русским путем, а это обстоятельство и послужило сильным толчком в дальнейшему развитию русского торгового капитала, в интересах которого в значительной мере велась и борьба за Волгу. По завоевании ее Москвой русское торговое движение по этой дороге усиливается. Мы знаем уже, что торговое движение на этой главной водной артерии нашей родины происходило со стародавней поры еще с тех времен, когда о татарах в Европе не было ни слуху, ни духу, когда в Поволжье господствовали иные народы— Хозары и Волжско-Камские Болгары. Далее нам известно, что предприимчивые люди Северо-Восточной Руси, ядро которой сгруппировалось в Верхнем Поволжье, настойчиво стремились „вниз по матушке по Волге“, желая проникнуть даже в закаспийские страны и не боясь ни дальности пути, ни опасностей, которые их на нем ожидали. Отсюда ясно, что старинная русская торговля, не оставлявшая средней и нижней Волги в самые тяжелые времена монгольского владычества, естественно должна была оживиться с момента завоевания Москвой Казани и Астрахани. Но для того, чтобы извлечь наибольшую выгоду из транзитной торговли, изстарившейся по волжскому пути, Москве было необходимо к юго-восточному выходу с Волги— из ее устья приобрести и северо-западный— из озерного края, близкого к верховьям этой реки; словом, необходимо было приобрести свободный выход в государства западной Европы в добавление к приобретенному выходу в Персию и другие азиатские государства. Те товары, которые мы могли получать из Азии, главным образом шелк, шелковые и бумажные ткани, пряности и другие „восточные“ товары были бы очень полезны для русской торговли лишь в том случае, если бы самостоятельно сбывались русскими купцами в другую сторону— на Запад, откуда взамен Русь могла бы получать более необходимые для нее, чем азиатские товары, произведения европейской промышленности; при таком положении русских купцов, они могли бы тоже самостоятельно отпускать западно-европейские товары на азиатский юго-восток. Таким образом торговля с Персией и другими азиатскими странами принесла бы московскому государству неисчислимы выгоды, если бы у русских была возможность увеличить торговый оборот, расширить рынок, сделаться самостоятельными торговыми посредниками между Востоком и Западом. Сверх того, московскому государству и его правящим классам в то время уже потребовались всякого рода техники— пушкеры, инженеры, архитекторы, а также разные предметы военного дела— снаряды, вооружение и вообще все то из сферы европейской промышленности, в чем нуждалась политически ок-

репшее, но мало культурное государство. И мы уже знаем, как к этим назревшим в Москве потребностям отнеслись ближайшие ее соседи. Во всех этих соображениях и реальных потребностях и заключается причина, почему царь Иван Грозный решился во что бы то ни стало, несмотря на противодействие со стороны своих советников, приобрести балтийское побережье. Завоевание среднего и нижнего Поволжья явилось одним из толчков к этому трудному предприятию. Так история Поволжья связывается с обще-русской политической историей. В данном случае мы имеем в виду подчеркнуть только следующее: в своих войнах за Ливонию царь Иван хотел лишь вернуть московскому государству древне-русский торговый путь в западную сторону, который должен был бы явиться как бы дополнением к новому завоеванному торговому пути на юго-восток. Но это были мечты разгоряченного воображения, разлетевшиеся как дым, от соприкосновения с действительностью—политической и социально-экономической. К тому же к спокойному обладанию завоеванным юго-восточным торговым путем для победителей встречались серьезные препятствия прежде всего со стороны побежденных.

После покорения Поволжья московскому правительству предстояло не малое усилие удерживать привольный край за Россией. Это сделать было не так легко, на что сразу указывает упорный мятеж инородческого населения Казанского царства в течение первых пяти лет по его покорении. Достойно внимания то обстоятельство, что нам неизвестны мятежи этого населения в эпоху Казанского владычества: надо думать, что власть Казанского правительства была не так тяжела для этого населения, как власть московского. Познакомившись поближе с „высокой рукой“ Московского государя—с тем, как она давала себя чувствовать населению при помощи рурь московских правительственных агентов, ни Казань, ни даже Астрахань не желали оставаться в подданстве Москвы и мечтали от нее освободиться при помощи Крыма и Турции. Как вела себя московская администрация по отношению к покоренному Казанскому царству не трудно догадаться: она прежде всего думала о кормлении и старалась кормиться от населения, входившего в его состав, возможно сытнее. Не даром, когда царь Иван Васильевич повелел боярам сидеть о казанском строении, они начали сидеть о кормлениях. За Казанское строение поотложили. Удивительно ли, что там получилось большое настроение и постоянное волнение, нередко переходившее в открытые и упорные мятежи. Сверх того, Москва, слишком проникнутая клерикализмом, поспешила, якобы в интересах православной церкви, оскорбить мусульманское население в его верованиях: разрушение магометанских

храмов *), поощрение льготами к переходу в христианство из ислама—это такие „меры“, которые не могли не возбудить магометрского общественного мнения, не могли не вызвать опасения в том смысле, что московское правительство вознамерилось покончить с исламом. Вскоре после казанской победы были крещены—последний хан Крымской династии в Казани Утемиш-Гирей и последний „Казанский царь“ из Ногайской орды, астраханский царевич Едигер-Магмет. „Сподобились“ ханы, сподобились и многие другие. К сообщению о крещении ханов казанский летописец добавляет свидетельство и вообще о крещении „неверных“: „Тогда же, и прежде сего и после, многие от неверных крестившася, мужие и жены, от казанских и астраханских людей и от черемисы“. Правверных мусульман, конечно, не могла не раздражать политика, которая приводила к таким результатам. Отсюда, само собой понятно, почему магометанское духовенство, пользовавшееся громадным влиянием в Казани и в других мусульманских центрах, встало во главе протеста русскому владычеству в Поволжье. Мусульманское духовенство и в отношении пропаганды для продолжения борьбы за независимость среднего и нижнего Поволжья от Москвы сделало свое дело, оно искусно местный вопрос бывших татарских поволжских царств превратило в вопрос всего мусульманства. Это движение шло несомненно главным образом из Казани, как из важнейшего мусульманского пункта Поволжского края. По сообщению московского служилого человека Нагого, „пришли к хану (Крымскому) из Казани двое знатных людей и вся луговая Черемиса (т.е. представители всего черемиского населения луговой стороны Волги), просили прислать к ним сына с воинскими людьми, и как к ним царевич придет, то они от Московского государя отступят и будут промышлять над Казанским острогом; а по всем селам московские служилые люди будут их; и в сборе у них луговой черемисы 60,000“. Ногайские князья готовы были поддержать замыслившееся в Казани предприятие, и их послы говорили Крымскому хану: „Пока мы были наги и безконны, до тех пор мы дружны царю и великому князю: а теперь мы конны и одеты; так если ты царевичей в Казань с войском опустишь, то дай нам знать: мы сыну твоему готовы на помощь“.

С подобными же заявлениями и просьбами из Казани и Астрахани обращались и к турецкому султану. В результате этой мусульманской дипломатии вышло то, что в 1569 году турецко-татарское войско—около 70,000 человек—двинулось под Астрахань. Хотя это предприятие не имело успеха, благо-

* К. Фуко в своей „Истории г. Казани“ сообщает: „По приказанию царя Ивана Васильевича все татарские мечети были сломаны“. История Казани, изд. 5-е. Казань, 1914 г. стр. 16. Действительно, такой приказ был отдан: „все мечети посметать и в конец их извести“.

даря тому, что Крымский хан испугался возможности усилить через победу над Москвой Турцию и потому не помог турецкому султану, однако в Крыму не отказались от мысли отвоевать у Московского государя Казань и Астрахань; но, видимо, желали самостоятельно, безраздельно воспользоваться плодами победы над Москвой. Нашествие Девлет-Гирей на Московское государство, сожжение и страшное опустошение этим крымским ханом Москвы и других городов объяснялось им, как борьба за Казань и Астрахань.... „Жгу и пустошу все“, писал он царю Ивану IV-му, „из-за Казани и Астрахани и всего света богатства применяю к праху, надеясь на величество Божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что, де я московский государь. Были бы в тебе стыд и дородство, так бы ты пришел и против нас стал. Захочешь с нами душевною мыслью в дружбе быть; так отдай нам юрты Астрахань и Казань; а хочешь казною и деньгами все-светное богатство нам давать—не надобно. Желание наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и спознал“. Иван Васильевич готов был, кроме дорогих подарков, отдать крымскому хану Астрахань; но в 1572 году военное счастье отвернулось от последнего, и московский царь уже не думал не только об отдаче Астрахани, но и о хороших подарках: „добрых поминков тебе не шлю“, писал он крымскому хану, „послал легкие, ты писал, что тебе не надобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно“. Тем не менее ни Крым, ни Турция долго не отказывались от своих притязаний на Казань и Астрахань, значит на господство в Поволжье мусульманских правительств.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Русский период.

1. Мятежи инородического населения в бывшем Казанском царстве и их причины.

Несомненно указанною выше возможностью поддержки извне, со стороны своих сильных тогда единоверцев, в значительной степени можно объяснить ту необыкновенную настойчивость, с которою в бывшем казанском царстве поднимались мятежи против московского владычества. Мятеж пятидесятых годов (1553—1558) потребовал больших усилий со стороны московского правительства и был подавлен им жесточайшими репрессиями, но это не помешало населению бывшего казанского царства^{*)}, особенно луговым Черемисам, волноваться и в последующие десятилетия 16-го века. Движение в Поволожье, в надежде на помощь Турок и Крымцев, происходило в конце 60-х годов и в начале 70-х годов этого века. Из Нижегородской летописи мы узнаем, что в 1574 году „подходили к Нижнему-Новгороду казанские татары и убили под городом 36 человек нижегородских дворян, а кого и в плен взяли“. В начале 80-х годов возникло новое возмущение черемисского населения в союзе с ногайцами и крымцами, руководимое, конечно, казанскими мусульманами. В сообщении русского летописца слышится сильное раздражение на такую живучесть резко—оппозиционного, бунтовского настроения в неверном населении бывшего казанского царства: „Тридцать один год прошел“, говорит он, „от покорения Казани, и окаянные бусурмане не захотели жить под государевой рукой, воздвигли рать, плевили много городов. Цар, видя их суровость, послал бояр и воевод с приказом пленить их. Но поганые, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивая людей то на станах, то на походах, бояре и воеводы не могли усмирить их“. Если во главе этой „бусурманской“, по терминологии

^{*)} В состав царства, кроме татар, входило 5 народов: Мордва, Чуаша, Черемисы, Вотьки и Балкиры.

летописца, оппозиции и открытого восстания стояло мусульманское духовенство, — мурзы и князьки, аристократические фамилии края, как татарские, так и инородческие, надо полагать, тоже бывшие мусульманскими или по крайней мере, тяготевшие к мусульманству и поддерживавшие это движение крымцами и ногаями*), астраханцами, то встает оно не было движением лишь мусульманского населения, а общенородческим движением в среднем и нижнем Поволжье. Ведь в мятежах принимали участие Вотяки, Чуваши, Мордва, Горные и Луговые Черемисы, в особенности последние — наиболее упорная в мятежных действиях часть инородцев среднего Поволжья тех времен**).

Однажды Луговые Черемисы пригласили даже Ногайского царевича, дабы потом, отбившись от Москвы, поставить его казанским ханом, но горные инородцы, в числе коих в данном случае разумеются, вероятно, не только Черемисы, но и Чуваши, разрушили этот план: заманив главного заводчика восстания Мамича-Бердея на пир, они арестовали его и выдали Москве; при чем было перебито до 200 его оподвижников из Луговых; в Москве же для спасения своей жизни Мамич-Бердей показал, что он уже убил приглашенного им царя для Казани, и что, когда голова казненного была воткнута на кол, то черемиская толпа, — правда, несколько запоздало, — ей внушала: „Мы было взяли тебя на царство для того, чтобы ты с своим двором оборонял нас; а вместо того ты и твои люди помощи нам не дали никакой, а только волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле“.

*) Иногда за хорошие подарки Ногаи высказывали готовность служить и московскому государю. „Я твой казак“, „и твоих ворот человек“, сообщал тогда московскому царю их властный князь или мурза. „братству моему знамя то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму; если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю“.

**) Черемисы издавна были наиболее подвижным и беспокойным элементом Казанского царства. Они вместе с татарами совершали грабительские налеты на русские пределы. Еще в XV веке от татарско-черемисских набегов особенно страдал русский город Устюг. Неудивительно, что после Татар из всех инородцев казанского края Черемисы были самыми непримиримыми по отношению к русской власти: они сжились с татарским владычеством и не желали менять его на русское. Притеснение туземного населения русскими сборщиками ясака делали Черемисы еще более стойкими в неповиновении Москве (см. в „Истории гор. Казани“ К. Фукса, стр. 3, 14 и 15). Не даром при известии о походе царя Ивана Васильевича на Казань, по сообщению „Истории о Казанском царстве“, именно на „Черемису ближнюю многую“ было возложено поручение построить „подле Булаку острог и по Арскому полю“ для спасения посадов „от запаления“. Враждебность Черемис к Москве была хорошо известна даже в Польше, и польские дипломаты кололи московским глаза этой неприязнью: „Черемиса ваша“, говорили первые это-рым, „вам же недруги“.

Конечно, эта внутренняя борьба между горными и луговыми инородцами казанского края немало содействовали к его закреплению за Москвой; но тем не менее московскому правительству предстояло сделать величайшие усилия, чтобы достигнуть в подавлении инородческих восстаний прочного успеха.

Большинство поднимавшихся инородцев бывшего Казанского царства имело к исламу не большее отношение, чем к христианству: это большинство жило в верованиях и обрядах своей первобытной культуры, со своими собственными богами^{*)}; так что, очевидно, мусульманская пропаганда восстания могла иметь успех среди „языческого“ большинства инородцев не сама по себе, а потому, что встречала хорошую поддержку в том тяжелом материальном положении, в какое попали восточные инородцы по завоеванию Поволжья Москвой. Таким образом в мятежах населения бывшего Казанского и Астраханского царств надо различать два движения: одно, это — движение магометанско-аристократическое, собственно — татарское, преимущественно городское; другое, — чисто народное, экономическое, общепородческое, преимущественно сельское, но оба эти движения сливались в одно, ибо и мусульманско-аристократические интересы, и экономические народные, по общему мнению, можно было бы осуществить лишь путем восстановления независимости Казани, а следовательно и Астрахани, от Москвы. Имея свои причины для восстаний, инородческая масса охотно внимала магометанской пропаганде и слушалась казанской аристократии и потому, что привыкла к ее руководительству в прежнее время, а из сопоставления старого татарского управления с новым Московским вывела заключение далеко не в пользу последнего: татарское владычество показалось инородцам Поволжья более желательным, чем русское. И понятно почему: первое отталкивающее впечатление инородцы Поволжья испытали несомненно от Московского воеводско-приказного управления, от его специфических особенностей — всякого рода злоупотреблений, вымогательств и насилий, не в дальнейшем к згучей остроте обиды и имущественного ущерба довольно скоро присоединилось чувство отчаяния за свое мало мальски сносите существование, подорвать которое были должны не столько злоупотребления, отдельных административных лиц, сколько вся система „укрепления“ покоренного богатого края за „белым царем“ и тесно связанный с ней, нас ждавший в Поволжье, экономический порядок. В основу этой системы было положено стрем-

^{*)} Вот как характеризует русский летописец половины XVI в. волжских инородцев-вожатков и чуваш: „живут в пустых лесных местах, ни селы, ни жнут, но ловом зверяным и рыбами питаются и живут как дикие“.

ление выжать из инородческой массы среднего Поволжья и всего Волжско-Камского края возможно больше выгоды для государевой казны; от интересов последней исходят все мероприятия по отношению к инородцам, не исключая и предоставление правительственным агентам, чтобы они с излишком не притесняли инородческого населения и тем не нанесли бы „поруки казне“...*) Ясак с новых подданных,— вот что больше всего прельщало „белого царя“ в землях покоренного казанского царства; к ослабному, безостановочному поступлению в царскую казну ясака и сводились самые существенные заботы Москвы по так называемому „казанскому строению“. Ради претворения в жизнь поступления „ясака“ оберегались и существовавшие в среднем Поволжье лесные промыслы от раздачи их русским служилым людям; так писцовая книга по Свияжску и по уезду определено отмечает это явление, указывая и на его основание: „потому что“, говорится здесь, „бортные уходы в лесах и бровые горы в реках во всем Свияжском уезде татарские и черемиские и чувашские“**). Книга отмечает также, что те бортные угодья и бровые горы, которые были за полоняниками, как „до казанского взятия“, так и после него,— и „по новому письму“ в раздачу помещикам не розданы, „а дают с них“, прибавляет писцовая книга, „полоняники в Свияжском городе в государеву казну дьякам ясака по прежним ясачным книгам“. Значит, к тому, что уже было заведено и налажено в крае, московское правительство относилось бережно, именно, в интересах ценного, в особенности мехового, ясака. Но едва ли это „бережение“, выгодное для казны, было особенно выгодно для самих оберегаемых: ведь от них ожидалась исправность за это „бережение“, а за исправностью поступлений в Москве следили зорко, что, разумеется, не могло нравиться новым плательщикам. Сверх

*) Общий характер охранительных предписаний московского царя своим агентам на местах в Поволжье усматривается из следующего, напр., наказа свияжскому воеводе более позднего времени, когда, после смутного времени, особенно сделалось ясно, что злоупотребление властью и насилия над населением могут вести лишь к восстаниям его: „И будучи в Свияжском, гласит наказ, к Татарам и к Чуваше и Черемисам и ко всяким иноземцам ласку и привет держати: и во всех делах Татар и Чуваш и Черемису для своей корысти отнюдь не жестоčiti, присавы смотрети и беречи накрепко, чтобы они им пролаж в убытков и насильств и налогов никаких ни в чем не чинили, при сборе налогов обид и тесноты никакия не делали... И делати всякия государавы дела в правду и во всем Государю искати прибыли, а посулов и поминков ни у кого ни от чего не имати. И во дворе у себя Русским людям и Татарам и Черемисе никакого изделья не делати и на посаде и уезде всяких людей от всякого дурна унимати и беречи того накрепко, чтоб и в Свияжском на посаде и уезде всякое строение было впредь стоятельно и крепко, а Государю прибыльно“ (Записки Я: Очерки древней Казани, Казань, 1877 г., стр. 21).

**) Рукопись Главной Библиотеки Казанского Университета, список 1810 года, лист 51.

того не надо забывать, что Московское государство было больше и в политическом отношении претенциознее Каза и, ему требовалось больше, чем последней, материальных средств и для внешних предприятий, и для дорого стоящего содержания двора самодержца, а, приняв все это во внимание, мы, думаю, не ошибемся, если скажем, что общее количество ясака, выбираемое Москвой из населения бывшего Казанского царства, было много значительнее, чем тот ясак, который раньше это население платило Казанскому правительству. Здесь-то, т. е. в претеснениях администрации и в больших финансовых требованиях Московского правительства, и заключаются серьезные причины вооруженного протеста инородческой массы и ее неоднократного стремления освободиться от Москвы и снова подчиниться татарской, мусульманской Казани. Но причин административно-финансового характера мало для объяснения собственно инородческих восстаний первого периода после „казанского взятия“. С покорением Казани начинается усиленная колонизация Среднего Поволжья русскими, колонизация, неудержимо затем стремившаяся и к низовьям Волги. Московское правительство энергично содействует этой колонизации, торопясь „закрепить русскими людьми“ не только города, но и всю покоренную страну, прежде всего, разумеется, более близкий к коренным Московским владениям богатый мехами и другими дарами природы Казанский край. В Казани, мы видим, кроме служилых и ратных людей, пришельцев и переведенцев со всех концов Русской земли, но всего более было с верхнего Поволжья, из центральных областей Московского государства; не мало было в числе переведенцев в Казань и разных ремесленников и торговых людей, особенно из Пскова. Эти русские пришлые торговцы, конечно, не могли не явиться серьезными конкурентами местным купцам, татарам; и вообще русское население, достигшее довольно скоро солидной для тех времен цифры, по сведениям исследователя писцевых книг, по крайней мере до 7000 душ, не могло не давать себе чувствовать татарскому населению Казани, определяемому не менее, как в 6000 душ *); ибо победители везде и всегда ведут себя, как победители, а положение побежденных в Казани не улучшилось, понятно, от того, что им была указана черта оседлости в их родной Казани; известно, что (по подавлении пятилетнего мятежа) у татар было отнято право жить в городе и входить в Кремль,—для жительства им было отведено особое место, на котором и возникла „Татарская слобода“.

Так „укреплялся“ город Казань русскими людьми.

*) Чечулин, Города Моск. Государства XVI в., стр. 206.

Другой крупный центр края Свияжск был укреплен им еще „до Казанского взятия“, после же этого события Свияжск, хотя и потерял свое прежнее значение, уступив первенство Казани,—но тем не менее, в нем, во 2 ой половине XVI века. насчитывается русского населения более 4000 человек обоего пола, а писцовая книга отмечает весьма солидное торговое развитие: одних лавок показано 254, да меж тех же лавок 3 межлавочья, да 21 скамья, да 6 полков, да 3 шалаша, да изба с полком, да 2 бочки квасных, оброку со всего 47 руб. 8 алтын*). С торговых промыслов в Казани оброку шло 116 руб. 5 алтын**).

Свияжск второй половины XVI в. был много значительнее того захудалого уездного городка, похожего на большое село, каким он является в настоящее время. Как и всякий древний русский город, он состоял собственно из города и посада, при чем в городе, кроме въезжей светлицы царя, домов воеводы и дьяка, находился двор государев, базенный: здесь помещался „городовой всякий наряд—пушки, и зелье и ядра“, „а подле казенного двора государев же двор житничной, а на дворе семь житниц, да у двора изба с сенями. а сидят в ней житничные ключники“. Сразу видно, что это прежде всего—крепость, хорошо вооруженная и снабженная военными и жизненными припасами; неудивительно, что стрельчих домов в городе было всего больше—200, много было домов „пушкарских и других военных людей—40, княжеских и боярских детей 27 домов, а рядовых солдатских 21; для гарнизона нужны были мастеровые и торговцы в достаточном количестве, и домов такого люда в городе насчитывалось 64. Военный характер Свияжска подчеркивался преобладаем среди и посадского населения стрельцов: из 736 всех дворов посада 389 дворов принадлежало рядовым стрельцам. Торговля была сосредоточена в посаде, и, как мы уже видели, была достаточно развита; следовательно, как и в старину, военные операции шли рука об руку с торговлей—последняя служила в качестве главного толчка к этим операциям и первую являлась туда, где они расчищали поле для ее операций. Но сюда же вместе с торговлей приходили и представители не материальной, а духовной силы, обыкновенно подводящие под военные операции высшие мотивы, заявлявшие о воле Бога: „Бог того хочет“, говорили они, и страна рано или поздно покорялась силою оружию; тогда они стремились подчинить ее себе силою веры, религии. Эта сила тоже должна была иметь свое местопребывание,—и вот в Свияжске основывается 2 монастыря и строятся церкви, которых в городе и посаде в XVI в. насчитывалось около десятка ***). Свияжск был пер-

*) Упомянутая выше рукопись писцовой книги, л. 47. Чечулин, Города Моск. Госуд. 209.

**) Чечулин, Города Моск. Госуд. 209.

***) А. Яблков: „Город Свияжск Казанской губернии“. Казань 1907 г., стр. 13—15.

вым русским военным, торговым и духовным пионером в Казанском крае. С завоеванием Казанского царства в нем возникает целый ряд русских городов такого же характера, как Свияжск, но не могших, разумеется, иметь того в высшей степени важного значения, какое имел Свияжск до покорения Казани и довольно долго после этого события, пока татарами и другими инородцами края велась борьба за восстановление прежнего Казанского царства. В течении XVI века были основаны города: в 1556 г. Чебоксары, в 1557 г.—Лаишев, в 1578 г.—Тетюши, в 1583 г.—Козмодемьянск, в 1584 г.—Цивильск и Царев-город на Кокшаге (Царевokokшайск). Несколько позднее в конце того же XVI века были основаны Уржум, Санчурск и др. *). Эти укрепленные пункты военно-административного характера, центры русской торговли и русской религии в крае были и центрами русской колонизации; именно отсюда на местах осуществлялось стремление московского правительства „укрепить“ русскими людьми обширные земельные пространства новой восточной окраины Московского государства, бывшего Казанского царства, а туземцев просветить русской верой, дабы еще крепче прицепить их к Москве. По взятии Казани, на земли в иных случаях как будто бы никому не принадлежавшие, но в сущности бывшие собственностью аборигенов страны **), наложили свою руку прежде всего русская государственная власть и возникшие в покоренном крае православные монастыри. В Свияжской писцовой книге, между прочим, читаем о том, что „свияжские писцы спальничий Никита Васильевич Борисов и Дмитрий Андреевич Кикин с товарищи... в свияжском уезде села и деревни и починки и пустоши и сельца дворовые и помещные и оброчные и порожние земли и выморки, которые довелись в поместья роздати, по своему письму и по мере те все земли, разверстав, и в поместье роздали князьям и детям боярским...“ Опись Борисова и Кикина относится к 1557 году.

*) Победы Москвы на Востоке вели к русской колонизации обширных пространств, бывших до того времени местобитованием татарских орд. Это отметил еще Курбский в своей истории царя Ивана: „Иде же были прежде“, пишет он, „в опустошенных краях русских зюмовища татарские, тамо грады и места сооружившася, и не токмо кони русских зюмов с текущих рек напашася, с Тавааса и Куалы и проч., но и грады тамо поставившася“. Крымцев очень беспокоило это русское градостроительство, ибо они понимали, что оно ведет к ихним победам Москвы. „Зачем государь ваш много городов ставит на украинях“, спрашивал один крымский князь посла царя Федора Ивановича, — „на Тереке, на Волге, около Крыма? И неудовлетворенный дипломатическим объяснением московского посла продолжал: „Ваш государь также хочет следовать, как над Казанью: сначала город близко поставил, а потом и Казань взял...“

**) По отношению собственно к Волжско-Камскому бассейну, это, кроме татар, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Мордва и Пермьки. Именно этих инородцев в XVIII ст. указывал Миллер для тогдашней громадной „Казанской губ.“. Местожительство первых трех народов Миллер опре-

Около того же времени, когда „земли“ правительство роздвало своим служилым людям, Троицкий Сергиев Свяязский монастырь прибрал к своим рукам „порожня“ земли, с дозволения правительства. „А заняли,“ свидетельствует писцовая книга, то займище (в две версты в длину и на пол версты поперек) строитель с братией на черном на диком лесу...“ На этом „новом займище“ возникает „монастырский двор“ и закипает энергичная работа „монастырских детенышей“ — работников. Аппетиты свяязского архимандрита с братией разгораются, и он выпрашивает у „государя“ монастырю еще новое „займище“. В 1575 году Свяязский Троицко-Сергиев монастырь получил в полное владение „двой и черный лес на Услоне на четыре версты поперек, а вдоль от малого Моркваша по долгое владычное озеро, что у Жерновских гор вбало в Волгу устьем, на пашни ратицати лес, против этого черного-леса, по подгорью, луга на сено и на животный двор“. Мало по малу у монастыря на пожалованной земле возникает село Услон с церковью; которое затем превращается в село и выселяет от себя колонии; эти выселки или починки делаются с течением времени селами или деревнями.. Так постепенно оперяется монастырь, становится вотчинником, крупным землевладельцем в крае. Начав свою земледельческую карьеру с довольно скромного хutorянина, монастырь в конце концов является властителем земли на солидном пространстве и, сделавшись таким путем большим капиталистом, ибо земля была главнейшим капиталом в ту эпоху, начинает с большим успехом эксплуатировать труд окружающего населения. Таков был вообще характер монастырской колонизации, опиравшейся на государевы земельные пожалования „смирным государевым богомольцам“. Удивительно ли, что увидав как быстро разбираются пришельцами их родные земли, поняв, что пришел конец их приволью и что пришельцы рано или поздно подберутся и к их исконным „борным ухажьям“ и „бобровым гонам“, и что эти цепкие многочисленные люди заселят весь край и подчинят их, старинных его владельцев, всецело своей хозяйской воле, удивляет так:

Черемисы, Чуваши и Вотяки суть особые три языческие народы в Казанской губернии, которые жилищами своими простираются до 200 верст выше и ниже города Казани, по обе стороны Волги так, что Черемисы по большей части житьельство свое имеют на левом берегу помянутой реки, и к востоку по разным местам до Кунгурского уезда, а Чуваши наиболее по правому берегу Волги; Вотяки же имеют жилища свои от Волги в сторону, а именно в половине северной части Казанской губернии, т. е. около реки Вятка. Как уже отмечено, в состав бывшего Казанского царства входили еще Башкиры, числившиеся во время Миллера в Уфимской провинции (Казанской же губернии); их этот автор соединяет с Татарами. Герард Фридрих Миллер: Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. Санктпетерб. 1791 года).

*) Рукопись писцов. книги, лист 51.

тельно ли, что они забунтовали и „не захотели“, как говорит наш летописец, „жить под государевою рукою“: в усиленном заселении русскими покоренной страны и в земельных захватах, словом, в развитии того нового экономического порядка, который характеризуется хозяйским положением русских в крае, заключается в сущности главнейшая причина инородческих политических мятежей в Поволжье во второй половине XVI в. Наступившее в начале XVII в. Смутное время дало новый повод поволжским инородцам подняться против Москвы, и хотя в инородческом движении этой поры слышатся еще „отголоски“ мятежей XVI века, отголоски борьбы за политическую независимость от Москвы, но всетаки с начала XVII столетия инородческая борьба с Москвой становится более сложной,—не только политической, но и социальной; выходит она из той же экономической причины, т. е. материального истощения инородцев ясаком и из захвата инородческих земель Русскими. Эта борьба, как увидим дальше, мало уже отличалась от той, которую вели с Москвой высшие слои русского народа, боровшегося с негодным ему „боярским“ составом Московского правительства, с его административными агентами—воеводами и приказными, и вообще с высшими классами общества.

2. Социально-политическая борьба на Волге до Разинщины.

Вольница и крестьянство в Среднем и Нижнем Поволжье. Социально-политические движения в Смутное время. Подготовка Разинского восстания.

После покорения новолжских татарских царств колонизация Русскими Волги пошла ускоренным темпом.

Движение русского населения на юго-восток выразилось в основании целого ряда городов: так в 1586 г. возникают Самара и Царицын, в 1592 г.—Саратов, в 1648 г.—Симбирск, в 1683 г.—Сызрань. Для сельской колонизации города были опорными пунктами. Сельская же колонизация, врезываясь в самое сердце инородческого населения, собственно и наносила ему самые тяжелые удары: она делала Поволжье русским.

Вызывая инородческое движение против русского владычества, поволжская колонизация в то же время была оплотом его на этих восточных окраинах Московского государства.

Но уже в XVI столетии, вскоре после покорения Казанского и Астраханского царств, колонизация в Поволжье, а также соединявшийся с нею мирный труд русского населения начинают встречать весьма серьезные препятствия, не только со стороны часто бунтовавших инородцев, но и со стороны сильно умножившихся бродячих обществ из людей разных народностей, но преимущественно из русской, из московского государства. Это так называемые „гулящие“, „вольные люди“, сбегавшиеся на завоеванный Москвой волжский путь со всех уголков Русской земли, соединявшиеся здесь с такими же выходцами, склонными к воле, из инородческого мира и привлекавшие в свои ватаги или шайки беглецов из других стран. Эти бродячие общества были известны на Волге и Каме с самого древнего времени. В состав их тогда входили новгородские повольники, т. е. вольные же люди, и разные выходцы из ближайших русских укреплений. Эти товарищества промышляли грабежом, но нужда заставляла их заниматься и другими промыслами; при случае они оседали в брже и основывали на новых, „двжих“ местах более крупные, чем разбойничьи шайки и промысловая артель, обще-

ственные соединения. Таковы Вятская республика на Вятке и Каме, задавленная в XV стол. (1489 г.) московской централизацией, таковы казацкие общества на Дону, Волге и Яике, бывшие тоже своеобразными демократическими республиками. Впрочем, на Волге, хотя издавна и существовали казацкие слободы, основанные осевшими здесь рыболовными артелями, — казачество не было так организовано, как на Дону и Яике или на низовьях Днепра. На Волге оно долго представляло разноплеменные разбойничьи шайки, не дававшие покоя остальному населению Приволжья и соседних с ним местностей. Как и в старину, пострадавшие от разбойников жаловались верховному владыке русского государства. Царь Иван Васильевич на жалобу Ногаев ответил, что „казаки не одни русские“. „На поле“, писал он, „ходит многие казаки, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки: и из наших украин с ними же смешавшись ходят“. Жалобы на казаков однако не прекращались и все московскому царю, а тот успокаивал жалобщиков попрежнему: „А гости ваши“, писал Иван Грозный Ногайскому хану, „дорогою береглись бы сами, потому что, сам знаешь хорошо, — на поле всегда всяких людей много из разных государств“. Это, разумеется, были наиболее неустрашимые и закаленные люди, выброшенные теснотой жизни на необъятный простор восточных рек. Считая себя „вольными людьми“, будучи в этом смысле преемниками древнейших повольников или ушкуйников, они усвоили татарское название подобных удалых витязей, название кайсака, казака и отнюдь не желали сойти с того разбойного пути, который у них был самым излюбленным. Особенно доставалось от них торговым караванам, очень часто попадавшим в их руки. Так перерезывалась Волга казацким „баловством“, так неволью на ней, как и в Золото-ордынскую эпоху, тормозилась этим „баловством“ русская торговли. Иногда казаки были готовы свои преступления и злодеяния покрыть службой тому же Московскому государству, откуда бежало большинство их, — и волжское казачество XVI века в весьма значительной мере оправдалось перед государством, когда, именно, оно, в лице Василия Тимофеевича Ермака с товарищами, ударило царю Ивану Васильевичу Грозному Сибирским царством; но это однако не помешало волжскому казачеству остаться таким общественным элементом, который неспособен был долго ладить ни с государством, ни с охраняемым им обществом. У казачества были свои, несогласные с мирным укладом жизни, интересы, свои стремления и вкусы, свой, в конце концов, выработавшийся идеал общества и своя доля. Народная песня-былина дает нам яркий апофеоз казацкого типа жизни, рисуя ее, как бы сказать, „праздничное настроение“:

„На славной Волге реке, на верхней изголове,
На верхней изголове, на Бузане острове
На крутом красном берегу,
На желтых разсыпных песках,
А стояли беседы, что беседы дубовыя,
Исподернуты бархатом;
Во беседочках тут сидели атаманы казачие,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич

Они думушку думали за единую
Как про дело ратное, про добычу казачую“.

(См. Песни, собр. П. В. Киреевским II, 43.)

Вернулись казаки из набега:

....„И стали казаки на крутом—красном берегу

А и кушали казаки тут они кушанье разное.
И пили питья медвяные, питья все заморские,
И будут казаки на великих на радостех,
На великих на радостех, со добычи казачия,
Каратины ставили, каратины крепкие, отхожие.
Сверху матки Волги реки.
И снизу таковые-ж стоят,—
Запились молодцы, а все они до единого“ (стр. 45).

Вот как живали казаки—до получения добычи просто „голь кабацкая“ или совершенно неимущие,—по воспоминаниям самого народа; и эти воспоминания в общем не противоречат тому, что мы знаем о казацком разгуле из летописей и исторических актов. Точно в песне указаны и средства для такой жизни—„добыча казачая“. Эту добычу казаки делили: „они дел делили, дуван дуванили“, говорится в народной песне. Обыкновенно добыча проливалась, хотя бы ею завладел один „добрый молодец“: „я не в клад-то казну клал, животою не звал,

Уж я клал теё казну во большоё-т дом,
Во большоё-т дом, во царев кабак“.

Здесь много было желающих утолить свою жажду зеленым вином на добытую „золоту—казну“:

„Точил я её“, говорит „добрый молодец“ в другой песне,—по домам питейным,
А поел я всё голь кабацкую,
А цветное платье—одевал всё наших босых.

И хотя по заветным понятиям народа такое демократическое употребление добычи казацкой одобрял и сам верховной

владелец кабака царь (Песни, собран. П. В. Киреевским, т. II, 195 и 199), однако вести столь веселую жизнь казакам даже иногда,—а им хотелось всегда—можно было лишь на чужой счет. И казаки не стеснялись себя, обращаясь за средствами для такой жизни всюду, где только можно было взять хорошую добычу. И они брали ее и за Каспием, и на Волге, где то и дело с разбойничьего струга раздавалось: „сарынь на кичку“, когда он встречался с торговым стругом богатого гостя или даже царя. В течение всей второй половины XVI века Волга манила к себе, особенно на свои низовья, вырвавшийся на волю—„воровской“, гуляющий люд со всей Руси, становилась все более и более казацкой рекой, и это обстоятельство, с одной стороны, послужило к подрывлению колонизационного движения, предпринятого промышленниками Строгановыми, нашедшими в волжских удалцах для себя пограничников и первых пионеров в Сибири, а, с другой, тоже самое обстоятельство—обилие на Волге вольного люда вызвало в начале XVII столетия, между прочим и отсюда весьма сильное движение против Шуйского в пользу народных царей. Это последнее движение было сигналом и для нового восстания инородцев, все еще непримирившихся с московской государственностью и на минуту уверовавших в возможность возвратить лучшие условия для жизни при помощи русского народного восстания. Мордва, черемисы, чуваша, татары и вотяки действовали в эту пору вместе с свияжскими, чебоксарскими, алатырскими и другими „воровскими людьми“. Оппозиционное настроение среднего и нижнего Поволжья, обусловливаемое недавностью покорения этой страны, а также обилием вольных людей на Волге, и явилось в свою очередь, причиной целого ряда явлений придающих смуте в этом крае особой местный характер. Дело в том, что ослабление центральной власти и распад Московского государства на составлявшие его территориальные и этнические части оживили в Казани и Астрахани надежду на независимое от Москвы их политическое существование. Казань была главным центром громадного Волжско-Камского района, населенного инородцами, которые еще не забыли, что этот город был столицей их особого государства. А памятуя это последнее, они сейчас же отложились от Москвы, как только узнали, что пропала у нее та сила, которая сдерживала их в повиновении и выжимала из них установленные платежи. Черемисы и Чуваша Казанского края перестали платить ясак и оброчные деньги с вотяки—„для смутного времени“, как было сказано в грамоте. Следуя примеру русского простого народа, пользуясь смутой, эти инородцы не желали более выносить финансового гнета; в их восстании слышится не только политический, но и—пожалуй, главным образом—социальный протест. Казанские татары помышляли почти исключительно о борьбе

за политическую независимость. На этом фоне местного социально-политического движения и возникла сепаратистская затея среди казанской администрации. Но толчек к этой затее был дан ходом событий под Москвой, именно неудачей Лжедмитрия II добиться московского трона и новым замыслом этого самозванца—направить свои стопы в Астрахань и основать на Волге особое Понизовое государство. Со своей стороны „Тушвинский вор“ рассчитывал и на националистические стремления инородцев Поволжья, и на неустойчивость самого русского населения в этих новых московских колониях. Что касается в частности Астрахани, то этот город с самого воцарения Шуйского отложился от него и от московского государства и оставался на особом самостоятельном положении до конца Смутного времени. Вольный, бунтовской или, по старо-московскому выражению, „воровской дух“ в пределах бывших казанского и астраханского царств, дух туземного населения и вольных людей, вероятно, и притягивал в Поволжье „воровского“ царя.

Таковы общественные элементы, которые создавали в недавно завоеванном Москвой Среднем и Нижнем Поволжье сепаратизм в эпоху великой Смуты. Здесь что-то замышлялось. Руководители местной администрации, повидимому, увлеклись сепаратистскими замыслами—не только, в Астрахани, мятежной во все время Смуты, но и в Казани, державшейся значительно более дипломатически (хотя по отношению собственно к московскому правительству, лукаво и неискренне тоже во все время Смуты). „У вас есть слух“, между прочим, писал весной 1611 года Сигизмунд московским боярам, что Астрахань, уговорившись с Казанью и другими городами, которые примыкают к татарской стороне, хотят отложиться за персидского шаха, и Казань, Астрахань, черемиса и луговые города, и Пермь и Вятка—наших грамот не слушают и доходов к Москве не возят, и креста сыну нашему королевичу не целовали^{*)}.

Царя Василия Ивановича Шуйского Казань признала, не пошла за Лжедмитрием II, хотя здесь и был приверженец Лжедмитрия I, воевода Богдан Бельский, некогда любимец Ивана Грозного. Но когда московские бояре провели на московский престол кандидатуру польского королевича Владислава, Казань присоединилась к Лжедмитрию II, уже в это время клонившемуся к упадку и скоро погибшему. Это присоединение масс было несомненно данью симпатии их к представителю низших классов населения и протестом против представителя высших, который чувствовался во Владиславе, вдобавок иноземце, внушавшем сугубое недоверие русским людям. Но в администрации Казани нашлись честолюбцы, которые вознамерились воспользоваться ненавистью масс к боярскому кан-

*) Загоскин, Казанский Край в Смутное время. Казань, 1891 г. 187 и 188 стр.

дидату в своих личных карьерных интересах. Таким в особенности был дьяк Никанор Шульгин, сумевший привлечь на свою сторону большее количество приверженцев, чем воевода Богдан Бельский, агитировавший против признания царем Лжедмитрия II-го, о чем положительно свидетельствует летопись... „Воевода Богдан Бельский“, читаем мы здесь, „начал уговаривать и укреплять казанцев, чтобы они вору креста не целовали, а целовали бы тому, кто будет избран в будущем царем на Московское государство“. Но эта агитация вызвала энергичный отпор со стороны дьяка Никанора Шульгина, поднявшего на Богдана Бельского общественные низы Казани, стоявшие за своего царя Дмитрия Ивановича, царя всех обездоленных и угнетенных, холопов, крестьян, казаков иди, по официальной тогдашней терминологии, „воров“. В городе началась гражданская распря, во время которой и погиб Богдан Бельский, сторонник грядущего законного порядка. „Дьяк Никанор Шульгин“, рассказывает летопись, „умыслил с теми ворами, повелел убить Богдана“. Схватенный и сброшенный „ворами“ с высока й башни. Богдан Бельский расшибся на смерть. Ненависть черного люда потребовала и других жертв из помещичьего класса: так известно, что тогда же и тем же способом — „с раската“ — был убит „ворами“ помещик и начальный человек Федор Захарьев Люткин. Классовую и национальную ненавистью масс люда, подобные дьяку Никанору Шульгину, пользовались для того, чтобы утвердить свою собственную власть в Поволжье. Когда выяснилось, что Лжедмитрий II уже не существует, они в своих сепаратистских стремлениях, повидимому, имели в виду опереться на атамана Заруцкого, который подхватил мысль Тушинского вора о Повизовом государстве. С непримиримой частью казачества, с казацкою гольтьбой, тогдашним пролетариатом, со вдовой двух царей Дмитрия, ставшей его любовницей, Мариной Мнишек и с ее сыном от второго Дмитрия Иваном, получившим это имя в честь названного дедушки, и корителя Казани и Астрахани, Заруцкий удалился из-под Москвы в последний из этих городов с намерением впоследствии идти на первый. Дабы привести жителей к полной покорности, Заруцкий установил в Астрахани жесточайший террор. Казнь следовала за казнью. Многих бросали в воду. Гибли „прожиточные“ или „добрые“, „лучшие“ люда, как именуются в памятниках тогдашние богачи и члены администрации, гибли и духовные. Именно всех этих люда разграблялось. Словом, в Астрахани повторилось то, что тогда совершалось шайками казацкой гольтьбы, беглых холопов и крестьян, перечислявших себя в казаки, — повсюду на Руси. Церкви тоже не щадились. Сам Заруцкий, забрав из Троицкого монастыря серебряное кадило, велел, передо- лать его в ст емя для своего коня. Так властвуя в Астрахани, Заруцкий в дальнейшем предполагал действовать вместе с во-

гайский татарами. Делея план идти из Астрахани вверх по Волге, Заруцкий рассчитывал на беззащитность поволожских городов „Знаю я московские наряды“, толковал он Ногайм, „покаместь люди с Москвы пойдут, я до той поры Самару возьму да и под Казанью промысл учиню“ Замыслы Заруцкого не осуществились: нового низового государства он не основал, но его попытка осуществить мысль „воровского“ царя еще раз указывает на то, что недавно приобретенное Москвой Поволжье считалось самой подходящей страной для самостоятельной политической жизни, независимой от московского государства. Это, надо думать, увлекало и местных дельцов, как дьяк Никанор Шульгин и позднее стряпчий Иван Иванов Биркин, который в 1612 году был послан сюда из Нижнего Новгорода с поручением просить у казанцев „совета и помочи Московскому государству“, но вошел в Казани в соглашение с Шульгиным и начал действовать весьма двусмысленно, „своровал“, т. е. изменил делу государственного объединения. „В то же время“, твердо свидетельствует об этом моменте летопись, „бывшу в Казани дьяку Никанору Шульгину, и мысляше себе не благ совет, тому радовашеся, что Москва за Литвою. Ему же хотяше в Казани властвовать, тому же Ивану Биркину с ним же советуя не на благое то дело, но на злое“. Если к этому свидетельству добавить известие о том, что Никанор Шульгин, уведомив земский собор о совершившейся присяге Казанского войска царю Михаилу Федоровичу Романову, в то же время агитировал среди него, что не следует „признавать нового царя“, как избранного „без совета с Казанским государством“*),—то это „злое дело“ обрисовывается достаточно ясно. Это несомненно—стремление поставить „Казанское государство“ так или иначе, но независимо от Москвы и сделаться в нем первыми людьми, именно „властвовать“ здесь, опираясь на старые—туземные, и новые—пришлые оппозиционные элементы Среднего и Нижнего Поволжья. Естественно, казанским сепаратистам не к чему было торопиться с „помощью“ Московскому государству, и казанское ополчение сильно запоздало в Ярославль. А отсюда к Москве оно, за исключением небольшой группы из него, и не двинулось, а вернулось обратно в Казань, не оказав „помочи“ обще-земскому делу и сделав только, как свидетельствует летописец, „многую пакость городам и уездам“. Казанским сепаратистам было не до Москвы: они помышляли о своем „Казанском государстве“ **). Но стремление к объединению

*) С. М. Соловьев, История России, т. IX, стр. 18.

**) Таким образом, тут дело не в „весенней распутице“, которая, по предположению г. Любомирова, не признающего замыслов Ивана Биркина. (Очерк по истории Нижегородского ополчения 1611—1613 г.г.), задержала казанское ополчение, а во всей совокупности обстоятельств, которые уясняют вопрос в том смысле, в каком это предложено в тексте (см. также— „Казанский край и Смутное время“ Н. П. Заголкина, Казань, 1891 г.)

всех экономически „мочных“ общественных элементов в этот момент было сильнее децентрализованного течения, и затем казанских „изменников“ не изменила общего хода борьбы за Москву, как центр единого государства „всая Русь“. В силу той же причины, не могла осуществиться попытка образования и нового Низового государства.

Новое государство, которое предполагалось образовать в Поволжье, при помощи „вольных людей“ и иностранных правительств—Персии, Крыма и Турции, должно было явиться общественным союзом, так сказать, прежнего, царского типа, с царем и служилой знатью во главе; значит все дело было только в том, чтобы получилось независимое от Москвы царство; и таким образом эти чаяния Казанцев, Астраханцев, Тушинского вора и Заруцкого, могут быть признаны, как подражание стремлениям магометанского духовенства и казанско-астраханской аристократии—восстановить в Поволжье казанское и астраханское царства: на почве прежних стремлений мусульманского поволжского мира возникла аналогичная попытка русских людей из крайних оппозиционных Москве элементов русского общества.

Попытка не удалась. Большинство оказалось не на стороне отделения, а на стороне соединения, ибо отделение повело бы за собой продолжение борьбы, а следовательно и углубление экономической разрухи, столь пагубной для имущих классов общества. „Единая мысль“ этих классов отчетливо выразилась в грамоте казанцев, которую они отправили пермичам еще после гибели Прокофия Ляпунова; это—мысль не только русского, но и инородческого населения, имущие слои которого ради прекращения или предотвращения разорения готовы были политический интерес казанского края подчинить экономическим интересам. „Митрополит (казанский митрополит Ефрем), мы и всякие люди Казанского государства“, говорили казанцы в грамоте, „согласились с Нижним Новгородом и со всеми городами Поволжскими, с горными и луговыми Татарами и луговою Черемисою на том, что нам быть всем в совете и в соединении, за Московское и за Казанское государство стоять, друг друга не побивать, не грабить и дурного ничего ни над кем не делать, ... новых воевод, дьяков, голов и всяких приказных людей в город не пускать и прежних не переменять, быть всем попрежнему; казаков в город не пускать же, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст на Московское государство государя и выбрать бы нам на Московское государство государя всею землею Российской державы; если же казаки станут выбирать государя по своему изволению, одни, не сославшись со всею землею, то такого государя нам не хотеть“. Так казанцы противопоставляли себя казакам; ясно, что это высказывались те жители Казанского государства, которые стояли далеко

от казаков и казачествующих элементов общества, следовательно, экономически исправные, домовитые люди. Такие люди из инородческого мира не менее русских стремились к порядку, установление которого считалось невозможным без соединения. Не даром, в той группе (в 150 челов.) Казанского ополчения, которая осталась бороться за земское дело и участвовала в освобождении Москвы от поляков в 1612 году, находилось 20 чел. инородческих князей и мурз под общим начальством татарского головы. Ясно, что высший класс и вообще всех разрядов буржуазные элементы, признавая свой край за особое казанское государство, в то же время считали необходимым тесное соединение его с Московским—под одною общою верховною властью.

Таким образом московская централизация восторжествовала вместе с восстановлением московского государственного порядка. Вместе с тем крайние оппозиционные элементы общества—казаки и вся неимевшая прастаница в московском государстве голь, все эти так называемые в народной песне „бурлаченки беспачпортные“, надвинувшиеся в Смутное время на центральные области и подвергшие их опустошению, опять отхлынули к перифериям государства из окраины; при этом Волга снова стала сильно привлекать бродяг на свой широкий простор, особенно после того, как на Дону, в старом излюбленном беглецами из государства убежище, стало от них совсем тесно... Чем крепче устанавливали московский порядок в центральной области государства, тем на далекой от нее Волге бродячего голутвенного люда становилось больше, и этот люд, который в древнейшие времена, когда Волга принадлежала иным народам, был начинателем здесь русских поселений, теперь становился поперек дороги мирной московской колонизации. По крайней мере, Олеарий путешествовавший по Волге в 30-х годах XVII в., нашел ниже Казани очень редкое оседлое население: „мало деревень и немного живет жителей“, сообщает он и поясняет: вследствие „казаков и разбойников“^{*)}). Значит, если первых было мало, то последних было много. Мешая колонизации, эти „казаки и разбойники“, как весьма беспокойный элемент, являлись бродильным началом для новых восстаний низов на верхи общества. К тому же низы мало успокоились и после восстановления московского государственного порядка, ибо условия их жизни не только не улучшались, но скорее ухудшались. Многие новые тяготы, свалившиеся на простой народ, в особенности на главную массу населения—на крестьянство в 1-ой половине XVII века, неудержимо толкали народ в оппозицию Москве и ее порядкам—не только правительственно-административным, но и социальным, в оппозицию, выра-

*) Путешествие Адама Олеария, цит. изд. стран. 347.

жавшуюся в обычное, небунтовское время пассивно—в побегах на окраины,—но иногда переходившую, кроме развития разбоев, в бурные мятежи и, наконец, во вторую половину XVII века разразившуюся грандиозным восстанием, так называемой Разинщиной.

Разинщина, хотя и разыгралась преимущественно в Поволжье, однако явление не местного поволжского, а общерусского значения; ибо в самом существенном, в своих причинах Разинщина может быть объяснена только в связи с изучением государственного и общественного строя московского государства, финансовой, экономической и социальной его политики, а также административной практики правительственных органов и агентов. Здесь я не стану касаться этих вопросов, по скольку они относятся до всей Руси, отчасти и потому, что в сжатом виде причины Разинщины мною уже изложены для большой публки в брошюре: „Разинщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни“. Но признавая, что Разинщина была порождена Москвой, мы должны сказать, что в Поволжье оказалась особенно благоприятная почва для народного восстания. Прежде всего поволжское оседлое население было наиболее раздражено, так как притеснения его со стороны администрации—кормленщиков, и эксплуатация его кормленщиками—помещиками были здесь гораздо значительнее, чем где-либо в остальных частях Руси. Среди инородческого населения воеводы и другие служилые люди, видимо, чувствовали себя господами—победителями, а потому ни в чем не стесняли себя. В памятниках есть, например, известие, что в 20-х годах XVII века тяжелые налоги и жестокие притеснения заставили Мордву бросать земледелие и бортничество и в больших количествах бежать куда глаза глядят. Правительство, желая знать причины этого бегства, послало в Нижегородский уезд служилого человека Петра Корсакова с подъячим в качестве следователей, а они принадлежали на Мордву еще сильнее.. Ужасное положение инородцев под игом таких правителей и следователей не подлежит ни малейшему сомнению уже потому, что его признавало само московское правительство, запретив писать в ясашные люди меньше 18 лет: „за посмешию б и малых ребят в ясаше писати не велели, чтоб впредь ясашные люди не разбежались“. Правительство даже запрещало посылать для договору и описи писцов, запрещало ездить и самим воеводам, „чтобы тем Черемисы не ожесточить и не разогнать“. Но, не взирая на эти увещания, Черемис и других инородцев служилые люди ожесточали и разгоняли. Во времена Никона инородцев начали ожесточать нетерпимостью к их верованиям, насильственно обращая

Мордву в христианство. Миссионерская деятельность теснила и других инородцев. Так, напр., братья Спасского монастыря на Малой Юнге хлопотала о крещении семьями черемис трех деревень (Кадышевой, Чермышевой и Котяковой), „а буде не похотят сослать на вечное житье“. Монастырское челобитье было удовлетворено, и местный воевода получил приказ об осуществлении миссионерского желания местных монахов. На черемис налегали так, что им, лишь бы избить крещения или ссылки, пришлось заплатить своей землей архимандриту Спасского монастыря на Малой Юнге *). Так миссионерство, становясь одним из способов расхищения инородческих земель, в двойне воспитывало в инородцах Поволжья дух протеста и восстания против администрации и высших классов Московского государства.

Да и положение русского крестьянского населения в Поволжье было очень тяжелое. Находясь под тем же воеводско-приказным режимом, русский крестьянин, сидевший на помещичьей земле был сверх того, угнетен еще насилиями и вымогательствами со стороны своего непосредственного господина. В памятниках опись таки имеются весьма определенные указания в этом смысле. Так, в одной крестьянской челобитной на имя государя встречаем жалобу на то, что помещик князь Артемий Шейдяков „крестьянишек, что приходили к нему по обычаю с хлебом на поклон, бил, мучил и на ледние сажал“: собрал этот помещик с крестьян весь годовой оброк „против государева указа“ и, уехав из села Ширинги в Ярославль, здесь весь оброк и даже платье свое проиграл „веселым женкам“; затем возвратился в Ширингу, но не один, а вместе с „веселыми женками“, и начал собирать новый оброк, и так его „правил“ с крестьян, что „у которых крестьянишек были нарочитые лошаленки, тех лошадей он взял на себя“; на него жаловались за все эти „насильства“ и „немерный правей“ государю, а он „похваляется смертным убийством“ по отношению к челобитчикам и „хочет посекать их своими руками“. „И мы сироты свои“, говорят крестьяне царю, „не перетерпя его немерного правей и великой муки разбрелись от него розно“. Таково было положение русских крестьян в Поволжье в 20-х годах XVII столетия. Около половины этого века оно ухудшилось, ибо есть свидетельства, что повинности, налагавшиеся в Поволжье помещиками на крестьян, к середине столетия увеличились в несколько раз **). Понятно, что „брести розно“ крестьянам приходилось все более и более. В 1654 году дворяне и дети боярские уже весьма настойчиво начинают жаловаться пра-

*) С. И. Порфирьев: Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916 г., стр. 76 и 77.

***) Перестыкович, Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882 г., ст. 194.

вительству, что „от них учали бежать люди их и крестьяне“. В Нижегородский уезд посылается сыщик, для того, дабы „тех беглых людей и крестьян, выбрав из десяти человек человека два, за побег бить кнутом, чтобы впредь им и иным неовадно было бежать“. Итак, кнутом наделись остановить пассивную народную оппозицию притеснителям, но кнутом сподручнее было отогнать еще дальше, чем вернуть назад. И от такого образа действий естественно получался лишь один результат: из беглых крестьян вырабатывались разбойники, значит, пассивная оппозиция переходила уже в активную, еще более чувствительную для всех правящих и имущих, а также и для остававшегося на местах посадского и крестьянского люда. Действительно, разбойничество на Руси в 60-м годам XVII века развилось опять до страшных размеров, и снова, как это было пред Смутным временем, это было весьма отчетливым симптомом приближения народного взрыва. Разбойник, вор, воровской казак был наиболее отчаянный выразитель ненависти и злобы, скопившейся в широких, обездоленных слоях московского государства; морально-уродливое детище резких противоречий и ненормальностей жизни, он был плотью от плоти и костью от кости ограбляемого и забиваемого простого народа,—и здесь заключается психологическая причина, почему народ в своих думах и песнях, в своем общем миропонимании, не смотря на многие беды, претерпеваемые от лихих людей, относится довольно миролюбиво и даже с сочувствием к „удалым добрым молодцам“, безавшим в наиболее любимые свои пристанища, на низовьях Волги. Не раз битый и мучимый на правее, не раз безавший, обманутый, заключенный и снова битый нещадно, окончательно простившийся со своим родимым селом, голяк и озлобленный, бездомный скиталец, разбойник или „воровской казак“, или „удалой молодец“ никого и ничего не жалел, но, не жалея и себя, он готов был на все, на всякое отчаянное предприятие, лишь бы отплатить за все отвергнувшему его „домовитому“ обществу, поживиться на его счет и погулять на воле и вволю, так, как он видал, когда был в неволе,—гуляли бояре и воеводы, но с тою разницею, что „удалый доброй молодец“ гулял до полного пропития всего награбленного, полученного при „дуване“—дележе добычи,—и становился снова голяком.

В 1665 году на низовьях Волги скопилось так много голяктыбы, „бурлаченков безначпортных“, что московское правительство не на шутку обеспокоилось и приказало воеводам Самары, Саратова, Царицына и Черного Яра посылать детей боярских и стрельцов в степь, дабы ловили „подозрительных людей, называвших себя ка аками“ и приближавших на верхних городов: В 1667 году разбой и грабежи усилились до крайней степени и разлились повсюду, но особенно неспо-

койно было на Волге. Эти, пока разрозненные, действия, „воровских шаек не предвещали власти ничего доброго... Как всегда бывает в подобных случаях, отдельные, но многочисленные „воровские“ выступления являлись как бы предостережением, настоятельно указавшим на скорое наступление большого народного восстания. Воеводам известно было, что на Дону уже собирается гольтьба и хочет идти на Волгу, где и своей голи было много. Делалась и предварительная разведка на Волге тем же самым гулящим, выброшенным за борт легальной жизни, людом. Так, царцынский воевода Андрей Унковский от рыбного промышленника, посадского человека Стеньки Аникеева узнал, что на зимовье его струга с икрою, между Царицыном и Саратовом, где он неожиданно был застигнут морозами и зазимовал, пришли два воровских казака, „один с Дону, а другой Щацкого уезда беглый крестьянин“; здесь они не задержались, а направились в другую стругу этого промысловщика, где находился он сам, и тут „взяли животы его“, т. е. имущество, „и пограбя, пошли за Волгу на нагорную сторону, степью, в воровской Качалинский городок“. Воевода Унковский узнав об этом, полагал, что эти казаки приходили не столько для грабежа, совершавшегося ими похода, сколько „для проводывания на Волге стругов и лодок“. Сюда были необходимы для замышлявшегося гольтьбой „воровского“ предприятия, и разведчики, очевидно, не утерпев, говорили, что „будет воровское собрание казаков весною, на Волге воровать“. Это все, разумеется, было донесено воеводой в Москву самому царю, который воеводой же, собравшим местные сведения, был осведомлен и о том, что „на Волге по разным урочищам, многие струги и лодки замерзли, где преж сего у тех воровских казаков воровство бывало“ *).

Итак московское правительство знало, что на юго-восточной окраине государства собираются грозные тучи. По обычаю всех правительств, их думали рассеять приказами. Московское правительство приказывало воеводам жить „от воровских казаков с великим бережением“. Воеводам Астрахани и Черного Яра было предписано „о приходе воровских казаков на Волге и на море и на морских проливах... проводить всякими мерами“, и „промыслы над ними чинить, чтобы им на Волге и на иных запольных реках воровать не дать и на море не пропустить“. Но все эти строгие распоряжения не помогли. На Волгу в 1668 году все равно явились воровские казаки в большом числе и начали здесь „воровать“, а потом с тою же целью бросились на море, и, подкрепив себя Яицкими казаками, хорошо обшарили персидские берега, а затем снова двинулись на Волгу. Во главе их стоял атаман,

*) Акты историч. т. IV, стр. 375.

начавший приобретать громкую известность среди многочисленной бродячей, казацкой Руси. То был Степан Тимофеевич Разин. Народная песня отчетливо помнит этот переход казацкой ватаги Разина из удачного морского набега снова на Волгу, переход, чреватый серьезными общественными последствиями:

„Как далеченько-далеченько, во чистом поде,
А еще как подалее, на синем море,
Что на синем славном море Хвалынском,
Как не белые лебедочки слетались,
Как не ясные соколики сопорхались,
Сходилися музурушки персидские
И низовые бурлаченьки безпашпортные.
Они думушку гадали все великую,
Думу крепкую гадали за единую:
„Вот кому из нас, ребятушки, атаманом быть,
Да кому из нас, ребятушки, есаулом слыть.
Атаманом быть Степану Тимофеевичу,
Есаулом быть Василию Никитичу“.
Атаман речь возговорит, как в трубу трубит:

„Не пора ли нам, ребята, со синя моря,
Что на матушку Волгу, на быстру реку?“

(Обор. Песен Киреевск. т. II, стр. 31, 138, 139).

3. Движение Разина.

Личность Степана Разина. Его связь с казацкой гольтьбой. Эмиграция за добычей. Действия на Волге, на Яике и за Каспием. Возвращение в Астрахань. Отдание московским царем вины казкам и настроение Астраханского черного люда. Поведение Разина в Астрахани и Царицыне и создаваемое им настроение черного люда на Волге. Возвращение Разина на Дон и подготовка нового предприятия на Волге. Революционный характер этого предприятия. Социальный состав разинского войска. Восстание посажденного населения и взятие Разиным Царицына и Астрахани с последствиями этих событий. Поход Разина из Астрахани вверх по Волге. Состав разинского движения в это время. Восстание русского крестьянства и инородцев. Взятие Разиным Саратова и Самары. Поражение под Симбирским. и бегство Разина с казаками. Отрицательное значение этого побега для народного восстания. Судьба Разина. Судьба народной революции в Среднем Поволжье и в Астрахани. Общие выводы.

Та роль, которая выдвинула Разина из обширной среды казацких удальцов на историческую сцену, была разыграна им на Волге. Это казацко-народный герой Волги. Но он явился сюда с Тихого Дона, близко подходящего к матушке Волге: поэтому, дабы познакомиться с личностью Разина,— с началом и концом его выступлений, необходимо взглянуть на него и в донской социальной обстановке в разные моменты его бурной, но кратковременной истории.

К эпохе Разина донское казачество сильно расщепилось на две основные социальные группы—на домовитых и голутвенных казаков. Первые—это старожильцы Дона, коренное донское казачество, из которого составлялось и войсковое правительствo; вторые, это или обедневшие из старых казаков или—больше—новые поселенцы на Дону, недавно прибывавшие сюда для воли и попадавшие обыкновенно здесь в батраки к первой группе. Действуя часто вместе с этой коренной казацкой группой—руководительницей общественной и политической жизнью на Дону, „голутвенные“ казаки иногда, когда их скапливалось здесь слишком много, устраивали и самостоятельные предприятия за добычей. Так случилось и в конце 60-х годов XVII века, когда голод постиг-

ший „голутвенных“ казаков вследствие переполнения Дона пришлым людом из московских украин, заставил всю эту казацкую и казачествующую „голытьбу“ замышлить, как тогда говорили, „воровское собрание“ для удалого набега. У этой-то части донского казачества, у „голытьбы“ и был „вождем“ (вождем) Степан Тимофеевич Разин, один из старых и уважаемых казаков, но, по каким-то темным обстоятельствам, разорвавший с казацким кругом, с домовитыми казаками, и связавший свою судьбу с голутвенными. „Во казацкий круг“, вспоминает об этом народная песня—былина, „Степанушка не хаживал,

Он с нами, казаками, думы не думывал

Ходил—гулял Степанушка во царев кабак.

Он думал крепкую думушку со голытьбою“.

Думушка эта и была о том, как-бы голытьбе поправить бедственное положение, в котором она находилась. „Думушка“ тесно соединила „Степанушку“ со всеми бедвяками на Дону, которые полюбили этого, пришедшего к ним из казацкого круга, пожилого казака. Но Разин был люб голытьбе не только потому, что перешел к ней от домовитых: он чаровал ее всею своею личностью, обладавшей в высокой мере теми свойствами, которые особенно ценились казачеством. Это был человек необыкновенно крепкого, богатырского сложения и великой душевной мощи, широкий в плечах и желаниях. Самой осанкой и соколиным взглядом своим, умеющим быть и грозным, и милостивым, он, вероятно, производил обаятельное впечатление на толпу. Ей сразу было видно, что если этот человек много обещает, то он и даст не мало, и что он не остановится ни пред чем, чтобы достигнуть задуманного. Твердость и неумолимость в соединении с самой беззаветной удалью, повидимому, были главнейшими свойствами в широкой и необузданной натуре Разина:—они-то и подчиняли ему толпу, делали „Степанушку“ вождем ее.

С другой стороны, Разин был вполне понятен толпившейся вокруг него голытьбе. Ничего, сверх ее разумения, он ей не предлагал. Его понятия и чувства сложились в тех же боевых условиях, в которых протекала жизнь всякого казака или казачествующего человека. Борьба с турками и татарами, „басурманами“, учила Разина, как и всех других донцов, не забывать о Москве, как об отдаленной, но сильной военной базе, вполне необходимой в критическую минуту, учила эта борьба не забывать и о православной вере, как о последнем прибежище для души оглушенной шумом боевых схваток и разгуда. „С молоду много было пито, бито, граблено, пора и душу спасти“, говорили казаки и отправлялись куда-нибудь на богомолье. Есть известие, что так поступили и Разин, ходивший в Соловки.

Но ум и сердце таких людей, как Разин, глубоко не

проникались этими политическими и религиозными симпатиями, которые в конце концов оказывались лишь легким быстро стиранным налетом на их психике. В уме и сердце казацкой вольницы и в особенности ее вождей и любимцев в роде Разина, укреплялись представления и чувства совершенно иного порядка, те самые, которые выработались в постоянной борьбе не за великого государя и за веру православную, а за добычу, в борьбе не столько с басурманами, сколько с богачами, как чужими, так и своими. На почве такой борьбы выработалось скорее равнодушное, чем искренне-сочувственное отношение, как к „великому государю“, так и к православной вере; это собственно и было преобладающее настроение в психической жизни Разина с товарищами. А при таком настроении, Разину было ни о чем в сердитую минуту открыто похвалиться и глумиться и над „великим государем“, и над религией: Служителей церкви и ее обряды он не менее не выносил, чем слуг государства и его приказы, т. е. канцелярские порядки.

У Разина мало-чего было заветного, святого за душой, ибо месть свила там страшное гнездо свое. Жестокость и беспощадная свирепость, воспитанные постоянной борьбой, были едва ли не самыми видными чертами его характера, чертами, наводившими лавический страх на тех, кого он считал своими врагами. Этим именно чертам Разина и старались подражать его сообщники и товарищи, ибо это были родовые черты всей вольницы, лишь особенно рельефно и ярко выразившиеся в натуре знаменитого атамана. Но едва ли было бы правильно, если мы отказали Разину в стремлении не только отметить народным лахоедам—бойрам, но и издать для народа наилучшие условия существования: несомненно он нес народу казацкое равенство, казацкий строй жизни, выше которого не могла представить его мысль, как нельзя лучше отвечающие темным инстинктам просто—народных масс.

Таков был человек, сумевший организовать из голыток на Дону „воровское собрание“, с тем, чтобы идти куда-нибудь за „зицунами“. Первая думушка Разина с голытьбой была та, чтобы идти вниз по Дону и выйти в море, но этот обычный план не удалось осуществить. Мало того, что низовья Дона были загорожены турецкими „крепостями“, у казацкого круга с городом Азовом был мир и невыгодно было нарушать его; поэтому войсковое правительство воспротивилось предприятию Разина с товарищами в этом направлении, и он принужден был двинуться вверх по Дону, дабы, подкрепив свою ватагу в верховьях реки, затем переброситься на Волгу. Так и вышло дело.

Получив подкрепление из верховых городков не только людьми, но и оружием и всякими припасами, Разин со своей стоянки на Дону перешел на Волгу. Это и была та ватага,

действия которой кратко указаны выше; но с ними надо познакомиться поближе, дабы психологически были понятны события, совершившиеся в истории Поволжья по возвращении этой ватаги из Персии и со „сини моря“ снова на Волгу.

До своего персидского похода Разин бурно похозяйничал на Волге. Еще когда он стоял на Дону—на буграх, среди полой воды, шайка его, как сообщали правительственные агенты, достигала 1000 и более человек и все пополнялась, а теперь, на Волге она пополнялась стрельцами, судовыми рабочими и ссыльными с захваченных Разиным судов. Он разгромил целый караван, конволируемый стрелецким отрядом, который однако не оказал никакого сопротивления разинской шайке. Кроме купеческих стругов с товарами и струга московского богатого гостя Шорина, в караване находилась два струга самых высокопоставленных лиц московского государства—царя и патриарха. На царском струге везли ссыльных. Они были немедленно освобождены Разиным. Караван был ограблен, но „лодья Шорина“ была затоплена вместе „с государевым хлебом“. С начальствующими людьми было поступлено беспощадно. Они были перебиты или брошены в воду, иные после пытки огнем из-за „денег“; три человека „патриарших промышленника“ были повешены на мачтах—кто „за ноги“, кто „за голову“, повешен был и прикащик, пловший с „государевым хлебом“. Расходились „работнички Стеньки Разина“ и зарубили „двух рабочих людей“, вероятно, не поторопившихся присоединиться к шайке. Раззудилось плечо и у самого атамана ее, размахнулась рука.—и Стенька Разин избил „старца патриаршего насадного промыслу и руку ему переломил“ *). Милостиво отнесся Разин ко всем меньшим людям, стрельцам, судовым рабочим и ссыльным. „Вам всем воля“, сказал он им. „идите себе куда хотите, силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочет идти со мною—будет вольный казак. Я пришел бить только бояр, да богатых господ, а с бедными, да простыми готов, как брат, всем поделиться“. Многие присоединились, после этого, к Разину. В актах указывается что „по его подговору“ „пристали“ к Разину „с насадом Шорина 60 человек, с патриарха 100 человек“; „пристал“ и „патриарх сын боярский Лазунко Жидовин“. Главное же дело было, в том, что пример разинского успеха оказался весьма заразительным для всех подневольных, они сейчас же вступали на путь прибывшей с Дона разинской вольницы. Так те ссыльные, которых „казаки расковали“, начали тотчас же „всяким людем“ „чинить разоренье, мучить и грабить пуще прямых донских казков“, как сообщает одна из отписок в Москву о происходившем **). Заигательное

*) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Москва, 1857 г., стр. 23.

**) Материалы, стр. 22.

воззвание Разина нашло легкий доступ в сердца простых, бедных людей. А это и повело к тому, что в ближайшем будущем Разин нашел легкий доступ в поволжские города, которые не открылись бы ему так скоро ворот, если бы пред тем не открылись ему сердца неимущего, черного люда.

Тогда же начала создаваться легенда об удалом атамане, который так удачно выступил на Волге со своим „воровским собранием“. Когда „воры мимо Царицына Волгою плыли, и из Царицына стреляли по ним из пушек“,—с суеверным страхом рассказывали в народе,—то „пушка ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил“. Потому так и вышло, что атаман был чародей, да и помощник его есаул, тоже: „того атамана и есаула“ ни пицаль, ни сабля, ничто не возьмет и все войско они берегут“ *), убежденно передавалось из уст в уста,—и „воровское“ предприятие Разина притягивало к себе все большее и большее количество искателей добычи и веселой жизни.

На 35 стругах, с 1500 и даже больше товарищами, Разин пробился в Каспийское море, при чем по пути, между Астраханью и Черным морем, ограбил и высек попавшегося ему воеводу Семена Беклемишева, у которого, по сообщению, последнего, „воровские казаки“ „чеканом руку пробили“.

Морем Разин доплыл до устья Яица, где, как было условлено, его поджидали яицкие казаки. Из Астрахани в жогоню за Разиным был послан стрелецко солдатский отряд под начальством „Богдана Севирова с товарищи с приказы“. Отряд вагнал Разина на Яике. Здесь произошел „бой велик“, и разницы „на бою“, по сообщению одного „сказания“, „голов стрелецких сотников и пятидесятников многих побили, и многих живых поймали, и все приказы и солдат порубили, струги и оружие все отняли“ **). Яицкий городок Разин взял хитростью. Подойдя к городским воротам, человек сорок казаков с Разиным во главе попросились „в Яицкий городок в церкви помолиться“. Просьба была исполнена: их впустили в городок. Тогда богомольцы не стали медлить. Отперев ворота, они позвали к себе всех остальных своих товарищей, — и городок оказался во власти Разина. Началась расправа с теми, которые не пожелали пристать к воровскому сообществу. Это были астраханцы, взятые Разиным в плен на бою, и наиболее зажиточные яицкие жители: „самых лучших людей астраханских жителей, голов и сотников стрелецких и стрельцов и солдат и жителей яицких всякого чина людей, которые с ним не похотяша воровать, тех всех велел изрубить над ямею, которую повелел ископать, больше тысячи человек“: так сообщает то же самое „сказание“ и прибавляет, что „иные

*) Материалы, 23.

**) Материалы, 242.

многие служилые люди и стрельцы и солдаты ушли морем, в лодках по ночам, а иные пеши степью бежали и многие голодом помирали, иные же в полон взяты быша от татар и калмык* *) Массовая казнь над вырытою могилою заставила содрогнуться многих, и они пустились на утек. На них не оказало действия и то обращение, с которым Разин обратился к янщинам жителям по взятии их городка. „Вам всем воля“, сказал он,—„я вас не силую: хотите за мною в казаки идите, хотите—ступайте себе в Астрахань“. Лишь часть военных людей и астраханских жителей присоединились к разинской вольнице, другие же направились в Астрахань. На последних разгневался атаман. За ушедшими была послана им погоня, которая, настигнув беглецов, требовала, чтобы они вернулись к Разину; но те попрежнему „не похотеша“. Тогда началась расправа: беглецов разины рубили и бросали в воду. Это подействовало на некоторых, поспешивших преклониться пред силой и войти в разинскую ватагу, иные наоборот, бежали дальше и попрятались в прибрежных камышах.

Стенька не любил такой „воли“, которая потом могла обратиться против него самого: он шел освободить народ от бояр и богатых господ, но не от себя, очевидно, полагая, что только он может повести народ к свободе, равенству и довольству. Пока же Разин, перезимовав в Яицком городке, откуда его казаки торговали с калмыками и казацким делом промышляли на море, повел свое увеличившееся войско к еще большей добыче. Весной 1648 г. он начал „гулять“ по морю; здесь к его войску присоединились новая семисотенная шайка Серезки Кривого, смело по Волге бросившаяся вслед за Разиным на море; и удалой Стенька с немевее удачным Серезкой совершил отважный набег на берега Персии. Эти берега от Дербента до Баку были начисто опустошены казаками. Целый год пробыл Разин в Персии, не мало потерял он людей в боях с персиянами, в том числе и одного из самых отчаянных голов своих Серезку Кривого; но не мало побил и побрал в полон и персиян, не мало собрал „зипунов“ для своих многочисленных товарищей,—и, наконец, обремененный богатой казною—добычей, видя, что, при дальнейшем промедлении, он может потерять не только все приобретенное саблею и чеканом, но и все свое войско, сильно поредевшее не от одних боев, но и от болезней, Разин двинулся вновь на Волгу. Ему предшествовала тысячеустая молва о его прежних волжских и недавних персидских подвигах. На Волге его ждали. Но и на Дону голытьба волновалась. Еще когда он хозяйничал в персидской области, к нему собирались идти с Дону разные воровские шайки, возбужденные слухами о Разине и Серезке Кривом, при чем

*) Таме, 242.

атаманы этих шаек даже хвастались, что „они и лучше того учинят“, т. е. лучше того, что учинили Стенька Разин и Сережка Кривой. Эти похвальбишки ждали к себе только „из войска“ „промышленников войсковых“— „Ивашку Жонина да Исайгу Рота“, чтобы „итти на воровство“. И на Хопре замышлялось большое „воровское собрание“; все по тому же примеру Сережки Кривого ходил другой Кривой— казак Минка, да еще казак Пашка, ходили они, как показывали приехавшие с Дону царицынские стрельцы, „для поиску за Серешкою Кривым с товарищи и казаков многих побили“. Теперь они хвадились: „Мы ныне не так учивим, пойдем прямо на Царицын...“. И по рассказу очевидцев, „хотели тех стрельцов „бить, да и во многих городках“, прибавляли рассказчики, „на Дону и на Хопре казаки похваляются итти на Волгу*“). Таково было настроение в мире казацкой вольницы в тот момент, когда Разин появился снова на Волге. Московскому правительству было известно об этом настроении; известно было и о готовности всего черного люда поволжских городов, при первом удобном случае, вступить на „воровской“ путь, и потому московское правительство заранее готово было забыть вины удачливого вождя казацкой гольтыбы, обогащенной морским походом, если бы он с товарищами своими обязался отстать от „воровства“. Сначала переговоры начались с астраханскими воеводами. Казаки хотели с устья Волги, куда они со Свиного острова „бежали“ на парусах 10 дней, „итти мимо Астрахани вверх Волгою на Дон“, но прежде всего они и на Волге увлеклись своим казацким промыслом. Встретив персидские суда (бусы), они напали на одно из них и ограбили, при чем казакам попали и те „купецкие товары“, которые предназначались в дар московскому царю; кроме купеческих, тут были товары и самого персидского шаха. Другое судно было „с шаховыми аргамаками“, которых „купчина вез к Великому государю в любительных поминках“. Оно поотстало верст на 10 от первого судна и ему угрожала от казаков та же участь. Осведомленный об этом, астраханский воевода князь Иван Семенович Прозоровский послал своего товарища князя Семена Львова с ратными людьми, который на взморье, узнав, „что воровские казаки стоят на четырех буграх“, пошел против них; те не приняли боя и бежали в море, кн. Львов их преследовал на протяжении верст 20-ти, но догнать не мог, почему и послал к ним „грамоту Великого государя“. По получению ее, казаки вернулись, и кн. Львов, встав „всеми стругами на якорях“, пропустил Разина с его войском опять на четыре бугра, после чего тот рукав Волги, которым казаки проходили к четырем буграм, был „заступлен“ ратными

*) Материалы. 31.

людьми, дабы казакам „на море выгрести было вельзи“. Тогда-то Разин в ответ на царскую грамоту и послал для переговоров с астраханскими воеводами двух выборных, которые „от всего войска“ и сделали московскому правительству следующее предложение: „чтоб великий Государь пожаловал—велел вины их им отдать и.. на Дон их отпустить с пожитками их, а они за те свои вины рады Великому Государю служить и головами своими платить, где Великий Государь укажет, а пушки, которые взяли они на Волге на посаде и на стругах и в Яицком городке и в Шаховой области, отдадут и служилых людей астраханцев и иных низовых городов отпустят, а струги и струговые припасы отдадут в Царицыне“.

Кн. Семен Львов привел обоих посланцев от разинского войска к „вере“, т. е. взял с них клятву в том, что Разин с товарищами исполнит обещаемое. После этого воевода поплыл в Астрахань, „повелен“ Разину следовать за собой со всеми своими стругами и с бусой, на которой находились аргамаки, предназначенные для московского царя.

Бумага астраханских воевод говорит о „повелении“ князя Львова по отношению к Разину с товарищами, но это, разумеется, было обычным официальным самохвальством: удачливый атаман вольницы воевод не боялся и заранее решил выполнить из своих обещаний лишь то, что не противоречило его интересам.

В самом деле, 26 августа (1869 г.), в Астрахани, когда Разин „с товарищами“, в знак принесения „Великому Государю“ своих вин, у приказной избы сложил бунчук и знамена, то астраханские власти от него приняли лишь несколько человек персидских пленников*), но отнюдь не пушки, относительно которых Разин сказал, что они их „отдадут“; посулил он отпустить и русских служилых людей „без задержки“.

Однако в дальнейшем оказалась серьезная задержка. Разин выдал лишь то, что ему было более нужно—морские струга и тяжелые пушки—числом 21, а 20 более легких пушек**), удобных для передвижения степью, оставил у себя; что же касается взятой разинской вольницей добычи, то между казаками и воеводами, как сообщает официальный документ, происходили „всякие разговоры и с принуждением“. Но казаки не боялись „принуждения“. Они чувствовали себя победителями.

*) В официальном документе показано 6 персиян, в том числе—сын персидского шаха, взятый казаками вместе с его дочерью в морском бою у Свиного острова, последней казацкой стоянки в Персии; но о дочери шаха официальный документ умалчивает—она не была выдана.

**) Четыре медных пушечек меньших, да шестнадцать железных тинных“.

Даже в самой Москве, куда была послана депутация из 6-ти человек, казаки вели себя достаточно непринуженно, откровенно рассказав о всех своих „воровских“ подвигах,—о том, как „они де отобрався охочие люди пошли на Волгу и с Волги на море без ведома войскового атамана Корнила Яковлева“, со своим „начальным человеком Стенькой Разинным“, изъ потом к ним „приставали“ „всякие вольные люди“ и на Волге, и на Яике и из Астрахани, „и из иных городов“, как они, казаки,—„охочие и вольные люди на Волге, на Яике и на море“ „воровали бусы и всякие судна громили и людей всяких чинов русских и иноземцев грабили и побивали“ и проч. Казаки были уверены, что они будут помилованы, и действительно, московское правительство ограничилось тем, что по указу Великого Государя „вины“ казакам были „выговорены“—вместо смерти им был дан „живот“, чтоб они за свои вины служили Великому Государю и „вины свои заслуживали“; относительно же награбленного в приговоре сказано было слишком в общей форме, допускающей всякие толкования: „а что они взяли шаховых людей и животы многие, и то все у них взять и отдать шаховым купчинам в Астрахани“ *).

Благодаря такой форме государевой грамоты, Разин считал своим и своих товарищей правом, если отдавать пленников и пожитки, то не иначе как за выкуп; воеводы же астраханские в начале держались иного взгляда на казацкую добычу и даже полагали, что всех разинских казаков следует переписать. Две силы стояли в Астрахани одна против другой—правительственная и разинская. Эти силы спорили. Между ними происходили „всякие разговоры“ и не раз, не два, а, по официальному свидетельству, „многажды“.

— „Отдайте“, говорили Разину с товарищами воеводы,— „отдайте дары, которые купчина вез Великому Государю, шаховы и купчиняны товары и всякие пожитки сполна, да и полонных людей всех же отдайте!“—„Раздуванены (разделены) уже товары и пожитки“, отвечали Разин с товарищами:—„и после дувану у иных проданы и в платье переделаны,—отдать им нечего и собрать никак не можно. Полон же мы взяли за саблюю, многая братья наша побита при том и в полон поймана. Да ныне“, прибавлял Разин,—„и полон тот в разделе, и достался один полоняник то пяти, то десяти, а то и двадцати товарищам“.

О переписке они и слышать не хотели: „а переписки казакам на Дону и на Яике и нигде по их казачьим правам не повелось“, отрезал Разин, а потом, вспомнив о государевой грамоте, начал указывать, что в ней „не написано“ повеление переписать казаков, равно как и отобрать у них пушки,

*) Материалы, 34—40.

волом и руклядь. Последнее было вольным толкованием вольного человека: без выкупа „иманное“ саблей взять у него и его товарищей он допустить не мог. Непреклонно встал Разин и за оставленные им у себя пушки, говоря, как о деле решенном, что, пройдя степью от Царицына на Дон, он придет „те пушечки“ из Паншина-городка в Царицын. Воеводы поняли, что дальнейшая настойчивость с их стороны небезопасна—казацкая сабля могла снова разгуляться,—и потому уступили. Разин победил. Кикие товары и какой полон можно было выкупить у казаков, те выкупались, „а без окупу того полону и купчинных даров“... „и товаров“ воеводы „у казаков Стеньки Разина с товарищи в неволю имати не смели“, свидетельствует официальная отписка в Москву*). Когда же родственники разинских полоняников—персияне упрекали воевод в потворстве разбойникам, то представители московской государственной власти отвечали: „эти казаки холопы Великого государя, а не разбойники: уже вина им отдана; что взяли они грабежем ясырь и имущество на войне, так это зачтено им в жалованье и до того нет никому дела“.

Разин и его товарищи понимали, что их боятся, что опасается их сама Москва, осведомленная о положении дел в Нижнем Поволжье воеводскими сообщениями с мест, из низовых волжских го одов. Воеводы не скрывали причины своей боязни Разина с товарищами: „Чтоб они вновь шатости и воровству не учинили и не пристали бы к их воровству иные многие люди и от того меж людьми кровопролитие не учинилось“, писали воеводы в Москву**).

Видели воеводы и то глубокое впечатление, которое произвел на простой народ в Астрахани казачьи удачливые подвиги, сделавшие голяков богачами, гулявшими по городу в шелку и бархате, с драгоценными камнями на шапках, видели и страх перед ними астраханских властей. Не селение с восторгом взирало на успехи людей, вышедших из недр того самого простого народа, который толпился на астраханских улицах; здесь создалось сразу повышенное настроение, появилось чувство удовлетворения, что на улице не властей и господ, а детей народа—праздник, стала мелькать мысль, скорее ощущение, чем мысль, что казаки—сила, если с ними так чинятся власти. Сам атаман Степан Тимофеевич, отличавшийся от своих товарищей только своей богатырской фигурой и тем, что он действительно был старший по своему влиянию и значению среди равных по положению, особенно поразил воображение толпы, сразу сделался ее героем, ее „ба-тüşкой“, как она его называла, опускаясь иногда пред ним на колени... Разин, разгуливая среди народа, ни в чем не

*) Материалы, 42.

**) Материалы, 41 и 42.

отказывал беднякам; показывая им милость и внимание, он не считал того, что было у него из привезенной добычи, и раздавал золото и серебро всем и каждому. Такая сказочная щедрость чудного атамана, все глубже и глубже погружающегося в сферу народных вымыслов и легенды,—крепко привязывала симпатии черни к этому вождю вольницы. Другой стороной прибытия Разина с товарищами с моря в Астрахань и отдания им „вин“ было то, что в настроении местного простого люда скоро обнаружилось полная эмансипация от чувства страха пред предержавшими властями и готовность действовать не по их желанию, а по воле батюшки Степана Тимофеевича. Если Разин с товарищами, обстоятельства и вся обстановка,—при которых они жили в Астрахани, произвели именно такое влияние на астраханское население, то замечается и обратное психологическое воздействие народного восторга и преклонения пред казаками—на Разина и его товарищей. Они почувствовали, что между ними и простым народом установилось тесное единение, что они связаны с ним крепкими незыблемыми нитями и что в этой связи заключается серьезная их, казаков, опора и что им особенно не стоит бояться Москвы. И действительно, все поведение Разина, пока он был в Астрахани и затем в пути по Волге показывает, что этот атаман считал себя вовсе не помилованным преступником, а народным вождем, готовым постоянно вступиться за обиженных и гонимых, за интересы меньших, черных людей.

Но вместе с тем в Астрахани широко развернулась могучая и страстная натура Разина. По временам удача и в изобилии лившееся зеленое вино несколько кружили его голову. В такие минуты, казалось, он готов был на всё. Астраханские воеводы, чувствуя его силу и влияние на многолюдную его дружину и на весь черный люд, вели себя сдержанно, ибо, наоборот, служилых людей у них было „малоллюдно“, да и те были „шатки и к воровству склонны“. Следовательно, и у стрельцов без хмеля стали крчиться головы, ибо недовольство давно свило себе гнездо среди мелкого служья Поволожья, а картина вечного праздника и разливанного моря у Разина „с товарищи“ возбуждала их собственные аппетиты. Что хотел „Степанушка“, то и делал, дерзая на всё,—и это торжество воли Разина еще сильнее привлекало к нему умы и сердца простого народа, который тогда впал, как бы, в особый род коллективного гипноза. Всё в любимом атамане поражало народное воображение, отложилось в народной памяти и утпление Разиным прекрасной пленницы—персиянки, его любовницы. Катаясь и пируя со своими сподвижниками и товарищами на Волге, Разин, сильно захмелевший, внезапно вскочил и, подойдя к борту струга, сказал:

„Ах ты, матушка, Волга, река великая! много дала ты мне и злата и серебра и всего доброго, как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не отдаривал; наж тебе, возьми!“ И в каком-то диком, необузданном порыве атаман схватил красавицу-персиянку и бросил в Волгу.

Нет ничего удивительного, что такой „добрый молодец“, при создавшейся в Астрахани и вообще на Волге обстановке, мог относиться к воеводам не иначе, как с большим высокомерием и жесткостью. Он ни во что ставил увещания, с которыми обратились к нему астраханские воеводы, когда отпускали его „с товарищи“ на Дон,—увещания в том, чтобы „они из Астрахани... Волгою идучи... никаких людей с собою на Дон не подговаривали“, а своею волею пристающих к ним не принимали бы и „за то от Великого Государя опалы на себя не наводили“. Но Разин в пути своем по Волге стал поступать, как раз, обратно этим увещаниям. Стрельцов он „подговаривал“ к поступлению в казаки, а к начальству, к стрелецким головам, относился „с большим невежеством“, как потом эти последние жаловались в Астрахани: он „останавливал их и приказывал им быть к себе неведомо для чего, а пятидесятника да пята сотного, которого они, головы, посылали к нему, Стеньке, с отповедью, у себя задерживал и при них бранил их и их, голов, матерны и хотел посылать за ними многих казаков в стругах боем“. Хотя в города Разина и было запрещено пускать, однако он остановился в Царицыне, под тем предлогом, что ждет „станишьяков“, которые были посланы в Москву с повинною. Из Астрахани было предписано царицынским воеводам, чтобы они, „выговорив“ Стеньке за его „дурости“, немедленно выслали его „с товарищи“ на Дон. Но не тут-то было: Разин менее всего был способен обращать внимание на подобные увещания и распоряжения, хотя бы они делались и „с подкреплением“, как сообщается в официальных отписках. Удалой атаман и сам хорошо „подкреплялся“... вином, которое тоже было запрещено продавать ему и его товарищам, дабы по дороге у них с жителями не возникало ссор и „никакого дурна не было“, но которое Разин получал — и „насильством“, и за подарки даже от самого стрелецкого начальства. Но приходе казаков из Астрахани в Царицын, здесь, „с кружечного двора“, им продавали вино, но по двойной цене, и последнее обстоятельство очень разгневало Разина. Царицынскому воеводе Андрею Уиковскому появление Разина в Царицыне едва не стоило жизни. Два раза приходил Разин убить Уиковского за притеснения и за то, что сообщал в Москву о „воровском“ движении вольницы, но каждый раз воевода умел спрятаться, хотя при выпрыгивании из окна и вывихнул себе ногу. Дело однако не ограничилось игрой в прятки. В промежуток между первым и

вторым „хоронением“ воеводы, когда он сидел в приказной избе, явился туда слегка подвыпивший запорожец, осы; пал его „неподобною бранью“ и отодрал за бороду. Сам же Разин, в конце концов, оставив воеводе жизнь, подверг его своему суду и принудил его, удовлетворить потерпевших от него. Нещадно ругая Унковского, Разин „выговаривал“ ему за то, что тот с казаков, приезжающих с Дону в Царицын за солью, берет „с дуги по алтыну“, выговаривал и за то, что отнял воевода у одного донского казака двух лошадей с саями и хомутами, а у другого — щипаль, и последствием этих выговариваний явилась уплата Унковским „тем казакам“ денег за отнятое у них, произведенная при свидетелях — другом царицынском воеводе Леонтии Плохово и при стрелцком сотнике Федоре Алексееве. В довершение всего, Разин, хвалясь, как впоследствии показывал Леонтий Плохово, „воровством на Андрея Унковского“, сказал: — „если он, Андрей, казакам, которые будут приезжать в Царицын для соли и всяких покупок, учтет такие налоги чинить, лошадей и ружья отнимать и с подвод иметь деньги против прежнего, то ему, Андрею, от него, Стеньки, за то живу не быть“ *).

По мнению самой царицынской администрации, можно было Разину чинить такое „озорничество“, потому что он „видел на Царицыне малолюдство“, т. е. недостаточность надежной вооруженной силы. А при данном условии, о выдаче им правительственным агентам „подговорных“ людей и беглых не могло быть и речи. Разин определенно заявил в царицыне воеводе Леонтию Плохово, потребовавшему выдачи: — „У казаков того не повелось — беглых людей отдавать“. Когда же к нему с тем же требованием обратился главный астраханский воевода, кн. Прозоровский с требованием, подкрепленным угрозой, то Разин прямо рассвирепел и начал кричать на посланца: — „Как ты смел придти ко мне с такими речами? Чтоб я выдал друзей своих? Скажи воеводе, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его. Я увижусь и рассчитаюсь с воеводою. Он дурак, трус! Хочет обращаться со мною, как с холопом; но я прирожденный вольный человек. Я сильнее его: я рассчитаюсь с этими негодьями!“ **)

Словом, Степан Тимофеевич уже в этот момент своего выступления на Волге смотрел на себя, как на защитника всех обездоленных, беглых, и как на карающую десницу по отношению к властным притеснителям народа.

Такова была позиция, занятая Разиным. Она-то и воспитывала быстро в народных массах бунтовские или стихийно-революционные чувства. Это и было ближайшим последствием

*) Материалы, 43—49.

**) С. М. Соловьев, История России, XI, С.-Петербург, 1861, 417.

возвращения Разина с товарищами с моря Хвалынского на Волгу. Ясно, что когда, наконец, они вернулись на Дон,—надо было ожидать нового нашествия казаков с Дона на Волгу, где на известной нам социально-экономической основе создавалась теперь, и необходимая для казацкой вольницы массовая психология. Надо было ждать нового „шуму“, которым, по преданию, грозил Разин воеводе, еще будучи в Астрахани. Воевода пожелал иметь богатую шубу, бывшую на Разине, когда тот прибыл к воеводе на струг в гости—атаман отдал шубу, в сердцах сказав: „возьми, братец, шубу; только не было бы в ней шуму“.

Похвалялся он „воровством впредь“ и позднее, когда чинил свои „невежества“ в Царицине. Новое „воровство“ не замедлило. Это было уже сильно зашумевшее народно-революционное движение, громовые раскаты которого отозвались во всех уголках сермяжной Руси.

Вернувшись на Дон осенью (1669 г.), Разин не терял времени даром. Прежде всего надо было подумать, где провести зиму. Не доверяя домовитым казакам, Разин решил устроиться на зимовку отдельно от них, на новом месте. Между городками Качальником и Ведерниковым, ниже первого по Дону „с версту“, на небольшом (версты с три длиной) острове вольница Разина понаделала для себя и своего атамана землянок,—и таким образом возник земляной разинский городок. Он и явился центром новой народившейся на Дону силы—голутвенных казаков. Таковые, не участвовавшие с Разиным в его удачном предприятии на Волге и за Каспием, но слышавшие о богатой добыче, привезенной участниками разинского „воровства“, были рады, что „Стенька Разин с товарищи пришли на Дон“: они называли его отцем и были готовы идти за ним, куда он их поведет. Так приобретенная Разиным громкая слава делала его вождем всей голутвенной Руси, всего тогдашнего пролетариата. Уже это обстоятельство само подталкивало Разина на более крупное предприятие, чем простой казацкий набег за добычей. К удачливому, счастливому, обвеянному таинственной дымкой легенды, атаману-чародею шли охотно со всех сторон. Это было доподлинно известно; „из всех де Донских и Хоперских городков казаки“, сообщалось московскому правительству тогда же, „которые Голутвенные люди и в Волги гуляющие люди идут к нему, Стеньке, многие...“

Но приходу Разина на Дон были несомненно рады и те домовитые казаки, которые сужали голутвенных оружием и платьем для получения от них потом половины добычи: это участники „воровского“ казацкого предприятия „из полу“, кредиторы

активных добычников, донской голытьбы. Теперь происходил дележ богатой добычи между хозяевами и работниками, и первые, удовлетворенные в полной мере, вероятно, не прочь были опять послать последних за новыми „зипунами“. А так как голытьбы на Дону было много и „кормиться“ ей было „нечем“, то невольно возникала уверенность, что с наступлением весны без нового организованного „воровства“ дело не обойдется.

И чем дольше оставался Разин на Дону, тем более и более крепла эта уверенность. Боялась Разина Москва, боялось и донское войсковое правительство. Последнее было поставлено возвращением Разина на Дон в большое затруднение. Войсковое правительство не знало, как отнестись к Разину: как к прощенному „Великим государем“ своему брату казаку, или как к вождю „воров“, готовому снова пуститься на „воровство“ и совсем несклонному считаться с общими интересами домовитого донского казачества? Поэтому войсковое правительство, с одной стороны, отказало Азовцам в перемирии, боясь, что „Стенька Разин с товарищами“, не обращая внимания на договор, учинит им какое-либо „дурно“, и тогда „им, казакам, впредь“ „ни в чем верить не учнут“, а с другой стороны, не смело приступить и к борьбе с Разиным и потому решило обратиться за указаниями на этот счет к московскому царю, чрез своих посланцев, заявив ему, что „в Черкасском городке атаман Корнило Яковлев и иные старшины и нарочитые казаки его Стенькино воровство не хвалят и к себе его не жалуют“.

Лишь самый верхний слой донского казачества определенно был настроен против Разина, остальные же донские казаки, не „нарочитые“, а простые рядовые казаки, составлявшие средний слой донского казачества, в рассматриваемый момент несомненно находились в колебании, — и на них трудно было положиться верхнему слою: ведь, очень многие из них если и не отваживались принять личное участие в „воровстве“ Разина, то все-таки могли рассчитывать на целую половину будущей добычи за подмогу предприятию необходимым для него снаряжением. Таким образом сочувствие казацкого большинства оказывалось явно или тайно на стороне Разина, почему ему открылся полный простор действовать. Перезвав в свой земляной городок из Черкаска свою жену и брата Фрола, Разин здесь приступил к энергичной агитации. Приходивших к нему „безпрестанно“ „годутовенных“ он сужал всем, что имел, и „всячески уговаривал“, а тех, которые у него уже были, держал крепко у себя и, если отпускал на побывку домой, то лишь „за крепкими поруками“. И для постороннего наблюдателя ясно было, что Разин настойчиво собирает войско и своими речами и посулами стремится вдохнуть в него готовность идти за ним, как за своим вождем: „приказывал он казакам беспрестанно“, сообщали в Москву правительственные агенты, „чтоб они были готовы“.

Войско это увеличивалось. Громкая слава Разина привлекла в его стан и Запорожцев или „Черкас из Запорожских городов“, по словам официального документа. Уже осенью, в ноябре, у Разина набралось до 2700 чел.; в дальнейшем же это войско обещало увеличиваться „безпрестанно“, чему содействовала несомненно и та таинственность, в которую Разин облекал свои планы, „а какаа у него мысль“, доносили агенты, „про то и его казаки не многие ведают, и некоторыми мерами у них, воровских казаков, доведаться не мочно“ *).

Предприятие, очевидно, готовилось серьезное и до поры—до времени его цель объявлять было опасно—могли быть спешно приняты и серьезные меры, а кроме того, самая серьезность предприятия, преждевременно выяснившаяся, могла отпугнуть от него колеблющихся. Для „голутовых“, стегавшихся к славному атаману, пока достаточно было знать, что он их поведет к славе и богатству, которые уже приобрел сам и разделил со своими прежними товарищами. Этого было довольно знать и остальному казачеству, многие из коего снова мечтали, при помощи „воров“, понагреть себе руки. При таких социальных условиях, увеличивая и укрепляя уговорами и приказаниями свое войско, Разин вместе с тем выростал и сам в своем и казацком мнении, а к весне вырос на столько, что ему сделалось можно из центра голутовых, земельного городка, безбоязненно явиться в центр домовитых, в Черкасский городок, и здесь открыто повести свою агитацию в казацком кругу, из которого он когда-то ушел в „голи кабацкой“. В кругу, как свидетельствует официальный документ „учал говорить воровские развратные речи, наговаривая, чтоб к их воровству иные приставали“. Не все, разумеется, одобряли эту агитацию. Некоторые возражали Разину—„учали встречно говорить“. Это были, сравнительно немногие, „нарочитые“ или „добрые“ казаки, представители донской казацкой буржуазии. Их сопротивление Разин сломил террором: „он, Стенька, с товарищи своими, хотя учинить страх, добрых казаков побивал и в воду метал“. Это ему сошло с рук, ибо сила была на его стороне: не только „товарищей“, но и сочувствующих ему было, очевидно, много. Разин понял, что на Дону он стоит на твердой почве. Это видно и из того обстоятельства, что он перестал церемониться не только с „добрыми казаками“, но и с привычными для массы, „добрыми“ религиозными представлениями. До его появления в Черкаске здесь сгорели церкви, и казаки толковали о том, чтобы построить новые; но Разин, узнав об этом, воспротивился построению церквей и смело стал высказывать антирелигиозные воззрения, — „износил на имя Господие и на святую церковь худу“. Называя попов царскими богомольцами, он считал их врагами своими, почему, увлекаясь борь-

*) Материалы, 9—5.

бой с ними, не щадил и самых верований, которые в другое время охотно исповедывал и сам.

В Москве о такой агитации Разина были осведомлены,— и „великий государь“ в грамоте оповещал население о следующих „дуростях“ этого смелого человека: „отетушил“, вопияла царская грамота, „от святые соборные и апостольские церкви и про Спасителя нашего Иисуса Христа говорит всякие хульные слова и нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил и церковей Божиих на Дону ставить и никакова пеня петь не велит, и священников с Дону сбивает и велит венчаться около вербы“. *)

Иностранец—современник и народное предание подтверждает отрицательное отношение Разина к церковному браку. Возможно что под веселую руку удалой атамана и говорил: „ня что церкви и попы? Венчаться? пропляшите вокруг куста—вот и повенчались!“ Стоять за то, чтобы „жить без браку“, за свободную любовь, Разину ничего не стоило: это он и его товарищи осуществляли на деле, но было бы ошибкой приписывать Разину атеистическую точку зрения на подобные вопросы, что он был сознательным отрицателем религии и установленных церковью таинств. Нет, скорее всего он был индеферентистом в делах веры и отводился к ним сообразно с обстоятельствами и своим настроением, которое у него, как и у его товарищей, было очень изменчиво. Вообще же, как и выше отмечено, ни Разин, ни его сподвижники с „православной верой“ не разрывали. Достаточно указать, что у самого Разина был духовник „черный поп Феодосий“ **) и что вообще в войске „воровского“ атамана были свои „воровские попы“, исправлявшие обычные православные требы.

Так сохранилась номинальная собственноручная „роспись“ одного из таких попов „Тем людям, которые у полку Степана Тимофеевича да товарища его Василья Рооновича (?) сына Уса („Васьки Уса“), которые побиты, и эта (разумеется, позднее рассматриваемого момента составленная) „воровская роспись“, по обыкновению всех поминаний, причтала: раба своего проставившегося Ивана, раба своего убиенного Василия, убиенного Иосифа, убиенного Данила, убиенного раба своего Федора, Фомы, раба своего Федора убиенного, раба своего Ивана убиенного, раба своего убиенного Илью, убиенного, раба своего убиенного Григорья“.***) И это было в то время, когда Разин запретил хоронить по церковным обрядам убитых стрельцов и других людей противной стороны. Ясно, что нападки Разина на религию, гонение его на попов, сбивание их с Дону выходили не из религиозного

*) Моск. Архив быв. Минист. Юстиции, Разрядн. Прик., Белогор.

**) Ibid. Столбец 712.

стол. Столбец 671.

***) Ibid. Разрядн. Приказ. Столбец 408, столбик IV, лист 22.

разногласия, а из побуждений борьбы, разделившей служителей церкви на две неровные части, на большинство, оставшееся в стане его врагов, и на меньшинство, перешедшее на его сторону. Именно борьба, начатая Разиным против высших классов, а ничто иное, обусловила отношение его не только к „царским богомольцам“, но и к Православной вере, которой он принципиально не отрицал. Эта вера в рассматриваемый момент вставала Разину поперек дороги, и он без колебания отшвыривал ее, как препятствие к исполнению его замысла. Современники так и поняли антирелигиозные выходы расходившегося „воровского“ атамана, выходы, имевшие свою целью — „истинные христианские народы от Бога отлучены учинить и осквернить“ *) Бог и его служители стояли на страже господствовавшего на Москве государственного порядка, сверху до низу проникнутого религиозной тенденцией, — и Разин прежде всего восстал против них: ясно, что замысел его был восстать против московского государства. На это указывает и то, что, занимаясь вербовкой и агитацией на Дону, Разин не поцеремонился с присланным сюда представителем московского государства. Жилец Герасим Евдокимов от „Великого государя“ привез донскому казачеству в Черкасск „милостивую“ грамоту, как он сам её назвал, когда Разин, явившись в круг со своими казаками спросил его о цели его приезда; но Евдокимов, конечно, умолчал о другой, секретной, цели его миссии — „проведать всякими мерами подлинно, где ныне Стенька Разин и с ним атаманы и казаки с Михаилом Самаренином с товарищи в совете ль или не в совете и ссылка меж ими есть ли, и к тому Стеньке казаки к его злому умыслу на всякое воровство не пристают ли?“ Было кстати приказано разведать и про Калмыков, „где они кочуют, на Дону, или где инде и с кем они в ссылке?“ *). Московское правительство было уверено в „злом умысле“ Разина и хотело выяснить его положение по отношению к другим местным силам. Проницательному атаману не трудно было проникнуть в истинный смысл приезда царского посланца, принятого войсковым правительством „честно“ и собиравшегося в обратный путь в Москву, куда казачий круг решил вместе с ним отправить свою депутацию. Но не пришлось жильцу Евдокимову вернуться домой: Разин, явившись со своими казаками в следующее собрание круга, когда выбирали „станцу“ для посылки к царю, казнил царского посланца. Это было брошенной им перчаткой Московскому государству — открытым заявлением о своем „злом умысле“. И не мудрено: Разин сознавал свою силу. Отмежевываясь с ней от домовитых, казацкой буржуазии, он гордо заявил представителю войскового правительства, атаману Коринилу Яковлеву (который был кресным отцем Разина): „ты владей своим войском, а я владею своим войском“.

*) Материалы 192.

Количество этого разинского войска „голутвенных“, казацкого пролетариата, продолжало увеличиваться, ибо оно вбирало в себя всех любителей добычи, всех немущих, озлобленных людей, и раньше собиравшихся в разбойничьи шайки. Когда Разин, двинувшись из Черкаска вверх по Дону, остановился в Паншине-городке, к разинскому войску присоединилась большая шайка Васьки Уса, уже прославившегося тем, что раньше он в деревнях поднимал крестьян на помещиков. С таким войском, достигшим солидной для тех времен и мест цифры—до 7000 чел., можно было приступить к осуществлению „злого умысла“. Этому „умыслу“, как будет видно из дальнейшего изложения, кроме „голутвенных“, сочувствовало и всё среднее казачество на Дону, не принявшее активного участия и в новом разинском предприятии. Для донского казачества, в конце концов, стало ясно, что Разин замыслил борьбу с Московским государством, а оно в казацком представлении было по преимуществу боярским: не даром Разин спросил в казацком кругу царского посланца, от кого тот поехал на Дон, от государя или от бояр? Боярское же государство, как государство крепостной неволи, было ненависто всем казачеству, и оно союзничило с ним скрепя сердце. Но во главе этого государства стоял „Великий государь“, и домовитое казачество, получая от его имени необходимые Дону товары—хлеб, сукна, боевые припасы,—не решилось открыто присоединиться к „воровству“ „голутвенных“; однако своим массовым сочувствием и прорывительством оно несомненно поддержало Разина, когда он расправлялся с царским посланцем в присутствии войскового атамана и других старшин, ненапедших отклевка в казацкой массе на робкий протест Корнила Яковлева против чисто бунтовских действий признанного вождя вольницы. При всем том главная, активная поддержка ждала Разина впереди. Это—поддержка со стороны черного народа поволжских городов и крестьянского населения—прежде всего того же громадного поволжского района; ибо для всех низших классов боярское государство было той страшной, неудобноносимой тяжестью, которую всегда им хотелось „избыть“, а то так и совсем сбросить с себя. Обширный и породческий мир Поволжья, угнетенный не менее, чем русский, тем же государством в лице его представителей на местах (воевод, приказных, дозорщиков, сыщиков), мог тоже поддержать восстание против Москвы, раз оно началось в русском мире.

Словом, все, говорило за то, что новое движение Разина, на Волгу, с войском голутвенных казаков, разных авантюристов и искателей добычи, превратится в стихийную народную революцию.

*) Материалы, 191.

1870 - ukraine by...

Anglo...

1) nejusq e 1870 - no 1900

1) e 1900 - 1912

1900 - 1912

1912 - 1917

1917 - 1918

1918 - 1919

19 - 25

19 - 25

Тысяча... XVII век

у князя... 1711

у князя... 1711

у князя... 1711

у князя... 1711

у князя... 1711

у князя... 1711

у князя... 1711

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Код.ч. пред. выдач.

3 ТМО Т. 3.600000 3. 2790—90

